

The background of the entire page is a dense, artistic pattern of golden-brown leaf skeletons. The leaves are of various shapes and sizes, overlapping each other. The veins of the leaves are clearly visible, creating a complex, web-like texture. The color is a warm, golden-yellow, giving it an autumnal feel.

Михаил Сельдемешев

Бездна Мурены

Михаил Сельдемешев

Бездна Мурены

«ЭКСМО»

2020

Сельдемешев М. М.

Бездна Мурены / М. М. Сельдемешев — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-119337-9

Когда-то давно он еще был просто Владимиром Вазенитовым, а что сейчас? А сейчас он – капрал Зенит на космическом корабле «Довженко-19». Вместе с командой из 7-ми человек он путешествует по просторам космоса, встречая по пути самых разных созданий от дроидов – помощников, заканчивая так называемыми «Бестелесыми». Думаете, что это история-фэнтези или наше далекое будущее? Вовсе нет. Эта история происходит в реальном времени, только далеко не в космосе, а в обедневшей психиатрической больнице. Дроиды – всего лишь санитары, у капрала приступы эпилепсии, а у всех членов команды самые разные психические заболевания. Но есть одна загадочная штука. Бездна Мурены. На что пойдут герои чтобы победить ее? Вылечатся они, или сойдут с ума окончательно?

ISBN 978-5-04-119337-9

© Сельдемешев М. М., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

«Нулевой парсек»	6
Глава I. Аварийный выход	6
Глава II. Ошмётки экипажа	14
Глава III. Отбраковка биомусора	22
Глава IV. Ускользящие цели	39
Глава V. Бунт на корабле	46
Глава VI. Ухабы галактики	52
Глава VII. Межпланетный бордель	63
Глава VIII. Нарушение карантина	77
Глава IX. Пикник на вулкане	90
Глава X. Безжизненная Зона	103
Приговор прогрессу	120
Глава I. Саркофаг	120
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Михаил Сельдемешев

Бездна Мурены

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© Helena / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

«Нулевой парсек»

Глава I. Аварийный выход

В просторном холле психиатрической больницы было темно. Тем не менее тусклый свет луны проникал сюда через зарешеченное окошко надзорной палаты беспрепятственно, ибо двери в палатах больницы отсутствовали. И вовсе не по причине царящей в стране разрухи, а в силу специфики заведения и его контингента.

Пятно лунного света падало аккуратно на дежурного санитаря, примостившегося на стуле у входа в надзорную палату, и освещало его широкую спину с крупным номером 1 на халате. Вообще-то больше всего на свете санитар № 1 обожал кроссворды. Но в полутьме от их разгадывания портилось зрение, и поэтому он предавался второй своей страсти – сну во время дежурства. Спал он, почти уронив голову на колени, насколько позволял солидный живот.

Вдобавок к упомянутым бесхитростным увлечениям, «первый» санитар был не прочь основательно поест, он понемногу выпивал на рабочем месте тайком от главврача и был не особо отягощён интеллектом, несмотря на обилие заполненных его рукой кроссвордов. Всё это чрезвычайно способствовало крепкому сну санитаря с номером 1 на обширной спине. Если б его сейчас кому-то удалось разбудить и отклонить в рабочее положение спиной к стене, то взору предстала бы ещё одна отличительная особенность данного медицинского индивидуума – бирка «Пётр», пришпиленная к нагрудному карману халата.

Отличать санитаров по номерам и биркам придумал нынешний главврач больницы Арфеев. Подобная задумка, по его мнению, позволяла пациентам воспринимать одинаково одетых в белое сотрудников не как безликие инструменты ограничения свободы и проведения неприятных процедур, а как индивидуальностей. Что должно напоминать бедолагам о нахождении среди людей, а не в недрах бездушной психиатрической машины из однотипных шестерёнок и винтиков. А уж как отличать санитаров: по имени на бирке или номеру – каждый пациент решал для себя самостоятельно.

Изначально Арфеев планировал поместить трафаретное имя и сзади на халате, над номером, но тогда санитары невольно бы напоминали ему футболистов. А их главврач, начиная с последнего чемпионата мира, недолюбливал и считал паразитами. От санитаров, как ни крути, всё ж хоть какая-то польза.

Мимо грузного посапывающего тела под номером 1 в надзорную палату, бесшумно ступая босыми ногами по свежепомытому полу, проскользнула девушка. Доведись санитару Петру добросовестно исполнять служебный долг, он бы точно не пожалел о только что увиденном. Посетительница надзорной палаты была необычайно красива, её огненно-рыжие волосы словно помогали слабенькой луне озарять пространство холла. В этом сказочном освещении её полностью обнажённое тело могло бы вдохновить на создание живописного шедевра. Но вдохновляться здесь в этот час было некому.

Главным ценителем женской красоты в этих стенах считался санитар с номером 3 на спине и биркой «Александр» спереди. Вот он бы точно насладился прекрасным зрелищем со знанием дела. Да что там, он несколько минут назад даже совершил попытку познакомиться с новенькой рыжей пациенткой поближе, проникнув в женское отделение. Поэтому в настоящий момент Александр, привязанный полотенцами к батарее, отчаянно ёрзал, безуспешно пытаясь вырваться из западни. Под присмотром нескольких пар глаз, блестящих в свете луны, он чувствовал себя чертовски неудобно. Ибо, как санитару № 3 было прекрасно известно, здравым рассудком обладательницы этих глаз похвастаться не могли.

Очутившись в надзорной палате, рыжая незнакомка взялась за спинку единственной здесь кровати и попыталась потрясти её с целью разбудить спящего на ней человека, который безмятежно улыбался во сне. Ножки железной панцирной кровати оказались привинчены к полу, поэтому сон одиночного обитателя палаты потревожить не удалось. Это был мужчина средних лет с располагающей внешностью и аккуратной академической бородкой. Такого можно запросто встретить на кафедре любого технического вуза, вечно окружённого любознательными студентами и увлечённо исследующего сложные процессы, недоступные пониманию рядового обывателя. Спал он прямо в больничной пижаме, а руки и ноги его были зафиксированы на кровати вязками.

РА-СА-РА-СА-РА.

Монотонно повторяющиеся звуки, произносимые визитёршей, в конце концов разбудили лежащего.

РА-СА-РА-СА-РА.

Он тщетно силился разглядеть источник звука, но перед его взором маячило лишь огненно-рыжее пятно в освещении луны. В какой-то момент взгляд пациента наконец сфокусировался на мерцающем треугольнике меж кроватных перил. То, что он поначалу принял за глаз внутри треугольника, оказалось женским пупком. Мужчина попытался заговорить, но его язык отказался повиноваться, перебив мелодичные переливы ночной визитёрши бессвязным мычанием.

На миг обнажённое совершенство осветилось ещё ярче, и тут же лучи фонариков, бесцеремонно ворвавшиеся в надзорную палату, запрыгали по ней и ослепили привязанного пациента, нарушив прекрасную гармонию. Вместе с лучами ворвались обладатели фонариков: отвязавшийся наконец санитар № 3 с биркой «Александр» и разбуженный им санитар Пётр, непрерывно зевающий и пытающийся размять затёкшую спину с номером 1.

Подхватив девушку под руки отработанными движениями, пронумерованные блюстители порядка покинули наблюдательную палату, оставив её обитателя снова наедине с блеклой луной за решёткой окна. Он несколько минут пытался бороться с чудовищной слабостью, приподнимая голову, но тут же роняя её обратно на подушку. Перед тем как вновь провалиться в беспмятство, пациент надзорной палаты успел заметить нескольких медведей на дереве.

Запахавшись, в палату забежал ещё один санитар, с виду дюжий крепыш, энергичный и деятельный, в отличие от своих коллег. В линейке санитаров больницы он расположился между Первым и Третьим – на спине его красовался номер 2, а на бирке значилось: «Николай». Фонарик он направил на кровать, сжимая в другой руке резиновую дубинку, которую на днях приобрёл на толкучке. Николаю не терпелось опробовать её в деле, но «овощ», как назло, уже снова оказался в «отключке». Проверив надёжность вязок, санитар № 2 с досады врезал дубинкой по железной спинке кровати и отправился восвояси. Больше выместить зло было попросту не на чем – какой-либо иной мебели в наблюдательной палате не предусматривалось.

Улыбающийся во сне пациент снова остался в компании луны за окном и нарисованных на картине медведей. На самом деле он уже не спал.

Кто я? Где я? Помню космический корабль, секретное задание, прорыв для человечества, да и для всей остальной галактики. Значит, мы уже возвращаемся. Задание выполнено. В чём была его суть? Почему я так мало и обрывочно помню? Руки и ноги чем-то зафиксированы. Это определённо камера для анабиоза – искусственного сна с целью замедления физиологических процессов. Я вышел из него, но вышел, судя по всему, аварийно. Это объясняет проблемы с памятью.

Перед погружением человека в анабиоз его память сохраняют во внешнем хранилище, чтобы уберечь сознание. Из-за того, что у анабиозного замедления биологических процессов существует побочный эффект – деградация нейронных связей мозга за время многолетней консервации. И если предварительно не сохранить состояние нейронных связей, то на

выходе из анабиозной камеры вместо подготовленного специалиста с высоким интеллектом можно получить полного идиота. Поэтому бортовой ИИ, искусственный интеллект, непосредственно перед процессом пробуждения должен был закачать мне память обратно. Но что-то пошло не по плану. ИИ аварийно прервал анабиоз, не успев довести процесс восстановления моего сознания до исходного состояния.

Светящийся треугольник! Вот причина сбоя. «Ра-Са-Ра-Са». Что это означает? Со мною пытались вступить в контакт. Очертания контактёра были размыты. Известна лишь одна раса во Вселенной, представители которой не имеют оформленной физической оболочки. Их так и называют – Бестелесые. Что же их занесло сюда, на наш звездолёт? Явно что-то серьёзное, раз они пошли на контакт экстренным образом.

Кажется, начинает проясняться. Датчики корабля зафиксировали нештатное воздействие извне и активировали аварийный режим. А бортовой компьютер не сумел справиться с анализом, и ему понадобилась помощь старого доброго человека. Но что помешало ИИ вернуть мне память? Это же дело нескольких минут. Неужели техническая неисправность? Бестелесые что-то повредили? Атаковать нас они не должны – у Космосдружества с ними мирные соглашения. Знают ли о ситуации на Земле?

Мои предположения необходимо срочно занести в бортовой журнал...

Когда улыбающийся пациент с академической бородкой пришёл в себя в очередной раз, он обнаружил, что сидит в кабинете главврача и с отсутствующим видом слушает, как тот распекает медсестру, флегматичную даму средних лет с обесцвеченными пергидрольными волосами. На её внушительном и даже, можно сказать, монументальном бюсте примостилась сравнительно неприметная бирка «Г.А. Лерова».

Главный врач больницы сидел в кресле за столом, на котором валялись папки и стопки бумаг, а с недавних пор появился компьютер, потеснив макулатуру. На вид главврачу было около 50 лет, на его интеллигентном лице лежала печать сильной усталости. Бирка на халате гласила: «В.К. Арфеев». Номеров на спинах ни у доктора, ни у медсестры не было. Это своё нововведение главврач решил ограничить санитарями. Пока медсестра выслушивала упрёки, стоя возле стола, улыбчивый пациент разглядывал шкафы и стеллажи с книгами.

– Думаете, мне доставляет удовольствие мотаться по ведомствам и выбивать дефицитные лекарства? У нас и так в каждом квартале перерасход, Гертруда Альбертовна, – зывал к совести медсестры доктор. – Приходится каждый раз оправдываться, словно мальчишке. В стране бардак, вы заметили? Скоро вообще вернёмся к поливанию пациентов холодной водой. Если её совсем за долги не отключат в ближайшее время.

Излишне доверчивому главврачу было невдомёк, что повышенный расход сильнодействующих препаратов напрямую связан с персональным теневым бизнесом медсестры Г.А. Леровой, которую санитары и некоторые пациенты за глаза прозвали «Галерой».

– Я же просил без самодеятельности в моё отсутствие, – Арфеев пытался вызвать сочувствие у Галеры, безразлично потупившей глаза. – Зачем Вазенитову галоперидол-то назначили?

– Вениамин Константинович! – В тоне медсестры угадывалось желание побыстрее закончить бесцельный разговор. Для выслушивания подобных нотаций у неё была слишком мизерная официальная зарплата.

– Да я уже почти 50 лет как Вениамин Константинович.

Бортовой компьютер с искусственным интеллектом, как я его ласково называю – «Веня», выдаёт сейчас какую-то бессмысленную информацию. Явно произошёл сбой. Я, судя по всему, терял сознание. Последствия длительного анабиоза. Интересно, зачем здесь ошива-

ется передвижная кибераптечка? Наверное, с помощью Галеры я пытался привести себя в чувство.

Я. А кто я? Имя, звание? ИИ упомянул какого-то Зенита. Что-то до боли знакомое. Да, точно. Зенит – это моя фамилия. Должность – звёздный разведчик. А вот звание... Лейтенант, полковник? Быть может, капрал? Капрал Зенит. Так точно. Капрал звёздной разведки.

Пока не получу бортовой журнал обратно в своё распоряжение, происходящие события придётся фиксировать в памяти. В журнал потом перенесу. Это будет запись номер... Какой был последний? Неважно. Пока пусть будет второй. Затем скорректирую нумерацию.

– Я ж вам объясняю, что у него обострение случилось без вас, – вяло оправдывалась Гертруда Альбертовна. – Я пыталась кризиса не допустить.

– А что произошло-то? Вот так вот на ровном месте взяло и обострилось?

– Когда Любимцеву, ну, ту рыжую эксгибиционистку, в женское привезли, она мимо Вазенитова проходила и что-то ему на ухо шепнула. – Медсестра кивнула в сторону пациента с бородкой. – Он сидел себе тихо, улыбался, как сейчас, а после её слов прямо разошёлся, насилие угомонили.

– Эксгибиционизм у Любимцевой, кстати говоря, весьма условный. От своих актов обнажения она не получает эмоциональной разрядки. Такое ощущение, что прожила в джунглях, где не имеют представления о нормах приличия. – Доктор в задумчивости забарабанил пальцами по столу. – Всё ж таки интересно, что она ему такого шепнула?

– РА-СА-РА-СА-РА-СА, – пациент, о котором велась речь, сумел наконец произнести что-то членораздельное, хотя и по-прежнему бессмысленное.

Главврач удивлённо поглядел на подопечного и пощёлкал перед собой пальцами. Внимание пациента тут же переключилось на них.

– Что это означает, Володя? Роса? Сара? – поинтересовался Арфеев.

– Росара. Её имя, – уверенно заявил капрал. – Только на языке их цивилизации Бестелесых после каждого слога следует делать паузы: Ра-Са-Ра.

Лицо Зенита внезапно стало предельно серьёзным.

– Но осторожнее! От продолжительности пауз может измениться весь смысл сказанного. И не факт, что Бестелесые отреагируют доброжелательно, если вы их оскорбите, пусть и невольно.

– Вот видите! – Доктор метнул укоризненный взгляд на медсестру. – У человека была, можно сказать, интеллигентная эпилепсия, а мы ему, как шизофренику, галоперидол колем! У нас с вами, Лерова, что – мало шизофреников?

– Как везде, – пожал плечами женщина и с тоской поглядела на дверь.

– Вам, я погляжу, всё равно, Гертруда Альбертовна, – угадал её намерения Арфеев. – Стоите, наверное, и думаете, как бы поскорее вернуться в ординаторскую, дабы к новой серии мексиканского сериала не опоздать.

От пронизательности начальника Галера смутилась, и щёки её тронул едва заметный румянец.

– Как вы себя, чувствуете, Володя? – дружелюбно улыбнулся главврач пациенту.

– Сносно, если не считать, что ты меня некорректно из анабиоза вывел, Веня. Шалишь, железяка! – Капрал расплылся в ответной улыбке. – Слабоват твой искусственный интеллект перед взезным разумом. Хотя сам ты ни при чём, конечно. Горе-инженеры в твои электронные мозги дрянную программу заложили. Вернёмся на Землю – устрою им порядочную взбучку. А тебя, видимо, придётся перезагрузить.

Выслушивая тираду пациента, доктор всё сильнее хмурился, после чего подал медсестре знак удалиться. Та не заставила себя уговаривать и, гордо колыхнув монументальным бюстом, скрылась за дверью начальственного кабинета, оставив доктора и его пациента наедине.

– Значит, это мой интеллект слабоват? – глянул Арфеев исподлобья.

– Не сердись, Веня. Хотя вы, компьютеры, сердиться не способны. – Зенит по-отечески добродушно поглядел на собеседника. – Но искусственный разум и супротив человеческого-то пока не тянет. Вспомни, как лихо я тебя в шахматы обыгрывал регулярно. А здесь мы имеем дело не абы с кем – с Бестелесыми! Они нашу человеческую цивилизацию в развитии тыщ на десять лет обогнали.

– Что-то про шахматы не припомню. – Главврачу стало обидно не так за «искусственный интеллект», о котором талдычит больной, как за свой собственный, только что поставленный под сомнение.

– Кого из нас в анабиоз законсервировали – тебя или меня? – продолжал дружелюбно улыбаться капрал.

– Что это вы, Володя, фамильярничаете? Ещё недавно обращались ко мне на «вы» и по имени-отчеству.

– Когда ж это было, Веня? Перед анабиозом? Так ты сам виноват. Процедура возвращения мне памяти по какой причине не выполнялась? Рекомендую проделать это немедленно. Тогда уж я окончательно вернусь в строй и смогу тебя починить. И, так уж и быть, снова заслужишь уважительное обращение.

– Меня починить? – Арфееву уже становилось интересно, как ловко больной манипулирует собственными фантазиями. – И о каком анабиозе вы всё время твердите, Володя?

– Штатный анабиоз звездолёта. – У Зенита сделалось обиженное лицо. – Ты отсутствовал, пока меня в него погружали перед стартом?

– Верно, отсутствовал. И вам в моё отсутствие безрассудно назначили сильнодействующий препарат. Что ещё, чего я не знаю? Надеюсь, вам не устроили сеанс ЭСТ? Пугает меня этот ваш неожиданный провал в памяти.

Доктор в своих догадках оказался близок к истине. Санитар Коля, обозначенный номером 2, к работе, в отличие от коллег, относился с рвением. И даже большим, чем положено, – наблюдать за страданиями пациентов откровенно обожал. И накануне именно он настаивал на электрошоковой терапии для внезапно разбушевавшегося Вазенитова. Капрала от суровой процедуры уберёт лишь страх медсестры Леровой быть уволенной и потерять налаженный лекарственный бизнес.

– Вам какие-нибудь таблетки давали? – пытался прояснить для себя картину внезапной амнезии главврач. – Быть может, выпили чьи-то чужие? Например, кто-то из ваших соседей по палате обронил или спрятал, а вы заметили и подобрали. Сосредоточьтесь, Володя.

Чёрт подери! Кто-то ещё! Я же не один здесь лечу в окружении компьютеров и роботов, это очевидно. Со мною целый экипаж таких же звёздных разведчиков. Сколько же нас? Восемь. Точно, именно восемь, сомнений быть не может. И где они сейчас? Их Веня тоже вывел из анабиоза с горем пополам, без восстановления памяти? Или они всё ещё в состоянии искусственного сна?

Чтобы вернуть внимание собеседника, Арфеев снова пощёлкал пальцами.

– Володя, сколько минут в четверти часа?

Капрал изобразил снисходительную улыбку, словно перед ребёнком, ляпнувшем милую глупость:

– Я же умею огромные числа в уме перемножать и делить не хуже тебя, Веня.

– Помню, помню об этой твоей уникальной способности. Но мне уж не льсти, будь любезен. Мне, Володя, в отличие от тебя, без калькулятора в этом деле не обойтись. Ничего, кстати, что я тоже на «ты»?

– В стакане четыре карандаша – один определённо лишний, – вместо ответа заявил Зенит.

Главврач какое-то время соображал – не вознамерился ли пациент озадачивать его загадками в ответ, но тут же понял, к чему тот клонит:

– Извини, Володя, не учёл, что ты не терпишь чётное количество однотипных предметов.

С этими словами доктор вынул из стаканчика на столе один лишний карандаш и принялся что-то машинально чертить на листе бумаги, погружившись в раздумья.

Белый лист бумаги. Начинает заполняться. ИИ пытается распечатать для меня какую-то информацию. По идее, это штатное сообщение о сбоях бортового компьютера. Или же кто-то другой использует Веню для связи со мною. Бестелесые! Они продолжают попытки что-то экстренно донести до меня. Проклятая недокачка памяти! Скорее всего, послание связано с последним заданием. Что же это? Белый лист. Что чертит искусственный интеллект на белом листе? С виду – какую-то муру.

– Что это за мура у тебя выводится на бумаге? – озвучил капрал свои сомнения.

– Вообще-то это кот, а не мура, – обиделся на критику Вениамин Константинович. – Ну, или, в крайнем случае, Мурка, кошка.

Арфеев развернул лист бумаги и придвинул к пациенту. На рисунке действительно бесцеремонно разлеглось существо, напоминающее земную кошку. Она грациозно возлежала на боку. Её задняя и передняя лапы синхронно раскинулись в разные стороны, а остальные две, наоборот, – касались друг друга так, что все четыре лапы вместе образовали букву «М». Прежде чем с лица Зенита сползла улыбка, в глазах его вдруг застыл дикий ужас.

Нет, не белая мура. Белая Мурена! Запись № 3 бортового журнала. Созвездие Белой Мурены, самое загадочное место во Вселенной, самое жуткое. На всех языках его называют не иначе, как Бездной. Его боятся даже такие сверхразвитые цивилизации, как Бестелесые. Они о чём-то пытаются предупредить, пользуясь нашим корабельным бортовым компьютером. Из Бездны Мурены всему нашему Космосодружеству что-то угрожает!

– Чего вдруг замкнулся в себе, Володя? Помрачнел, – спокойный голос доктора вывел капрала из ступора.

– Экстренные обстоятельства требуют экстренных мер.

– Логично, – кивнул Арфеев и непринуждённо улыбнулся. – А это ты, извини, к чему?

– Мурена-то не дорисована – непорядок. Можно я ей недостающее добавлю? – Зенит подался всем телом вперёд.

Поколебавшись несколько секунд, главврач придвинул бумагу с рисунком и карандаш к самому краю стола и сложил руки замком. Рука пациента, потянувшаяся к карандашу, описала неожиданный пируэт и зацепила стакан с остальными. Тот с грохотом опрокинулся, карандаши покатались по столу и полетели на пол, хотя Вениамин Константинович и пытался их безуспешно поймать. Он настороженно посмотрел на капрала.

– Прошу прощения, – Зенит виновато улыбнулся. – Это не я. Вернее, я, но не нарочно, из-за анабиоза.

– Из-за галоперидола, если точнее. Привыкай называть вещи своими именами. – Арфеев вздохнул и, кряхтя, полез собирать карандаши с пола.

В этот момент капрал с неожиданной с его стороны прытью навис над столом, перегнувшись пополам и неестественно вывернув шею, ловко извлёк из компьютера дискету и вернулся на место, попутно успев заметить на экране какую-то милостивую женщину и пять выложенных в ряд игральных карт. Добытый из недр дисковода трофей проворно исчез в рукаве больной пижамы.

Запись № 4. Блок памяти теперь у меня. Придётся как-то закачивать в мозг своими силами. Кто эта женщина на экране, если она из блока моей памяти? Жена? Сестра? Любовница? В настоящий момент не так важно, можно не обращать внимания. А вот картишки беспокоят. Две шестёрки и две десятки. Вот если б одна шестёрка и три десятки. Или наоборот. Но чётное число и того и другого, как назло, сильно отвлекает. Надо как-то убедить себя не думать об этом некомфортном сочетании.

Доктор уселся на место и вернул собранные карандаши в стакан:

– Всё же на «вы» мне как-то сподручнее, – его уставшее лицо вдобавок стало виноватым. – Вы уж простите, Володя, за произошедшее по вине моих бестолковых подчинённых. Идут сокращения, люди сами увольняются, чтобы не работать за копейки. Персонала и особенно лекарств не хватает. Сами видите – как это с каждым днём пагубно отражается на пациентах. Наверняка ощущаете всё это безобразие и на собственной шкуре.

Главврач снова выудил карандаши из стакана и принялся их нервно перебирать.

– Зато за окном демократия, страшно стало домой ходить – сам бы тут ночевал, честное слово, пока эта зараза и сюда не докатилась. Представляете – демократия в дурдоме! – разошёлся Арфеев и тут же осёкся. – Кхм, простите.

Он встал, заложил руки за спину и принялся ходить вокруг стола. В ходе променада Вениамин Константинович признался, что Зенита он после сегодняшнего инцидента решил перевести обратно в общую палату. К связанному и беззащитному пациенту, как выяснилось, может проникнуть любой. И в его больную голову может прийти что угодно, вплоть до нанесения увечий. По причине же нехватки средств набрать дополнительных санитаров больница не в состоянии. Эти бы не разбежались.

Доктор уселся за стол и уставился на экран монитора:

– Вот жила себе обычная женщина, книжками торговала, и вдруг среди бела дня на людной улице её застают разгуливающей в голом виде и тараторящей абракадабру. Не книжки же довели её до такого состояния, верно? Смутное время – вот истинная причина. Хотя и современные книжки ежели почитать – запросто свихнёшься.

Кого неугомонный бортовой компьютер имел в виду: незнакомку из блока памяти либо кого-то ещё – капралу было невдомёк. Он ещё какое-то время выслушивал заверения Арфеева в том, что тот не видит опасности в поведении Зенита по отношению к его соседям по палате, и очень надеется, что смущать их своими фантазиями капрал не станет.

Наконец, когда доктор замолчал, переводя дыхание, Зенит произнёс отчётливым шёпотом:

– Умоляю тебя, Веня, запусти на ночь самодиагностику. И если есть хоть малейший шанс, что ты продолжаешь функционировать и подчиняться командам человека, – передай на Землю, что с большой долей вероятности случилось самое страшное, чего боялось всё Космосодружество последние сотни лет. Созвездие Белой Мурены активизировалось. Нужен срочный межпланетный саммит.

– Ну не делайте же вы такое серьёзное лицо, Володя! Верните ему добродушное выражение – оно вам подходит гораздо больше.

По этой нелепой тираде бортового компьютера капрал понял, что шансов гораздо меньше, чем он надеялся. Он натужно улыбнулся, встал и задержался в дверях:

– Кстати, Веня, мне необходимо сделать новую запись в бортовом журнале – зафиксировать время выхода из анабиоза. Не напомнишь – какой сейчас год?

– Это вы мне напомните, если не трудно, – главврач оживился.

– Как же всё запущено. – Зенит возвёл глаза к потолку. – Суперкомпьютер звездолёта не в состоянии определить даже текущую дату. Я бы мог подсобить беспомощной электронике и согласиться, что год сейчас 1992, как на том календаре, что висит на стене позади тебя. Но я же прекрасно понимаю, что это ретросувенир от кого-то из шутников нашего экипажа.

Капрал взялся за ручку двери, но подозрительно вкрадчивый голос Арфеева заставил его вздрогнуть:

– Сами свою палату найдёте или санитару позвать?

Проверка! Я вдруг вспомнил, что ИИ во время экстренной ситуации имеет полномочия тестировать членов экипажа на случай возникновения у тех психологических проблем, неизбежных во время стресса. И, в крайнем случае, даже изолировать отдельных космонавтов посредством бортовых дроидов, чтобы уберечь корабль и остальной экипаж.

Запись № 5. Отныне следует тщательно контролировать каждое слово и действие.

– Да, Веня, найду, – ответил Зенит как можно более непринуждённо. – Мне ещё надо прогуляться по отсекам, проверить функционирование систем.

– Не забредите ненароком в какой-нибудь запретный отсек.

Спасибо, железяка, что хотя бы прикидываешься, будто судьба вверенных людей тебе не безразлична.

Капрал улыбнулся, открыл дверь, но тут же рухнул на пол, сотрясаемый приступом эпилепсии. Доктор проворно подбежал и уверенно перевернул пациента на спину, подсунув тому под голову небольшую подушку, которую всегда держат в кабинете, если среди контингента находились эпилептики.

Арфеев привычно засёк на часах время начала приступа. В этот раз он длился четыре с половиной минуты. Зенит лежал ещё какое-то время с закрытыми глазами, потом встал и огляделся.

– Как вы себя чувствуете? – Доктор протянул ему сушёный чернослив, и капрал машинально отправил его в рот.

– Уж точно лучше, чем наше Космосодружество, учитывая назревающую катастрофу, – ответил он, жуя, и поднялся на ноги.

Слегка пошатываясь, Зенит вышел из кабинета. Главврач тяжело вздохнул, поднял подушку с пола и вернулся за стол. Как бы ему тоже хотелось, чтобы на дворе сейчас был не безобразный во всех отношениях 1992 год. Любой другой, только не этот. Безумие висит в воздухе, оно прямо ощущается. Распахнул форточку, подышал – и вот уже нормальный человек с небольшими допустимыми отклонениями превращается в параноика или того хуже – шизофреника. Начинает мучиться бредовыми расстройствами, деградировать, как личность.

Вениамин Константинович машинально пририсовывал кошке безобразные отростки, напоминающие то ли недоразвитые перепончатые крылья, то ли оттопыренные плавники. После этого он в полной прострации вернулся к покеру на экране. И битый час безуспешно пытался раздеть девушку, извлечённую из недр памяти капрала звёздной разведки Зенита. Не исключено даже, что его законную жену.

Глава II. Ошмётки экипажа

Закрыв за собою двери в кабинет главврача, капрал оказался в просторном холле. Здесь было многолюдно. Кто-то мерил холл шагами, кто-то стоял, подпирая стены, кто-то облокотился на подоконник, выглядывая сквозь стекло на улицу. Почти все были в таких же больничных пижамах, как на Зените. Санитар с цифрой 1 на спине по своему обыкновению клевал носом, сидя на стульчике, который теперь стоял не у входа в наблюдательную палату, а почти в самом углу, где находился теннисный стол.

Капрал заворожённо уставился на скачущий по столу шарик. После длительного состояния покоя это был, наверное, самый динамичный объект, попавший в поле его зрения. Какое-то время он просто стоял и наблюдал за игрой. Всех претендентов с лёгкостью обыгрывал смуглый брюнет с застенчивым выражением лица. Поверх его пижамы были перекинуты подтяжки, удерживающие штаны. Насмотревшись на шарик от пинг-понга почти до головокружения, Зенит огляделся по сторонам. По одну сторону холла в стене зияли проходы в помещения без дверей. Над теннисным столом висел портрет какого-то деятеля с обширным пятном на лысине и плакат:

Реформе цен – гласность

Значит, из анабиоза бортовой компьютер вывел вообще всех, не только меня. Похоже, никто ни о чём не подозревает, ведут себя спокойно. Некоторые, правда, выглядят как-то странно, потерянно. Могу поклясться, что при аварийном отключении анабиоза ИИ напортачил с памятью не у меня одного.

Мимо деловито просеменил парень в очках с большими диоптриями. Заметив стоящего капрала, он притормозил и обернулся в его сторону.

– Вовка, тебя уже из надзорки выпустили? – Его глаза были искажены линзами очков так, что было непонятно, куда он смотрит.

– Друг, ты бы проводил меня до каюты, – Зенит старался говорить тихо, не привлекая внимания дроида № 1, переключившегося в режим сохранения энергии. – Я что-то слаб в ногах после анабиоза.

Парень кивнул, взял капрала под руку и повёл в сторону коридора, затравленно озираясь по сторонам. Перед ними внезапно выросла внушительная фигура санитара № 2.

– Паханов, снова пошёл в толчок и заблудился? – Санитар нетерпеливо постукивал резиновой дубинкой по ладони. – А этого овоща куда потащил? Ему в себя прийти надо.

Санитар грубо развернул парочку на месте своей могучей ручищей и погнал их в обратную сторону, подгоняя грубыми тычками резиновой дубинки между лопаток.

– Дроиды-то совсем разрегулировались, – шепнул Капрал на ухо своему спутнику. – Того и гляди первый закон робототехники нарушат – человеку вред причинят.

– Или даже второй закон Кирхгофа. Тогда нам вообще тут как-то, – шёпотом отозвался парень в очках, с опаской оглядываясь в сторону напиравшего сзади санитара.

– Без паники, всё приведём к норме, – успокоил его Зенит.

Подправляя траекторию пациентов дубинкой, санитар Николай завёл их в палату под номером три и, гордо помахивая резиновым атрибутом власти, отправился по своим делам.

– Вовку из надзорной выпустили! – радостно объявил парень в очках всем обитателям третьей палаты и прыгнул на одну из трёх свободных коек. Почти никто из присутствующих не выказал ни малейшего интереса.

– Ну, с пробуждением, коллеги. – Капрал приветливо улыбнулся. – Где моё место в этом отсеке?

Сурового вида мужчина, бережно обнимающий лежащую у него на коленях чёрную обувную коробку, молча указал рукой на одну из двух незанятых кроватей. Приглядевшись, можно было заметить, что на крышке коробки сделаны надрезы, похожие на зубы, и отогнуты забавные нарисованные глаза.

Первым делом Зенит заглянул к себе в тумбочку – бортового журнала там не оказалось. Он уселся на кровать. В его ряду у стены их было четыре, но со своей он мог видеть лишь три кровати. С этим порядок. А вот в ряду напротив, у окна – их четыре. Чётное количество одинаковых предметов мебели, это будет беспокоить. На кровати напротив лежал с закрытыми глазами, раскинув руки, парень ростом под два метра, не меньше. В габариты спального места тот не вмещался, и его здоровенные босые ступни, просунутые сквозь прутья кровати спинки, торчали в проходе между рядами.

Капрал подошёл к нему, взялся на металлическую дужку кровати и слегка потряс. Двухметровый тут же открыл глаза и прищурился:

– Не заслоняй мне солнце, царь! – голос, раздавшийся из недр гигантского тела, оказался на удивление детским и звонким.

– Во-первых, не царь, а капрал. Во-вторых, есть предложение – эту кровать сдвинуть к проходу и развернуть. Твои ноги мешают свободно ходить. Плюс у иллюминатора останется нечётное количество, мне будет спокойнее спать.

– Мне нужно солнце! – сопротивлялся верзила.

– Какое из них? – парировал Зенит. – Что-то я не вижу ни одного в иллюминаторе. Будем пролетать мимо – я тебя обязательно позову.

– Без солнца у меня нарушится фотосинтез! – продолжал упираться двухметровый.

– Вазенитов, да отстань ты от Бакровского! – вмещался со своей кровати угрюмый блондин с белёсыми усами. – Знаешь же, что бесполезно.

Капрал был вынужден вернуться на своё место ни с чем. Он сел и принялся внимательно разглядывать соседей, силясь вспомнить хоть кого-нибудь из них.

Запись № 6. У серьёзного мужчины с ранней проседью в волосах – спокойный и в то же время тяжёлый взгляд, в котором читается пережитое. Подозреваю, что пережили мы все, экипаж звездолёта, немало. Крепко сложен. Рука его, которая могла бы в давние времена сжимать меч или кузнечный молот, а ныне – мощный станковый бластер, сейчас нежно тербит холку детёныша крокодила. Хотя почему детёныша? Это же терамский чёрный крокодил с планеты Терамысла. Вполне себе взрослая особь. Суровый воин смотрит на животное с невыразимой нежностью, как будто его больше вообще ничего не интересует. Правда, на тумбочке рядом с его койкой валяются фломастеры и бумага. Не исключено, что в анабиозе ему навязали безобидное хобби для сдерживания агрессивных инстинктов.

На соседней кровати лежит, уставившись в потолок, парень с золотистыми волосами. Лежит и похихикивает, не обращая ни на кого внимания. Быть может, именно ему повезло восстановить память целиком, и он сейчас радостно вспоминает наши успешные операции.

А на кровати в самом углу отсека из-под одеяла затравленно выглядывает бедолага, которому анабиоз был явно противопоказан. Либо случилась какая-то неприятность во время задания. На его неестественно крупную голову, пристыкованную к туловищу посредством очень короткой шеи, натянута лыжная шапочка. Он трясёт в руках портативный радиоприёмник, то и дело поднося его к уху и напряжённо прислушиваясь. В попытках восстановить резервный канал связи совсем отчаялся – подносит приёмник к губам и с силой дует в него, словно стараясь выдуть злосчастную соринку, перемкнувшую контакты.

Капрал хмыкнул, хлопнул себя по коленям и встал.

– Не будем тянуть резину. Кто-нибудь помнит во всех деталях цель нашей миссии? Где мы находимся? Кто мы такие? – Он оглядел людей на кроватях.

– Вопросов слишком много! – в отчаянии воскликнул парень в очках после некоторой паузы. – И они чересчур глобальные!

– Хорошо, тогда по порядку, – Зенит поморщился, смекнув, что лёгкого пути не предвидится. – Цель нашей миссии?

– Айн-цвай-драй – таблетки принимай! – отозвался золотоволосый весельчак. – Они для здоровья полезны. И для бодрости духа.

– Нести людям добро. В этом наша цель. Правда, Виталик? – Суровый хозяин крокодильчика наклонился к своей обувной коробке и нежно потрепал её за картонное ушко.

В моменты, когда он обращался к питомцу, его твёрдый голос вдруг срывался на совершенно непотребное сюсюканье.

– Лично моя цель – выбраться из этой чёртовой психушки, – заявил мрачный блондин.

– У нашей миссии есть цель – это главное, – подытожил очкарик.

– У кого ещё есть версии? – Капрал внимательно оглядывал тех, кто промолчал.

– Вон того длинного не спрашивай. – Владелец золотистой шевелюры показал пальцем на двухметрового. – Бакровский у нас – дерево.

Хохот весельчака подхватили все, за исключением Зенита и мрачного блондина.

– Не дерево, а разумное растение, – возразил Бакровский. – Но говорить с вами всё равно не стану.

– Потому что ты тупой, – зло проговорил блондин и повернулся в сторону бедолаги в шапочке. – А у тебя, придурок, есть идеи?

У торчащей из-под одеяла головы выпучились глаза, словно от натуги, лицо побагровело, и в тишине раздался тихий дребезжащий голос:

– Мы должны бороться за свободу! И выгнать сверчков! – беднягу в шапочке было едва слышно, а вдобавок он ещё и словно проглатывал окончания слов.

Несколько человек засмеялось без особого энтузиазма.

– Второй вопрос...

– Стой! – прервал капрала очкарик. – А на первый вопрос – какой правильный ответ?

Все выжидающе уставились на Зенита. Даже «разумное растение» приподняло голову с подушки, поморщившись из-за хронической боли в спине.

– Я тоже не знаю, – угрюмо ответил капрал.

– Так нельзя! – очкарик едва не взвизгнул от наплыва эмоций. – На вопрос должен быть ответ! И так в мире уже избыточное количество неотвеченных вопросов накопилось! Если их критическая масса будет превышена – нам грозит...

Парень в очках неожиданно умолк, пугливо озираясь.

– Нам грозит кишечный паразит! – договорил за соседа по палате юморист с золотистыми волосами и захохотал. Но в этот раз больше не засмеялся никто.

Запись № 7. Мне вдруг стало жалко этих парней. Их тренировали годами, отбирали из тысяч самых достойных. На десятках планет в запредельных условиях мы выживали с ними в противостоянии неизвестному и пугающему. И вот теперь из-за сбоя искусственного интеллекта этот костяк звёздной разведки превращён в детишек из младшего отряда пионерлагеря, которые впервые остались без родительской опеки.

– Вовка, ты чего, плачешь, что ли?

Капрал очнулся от горьких мыслей и увидел прямо перед собой неестественно увеличенные линзами удивлённые глаза. Он утёр кулаком покотившуюся по щеке слезу, притянул к себе хозяина очков и крепко обнял.

– Сынок, я тебе обещаю: мы выгрызем ответы из этого бездонного космоса, чего бы нам это ни стоило!

– Ну хорошо, давай второй вопрос. – Очкарик тактично отстранился и растерянно захлопал глазами. – Если и он будет без ответа – я тоже очень сильно расстроюсь.

- Что ж. Где мы находимся? – безжалостно рубанул Зенит.
- В стенах чёртовой психушки.

Капрал повернулся в сторону ответившего на вопрос блондина, пристально поглядел на него и скользнул взглядом по остальным членам экипажа. Практически все одобрительно кивали в пользу высказанной версии. Зенит встретился с увеличенными оптикой глазами, излучавшими надежду.

- Угадали? – надеждой был пронизан и возглас носителя очков.
- Увы, ребята, нет.

– А где ж тогда? – Суровый хозяин крокодильчика отвлёкся от своего питомца. – На курорте?

Заложив руки за спину, капрал принялся ходить взад-вперёд между рядов кроватей, перешагивая через гигантские ноги Бакровского:

– Находимся мы на борту звездолёта. Каждую минуту мы пожираем миллионы километров на нашем обратном пути к Земле...

- Вот бы мне этой дури, которую тебе в надзорке вкололи! – не сдержался весельчак.
- Нам надо развернуться! – вторил ему бедолага в вязаной шапочке. – Я не хочу в землю!
- Заткнись! – гневно прикрикнул на него блондин.

В ответ тот натянул шапочку на самые глаза и отвернулся к стене. Капрал заметил на шапке вышивку «Atomic».

- Зашибись спрятался! – прокомментировал хозяин картонного крокодила.

Блондин встал на колени на своей кровати и перегнулся через спинку в сторону «спрятавшегося».

– А где же наш Димка Дипер? – В голосе его звучала злая издёвка. – Куда подевался Дипер Димка? Не вижу его!

Оставшийся незакрытый шапочкой рот Димки заулыбался. Он напоминал наивного двухлетнего ребёнка, спрятавшегося за собственные ладошки и довольного от того, что взрослые ему подыгрывают.

Парень в очках принялся семенить по проходу за капралом, едва не запинаясь о торчащие ноги:

– Надо всё точно рассчитать, чтобы перед посадкой замедлить скорость, – он был предельно серьёзен. – Миллион километров в минуту – это непозволительно быстро, Володя!

Блондин резко оттолкнулся от спинки и рухнул на кровать, запрыгав на её панцирной сетке.

– Хватит бесконечно доказывать, что вы – психопаты! – возопил он. – Просто молчите! Сходите с ума тихо! Не заражайте меня, здорового человека, своим безумием!

Капрал резко остановился. Семенящий за ним очкарик едва не врезался в него и энергично погрозил блондину пальцем:

- Э, нет, Андрюха! Ещё остался третий вопрос!
- Так точно, – кивнул Зенит. – Кто мы такие?

– Лично я – жертва обстоятельств и с вами тут случайно. Ну и Юричу тоже здесь не место. – Блондин Андрюха кивнул в сторону мужика с обувной коробкой. – У него просто на войне крыша поехала, пройдёт со временем. А вы все остальные – шизики.

Блондин впервые за всё время улыбнулся, хотя и злорадно, и пригладил пальцами свои белёсые усы. Бакровский, словно не спеша с опровержениями сказанному, приподнял туловище, взял с тумбочки кружку и плеснул из неё воду себе на ноги. После чего улёгся обратно, широко раскидав длиннющие руки.

Капрал приблизился к кровати блондина и облокотился на её спинку:

- Вопрос попроще: что означает надпись на твоей униформе?

Андрей скосил взгляд в направлении нагрудного кармана на пижаме:

– «ОП» – отделение психиатрии. Несложно, да?

– Несложно, но ты не справился, коллега, – улыбнулся Зенит. – Это не «О», а ноль. «Нулевой парсек» – название нашего с вами отряда.

С этими словами капрал переместился к кровати, которую занимали двое: суровый участник войны Юрич и его ручной крокодил.

– Помнишь, где воевал, боец?

– Разведка. Только мне нельзя про войну вспоминать. – Его твёрдый голос вдруг засюкал на высоких тонах. – Да и моему малюсенькому ни к чему про это слышать.

Он поднял коробку и чмокнул её от души прямо в картонные зубы.

– Это понятно, что язык надо держать за зубами. Мы с вами все из разведки. «Нулевой парсек» – это секретный отряд звёздных разведчиков. – Капрал снова заходил по проходу. – Нас годами отбирали и тренировали. На каких только планетах мы не сражались. С какими формами жизни только не встречались. Сколько мы спасли жизней – не счесть. Как приблизили прогресс – не описать.

– Ух ты! – восхитился очкарик.

– Ухты-ухты-ухты, – приглушённым эхом отозвалась из угла непропорциональная голова, упрятанная в вязаную шапочку.

– Слышь, Вазенитов, ты это брось, – прошипел блондин.

– Обращайтесь по уставу: «капрал Зенит», – последовал холодный ответ.

– Я тебя последний раз предупреждаю – закрой свой рот, останови поток бредятины про космос! Не забивай этим идиотам голову – у них своих тараканов хватает.

– И сверчков! – Бедолага из угла снова сдвинул шапочку обратно на макушку и яростно дул в свой радиоприёмник. – Они сюда набились, кишат там внутри, лапками ёрзают и не дают мне принимать сигналы точного времени!

– Бредятина? – вспылил капрал, извлёк из рукава добытый в бортовом компьютере блок памяти и затряс его над головой. – А знаете, что вот это такое?

– Дискетка трёхдюймовая! – радостно воскликнул парень в очках. – На 1.44 мегабайта. Хранит информацию.

– Именно, – Зенит одобрительно указал пальцем на умника.

– Ура! – обрадовался тот ещё сильнее. – Наконец-то вопрос с ответом!

– А какая именно тут информация? – не унимался капрал.

– Фазометр меня закороти! – очкарик, судя по всему, подобным образом выругался. – Рано я обрадовался.

– А на дискетке, бойцы, наша с вами память.

– Целиком? – В увеличенных очками глазах промелькнуло сомнение.

– Само собой, – уверенность в голосе Зенита отметала любые сомнения. – В самых мельчайших деталях. Ты не гляди, что штуковина махонькая. Человеческий мозг тоже не больше добротной картофелины. При этом под хранение информации задействуется лишь мизерная часть.

Все обернулись на приснувшего от смеха парня с золотистыми волосами. Он так долго пытался сдерживаться, что аж раскраснелся. Но всё-таки его прорвало:

– Это просто угар! – не переставая смеяться, он выудил из прорванного матраса таблетку и забросил её под язык. – Не мешайте капралу рассказывать, пацаны! Давно меня так не штырило!

– Спасибо, коллега. – Зенит почтительно поклонился и продолжил: – Думаете, откуда у вас сомнения в моих словах? Путь к звёздам долог, а жизнь человека, увы, ограничена. Наш с вами полёт продолжался несколько лет. Мы были помещены в анабиоз, искусственный сон, в котором тормозятся биологические процессы.

– У некоторых здесь они просто остановились, – едко обронил блондин.

Но никто не обратил внимания, все напряжённо вслушивались в малопонятную, но завораживающую речь капрала:

– Чтобы в мозгу за время длительного сна не произошло нарушение, память космонавта выгружается вот на такие штуки.

– Дискетки, – снова блеснул эрудицией парень в очках. – Они же флоппи-диски.

– Флоп-пи-пи-пи, – раздалось из-под одеяла на кровати Дипера в углу палаты.

– И если даже за длительное время информация в мозгу, скажем так, подпортится, её можно восстановить с оригинала, как было до погружения в сон. – Капрал для убедительности постукал уголком дискетки себе по голове.

– И что ты пытаешься доказать? – Андрей скептически глянул исподлобья. – Что мы сейчас спим? В это самом бананозе?

Очкарик пискляво захихикал, склонив голову и вертя ею, чтобы оценить реакцию окружающих. Смеялся он так выразительно, что капрал невольно улыбнулся. Двухметровый Бакровский захохотал и замотал ножищами в воздухе, с которых в разные стороны полетели капли воды. Заразный смех подхватили и остальные.

– В анабиозе. Нет, мы из него вышли, – поправил Зенит блондина, когда смех наконец стих. – Искусственный интеллект корабля аварийно и некорректно разбудил нас, так и не успев толком закачать обратно нашу память.

Лицо обладателя очков сразу стало печальным, он осунулся и вжал голову в плечи, словно осознав всю тяжесть произошедшего. Капрал был бы и рад его пощадить, но во имя спасения сейчас важнее всего была истина. Какой бы неприглядной она ни оказалась. Поэтому он продолжил:

– Мы проснулись, но ничегошеньки не помним. И это плохая новость. Ещё одна плохая в том, что процесс ухудшения умственной деятельности продолжается и сейчас. Мы можем вскоре превратиться в олигофренов...

Андрей прыснул от смеха и разгладил усы:

– А хорошая новость в чём?

– У нас есть возможность загрузить память своими силами. – Капрал обвёл руками всех присутствующих. – Без привлечения Вени. Бортовому ИИ я не доверяю и позже объясню – почему именно.

– Надеюсь, у тебя не получится, – блондин зевнул. – А то снова начнёшь выпендриваться своими феноменальными вычислениями в уме.

– Способность хорошо запоминать и быстро вычислять мой мозг, к счастью, не утратил, – Зенит повернулся к очкарику. – Ты, я вижу, парень толковый.

– Если забыл, то меня Павлом зовут, – напомнил тот.

– Не факт, не факт, – покачал головой капрал и показал пальцем на дискету. – Так вот, как бы мне информацию отсюда передать вот сюда.

Палец от дискеты он для наглядности переместил к своей голове.

– Пропили щель в черепе – и засунь туда, делов-то, – посоветовал Андрей.

Сказанное поразило золотоволосого парня до глубины души. Он принялся громко ржать, сучить ногами и лупить кулаками по матрасу:

– Щель в черепе! А-а-а!

– А-а-а! – вторил ему Дипер из своей пододеяльной норы.

Павел поглядел на беснующегося соседа по палате и перевёл взгляд на капрала. Лицо его приняло извиняющееся выражение:

– Серёга наелся таблеток. Теперь его будет всё смешить до самого отбоя. – Он взял дискету из рук Зенита и сдвинул на ней металлическую шторку, обнажив поверхность диска. – В принципе, здесь магнитный слой, а электромагнитные импульсы могут на мозг влиять. Но на дискетке магнитное излучение для этого слишком слабое.

– Надо усилить, – деловито заявил капрал. – Где тут у нас проходят силовые кабели корабельного генератора?

– Вован, ты определись – мы на корабле плывём или всё-таки на звездолёте по космосу звездуем?

После этой остроты блондина у золотоволосого Сергея случилась очередная истерика. Он уткнулся в подушку, заглушая свои всхлипывания. Всё его тело сотрясало от смеха.

– Соберись! – сцепив зубы, процедил капрал и одёрнул очкарика, лицо которого тоже готовилось расплыться в улыбке. – Я задал вопрос про силовые кабели.

– Затруднительный вопрос, капрал, – Павел поспешно вернул лицу серьёзное и даже страдальческое выражение. – Они у вас закончатся сегодня? Вон на той стене видно провод под штукатуркой, он к лампочке тянется. Сгодится?

Зенит быстрым шагом метнулся к стене, на которую показал очкарик, приложил к ней дискету и прижался к ней головой. Серёга, который едва успокоился и приподнял голову от подушки, увидев подпирающего стенку капрала, рухнул обратно и зашёлся в новом приступе хохота. Зенит понял, что начинает закипать, и прикрыл глаза, стараясь сосредоточиться на процессе возвращения памяти.

В палату вошёл смуглый брюнет в подтяжках. В руках он держал теннисную ракетку, которой ловко подбрасывал шарик для пинг-понга.

– Над чем веселитесь? – спросил он и тут же смутился, испугавшись, что внимание соседей по палате сейчас переключится на его персону.

Вместо ответа всхлипывающий Сергей лишь указал на стоящего у стены капрала. Брюнет повернулся в его сторону:

– О, Володя, здравствуй! Выпустили уже? – Он протянул руку для приветствия.

Зенит открыл глаза и пожал теннисисту руку. Тот по своей странной привычке тут же потянул капрала на себя.

– Осторожнее! – Зенит выдернул руку. – Не двигай меня!

– Ты чего это? – испугался брюнет.

– Тебе лучше не знать, – ослабил Андрей и сел, опустив ноги на пол.

Теннисист пожал плечами, проследовал к своей кровати, убрал ракетку в тумбочку и уселся, продолжая подбрасывать шарик рукой и с любопытством разглядывая капрала. Теперь в отсеке номер три наличествовали все восемь его обитателей.

– Ну что, загружается? – осторожно поинтересовался у капрала Павел, стоя в сторонке и переминаясь с ноги на ногу.

– Да, кое-что уже прояснилось. – Зенит поправил дискетку, зажатую между головой и стеной. – Ты – штурман звездолёта.

Увеличенные мощными диоптриями глаза Павла вспыхнули от радости.

– Тогда нашему кораблю копец! – добродушно произнёс Юрич, отвлекшись от своей зверушки.

– Штурман, когда срать-то ходит – теряется, – блондин подмигнул Сергею, у которого уже растратились все силы на смех, и он лишь тихо подвывал.

– У Пашки географический кретинизм, – добавил брюнет с шариком.

– Не придуривайтесь! – рявкнул капрал. – Штурман знает наизусть каждый кратер Фобоса!

Павел гордо поднял подбородок и поправил очки на переносице.

– Вон тот длинный – биолог, – продолжил назначение должностей Зенит. – Исследует образцы внеземных форм жизни.

– Когда его самого поливать не забывают! – Лицо Андрея скривилось в злобной ухмылке. – Ну, а у меня какая должность в «Нулевом парсеке»?

– Где? – Брюнет на миг перестал подбрасывать шарик.

– Потом расскажу, – махнул ему рукой блондин, многозначительно поведя глазами.

– Об этом информация пока не загрузилась. – Капрал немного подвинул голову в надежде «нащупать» излучение помощнее.

В проёме входа в палату выросла грузная туша санитаря Петра. Лицо его, как обычно, было заспанным.

– А Вазенитов где? – Он завертел своей телячьей головой и заметил у стены того, кто ему был нужен. – Ты чего тут стенку подпираешь? Тебя Вениамин Константиныч вызывает.

Следуя к выходу из отсека, капрал незаметно сунул дискетку Штурману.

– Веня мне результат самодиагностики подготовил, – шепнул он ему на ухо. – Надеюсь, сбой устранён. Пока попробуй закачать память остальным нашим.

Глава III. Отбраковка биомусора

В холле капрал остановился у двери в кабинет главврача. «Арфеев В. К.» – гласила табличка на двери.

– Вычислительный комплекс «Орфей», он же Веня, – тихо пробормотал Зенит и взялся за ручку.

– Не сюда! – Санитар № 1 взял его под локоть и повёл за собой. – Он в смотровом.

Капрал послушно двинулся за Петром, но тут же встал как вкопанный. Словно фейерверк взорвался в его мозгу. Как будто туда под давлением впрыснули концентрат всевозможных знаний о видах информации и способах манипуляции ею. Разгадки всех тайн, что мучили человечество столетиями, вдруг принялись всплывать в сознании. Но вникнуть в суть было невозможно, так как с бешеной скоростью всплывали новые откровения, которые тут же затмевали собою предыдущие, словно пузыри воздуха в бурлящей на сильном огне воде.

Зениту показалось, что мозг его и на самом деле закипел. Его способность воспринимать информацию капитулировала перед невероятным её напором, и сознание капрала дало сбой. Лицо его перекосила гротескная гримаса, а сам он принялся приседать, прыгать на одной ноге, безобразно кривляться и щёлкать языком.

– Ну, обожди, – добродушно попытался успокоить его санитар Пётр, выдавший и не такое. – Сейчас перед студентами кренделя будешь выкидывать.

Он ухватил капрала за локоть покрепче и вскоре затолкнул его в приёмно-смотровое отделение, оставшись при этом снаружи. В новом помещении Зенит немедленно прекратил свои ужимки, что далось ему с огромным трудом. Едва только оглядевшись вокруг, он сразу смекнул, что тут затевается. Отбраковка человеческого материала, подпортившегося в анабиозе.

У стены впритык друг к другу стояли два стола. По центру за столами сидел главврач, по обе стороны от него расположились молодые люди, тоже в белых халатах. На одном из них были очки, а рядом с другим молодым человеком, у самого края стола, сидела симпатичная барышня в больничной шапочке.

Напротив столов у двери, в которую завели капрала, на стульчике сидел санитар № 3 и не сводил глаз с голых коленок барышни, которые не мог прикрыть ни её короткий белый халатик, ни мини-юбка, и они провокационно торчали из-под стола. До женского пола Третий санитар был сильно охоч.

Капрал всё ещё находился в прострации после испытанного в холле. Его взгляд скользнул по медицинским плакатам на стене и задержался на ростомере и напольных весах. Он тщетно пытался вспомнить назначение этих странных предметов в интерьере корабля.

– Проходите, Володя, присаживайтесь. – Арфеев указал ему на кушетку у стены.

Зенит было двинулся туда, но замялся.

– Что не так? – терпеливо поинтересовался главврач.

– Вас четверо, – виновато пробубнил капрал.

– Ну, извините! – развёл руками доктор. – Хорошо, что вообще хоть кто-то в мединституты сейчас идёт. В газетах врачей выставляют хуже рэкетиров. А лечатся все теперь исключительно магическими шариками, цилиндрами фараона да прочей, не при дамах будет сказано, струей кабарги.

Один из студентов прыснул в кулак.

– Но четыре – это же чётное, – всё таким же виноватым, но настойчивым тоном намекнул Зенит.

– Ах да! – Вениамин Константинович хлопнул себя по лбу. – Саша, возьмите стул и подсядьте к нам, чтобы Вазенитов видел нечётное количество людей. Ему так будет спокойнее.

Рядом сидящие студент со студенткой многозначительно переглянулись. Санитар № 3 взял стул, подсел к торцу одного из столов, рядом со студенткой и тут же принялся строить ей глазки. Капрал, не видя более препятствий, уселся на кушетку.

– Вкратце, товарищи студенты, для чего мы тут собрались...

– Да не утруждай себя, Веня, – перебил доктора Зенит и улыбнулся. – И дураку понятно, что ты подвергаешь меня процедуре тестирования ментальной адекватности. Которая по протоколу обязательна после аварийного выхода из анабиоза.

Симпатичная студентка захлопала глазами, а студент в очках тихо присвистнул. Главврач открыл папку перед собой:

– Пациент Вазенитов у нас – один из самых удивительных экземпляров. Обладает феноменальной памятью.

– Моя фамилия Зенит, – поправил доктора пациент на кушетке. – Капрал Зенит.

– Способен проецировать свои фантазии на реальный мир, – продолжал Арфеев, не обращая внимания. – Придумывает их моментально, на ходу, запоминая придуманное, и представляет всё так, что уличить его в противоречиях самому себе практически невозможно. Даже спустя длительное время.

– Идеальный разведчик, – рассмеялся студент, сидящий подле девушки.

Капрал удовлетворённо хмыкнул. Пока тестирование проходило успешно.

– Ну вот же у меня чёрным по белому напечатано, – главврач показал пациенту какую-то бумажку из папки. – Вазенитов Владимир.

– Пробелы при распечатке моего досье кто поудалял, Веня? Я или твои электронные мозги, съехавшие набекрень? – капрал погрозил пальцем. – «В» и «А» – это мои имя и отчество. Фамилия – Зенит.

Студент в очках заглянул в бумаги через плечо доктора и гнусно ухмыльнулся:

– А там же ещё «ов» в конце! Получается «Зенитов», – он заискивающе глянул на доктора Арфеева в надежде на одобрение.

Запись № 8. Этот очкастый мне сразу не понравился. Неопрятный халат его был небрежно брошен на одежду дикого фасона и режущей глаз расцветки. Острижен так называемый студент был неровно, словно ножницами орудовали впотьмах. Его диковатый вид завершало косоглазие. Ну вот зачем бортовой компьютер показывает мне голографическое изображение человека, которое непонятно куда смотрит, когда к тебе обращается? Видимо, так задумано с целью отвлечь, вывести тестируемого из равновесия. Как же хочется поставить этого выскочку на место. Но надо контролировать эмоции, не поддаваться на уловки заложенной в ИИ программы.

– Для глухих повторю, мне нетрудно, – спокойно произнёс капрал, когда его длительное молчание начало беспокоить собравшихся. – Не «Зенитов», а «Зенит». «ОВ» в конце – это гриф «особой важности». И не Владимир я, а Володий. Назван в честь химического элемента. Володий Альдебаранович.

У одного из студентов аж растянулся рот до ушей.

– Разве есть такой химический элемент – володий? – удивилась студентка.

– Ну а на чём работает аннигиляционный двигатель нашего звездолёта, по-вашему, дамочка? – наставительным тоном произнёс Зенит. – Благодаря чему мы каждый миг пожираем миллионы километров космического пространства? Из-за чего мы смогли вырваться за пределы устаревших небесных атласов? Именно благодаря володию, обнаруженному в своё время на планете Челхиор.

– Вот видите? Это поразительно! – радостно воскликнул Арфеев. – Всё, что не укладывается в его сконструированную в воображении теорию, пациент решительно отмечает. Остальное – подстраивает под неё. Этакий фильтр, купол, оберегающий нагромождение фантазий от разрушения.

Главврач хитро прищурился:

– К слову, наш друг Володя полагает, что больница – это звездолёт. А лично я, главный врач – искусственный интеллект этого самого звездолёта, бортовой компьютер. Говорящий!

– Было б глупо, кабы диалогово-вычислительный комплекс общался с человеком при помощи жестов, – отпустил ремарку капрал.

Сказанное вызвало оживление за столом. Санитар Александр воспользовался шумной паузой и что-то шепнул студентке, заставив ту улыбнуться и засмущаться.

– Но ведь эту чушь легко опровергнуть! – Возглас студента в очках заставил всех снова замолчать.

– Что ж, попробуйте его разубедить. – Главврач скрестил руки на груди и хитро ухмыльнулся.

– Вы, Владимир...

– Володий, – холодно поправил капрал косоглазую голограмму.

– Да, да. – Студент смущённо поправил очки и обвёл сидящих за столом руками. – Вы же сейчас видите нас всех, в белых халатах. Вы видите Вениамина Константиновича, у него есть голова, руки, ноги. Зачем же компьютеру с искусственным интеллектом руки и ноги?

– Для удобства общения, надо полагать, – тут же отозвался Зенит без тени сомнения. – Человеку комфортнее, когда он видит перед собой равного собеседника. На самом деле у Вени никаких рук и ног нет и в помине – всё это проекция голограммофона.

– Чего проекция?

– Голограмма – это объёмное изображение, – блеснул эрудицией другой студент и гордо поглядел на свою симпатичную соседку, борясь за её внимание с назойливым санитаром.

– Вот именно – изображение! – Студент в очках поднял палец вверх. – Может ли изображение встать, подойти к вам и ущипнуть вас за нос?

С этими словами он действительно встал из-за стола.

– Конечно, – кивнул капрал. – И я, в свою очередь, тоже могу ущипнуть голограмму за нос. И даже хорошенько врезать ей промеж плохо отрегулированных глаз.

Капрал для убедительности показал кулак, после чего студент сразу поспешно сел на место.

– Буквально только что наш корабельный дроид Шурик, – кивнул Зенит на Третьего санитара, – ущипнул ногу вон той хорошенькой голограмме в форме земной девушки.

– Чё врешь-то, пёс! – Санитар поспешно прибрал свою шаловливую руку, неловко ударившись ею о стол.

Студентка покраснела и одёрнула халатик.

– Ещё тридцать лет назад в голограммофоны начали встраивать функции контактной обратной связи, которая при помощи электростатических импульсов создаёт на коже имитацию касания, – капрал решил, что демонстрация кругозора сработает в его пользу.

– Вот видите! – Арфеев не скрывал радости. – Теперь вы просто не сможете ничего ему возразить – пациент любые нестыковки объяснит контактной голограммой!

– Ну, погодите, Вазенитов! – не успокаивался студент в очках. – А для чего искусственному интеллекту показывать себя одновременно в виде доктора, санитара и ещё троих студентов, которые изображают, будто они на практике в психбольнице?

Капрал серьёзно поглядел на парня с косоглазием:

– Тебя самого-то как нарекли программисты?

– Р-ромой, – очкарик покраснел. – Роман Стогнашко. И почему программисты?

– Глядя конкретно на твою недоделанную голограмму, Рома, и не подумаешь, что ты студент, – мстительно заявил Зенит. – Скорее – пациент той самой выдуманной психбольницы.

– Выдуманной! – зло воскликнул Роман.

Он принялся озираться, ища поддержки за столом, и замолчал, буравя наглого пациента своими раскосыми глазами. Веселящийся второй студент легонько толкнул локтём студентку, чтобы та не отвлекалась от происходящего.

– Что, съели, товарищ Стогнашко? Или как сейчас правильно обращаться: гражданин, сударь? – назидательно глянул на поникшего студента Арфеев. – Никогда не позволяйте пациенту перехватывать инициативу. Никогда.

Главврач повернулся к капралу:

– И всё же, Володя, потрудитесь придумать логическое объяснение – зачем я, бортовой компьютер, демонстрирую вам изображение сразу нескольких людей, включая ранее незнакомых? И почему мы все в белых халатах, а не в какой-нибудь космической одежде?

– Видимо, чтобы попытаться убедить меня, что я на самом деле нахожусь не на борту звездолёта, а в психбольнице, – пожал плечами капрал. – Где-нибудь на Земле или даже на Луне-6.

– Но для чего это бортовому компьютеру?

Зенит понимал, что его вынуждают озвучивать очевидные факты, поэтому старался говорить, как можно спокойнее:

– Бортовой компьютер всего лишь исполняет программу. И в данный момент запущена программа тестирования экипажа на ментальную адекватность. Если я после анабиоза окажусь психически неустойчивым и соглашусь с нелепицей про психбольницу, шитую белыми нитками, значит, меня следует изолировать до самой посадки на Земле. Дабы не натворил тут глупостей в звездолёте, напичканном сложнейшим оборудованием, – капрал заставил себя улыбнуться. – К счастью, моя психика в порядке. Можете переходить к следующему тесту.

На некоторое время воцарилась тишина. Студент перестал обращать внимание на воркование санитаря со своей соседкой по столу и даже перестал улыбаться. Он изучающе глядел на капрала, после чего тоже решил задать вопрос:

– А как называется ваш звездолёт?

– Не помню, – угрюмо признался Зенит и тут же оживился. – Но это пока! И не надо винить меня за огрехи искусственного интеллекта, который прервал анабиоз варварским способом.

Капрал хмуро глянул на Арфеева, но быстро смягчился:

– Лично к тебе, Веня, у меня претензий нет. Это инженеры-дармоеды тебя так криво запрограммировали. Им не компьютеры – чайники настраивать. Вернёмся на Землю – отрежу...

Брови главврача поползли вверх.

– ...Отражу это всё в рапорте, – поправился Зенит.

– Что ж, продолжим тестирование, если вам угодно. – Вениамин Константинович вернул своему лицу привычное спокойствие. – Девятьсот двадцать шесть умножить на сто двадцать.

– Вы издеваетесь? – развёл руками Володий. – Четыре единицы подряд, да ещё и в сумме чётное число – нет уж, увольте от подобных результатов!

Студент одёрнул рукав халата, который скрывал его модные наручные часы-калькулятор, и перемножил названные доктором числа. Он показал результат соседке, и они в полном недоумении уставились на пациента.

– Да-да, у нашего капрала ещё много способностей, – не без гордости прокомментировал Арфеев. – Чертовски жаль, что гениальность так часто соседствует с сумасшествием.

– А как у него проявилось заболевание? – осторожно поинтересовалась студентка. – С детства или из-за психической травмы?

– Поступил он к нам около месяца назад, до этого нигде не наблюдался. – Главврач порылся в папке и извлёк какую-то бумагу. – Вот что милиция отразила в протоколе.

...Задержанный Вазенитов незаконно проник на территорию Звёздного городка, где опрыскивал персонал пахучей жидкостью. Укусил полковника ВВС. В момент задержания нарушителя к его животу была привязана тяжёлая чугунная сковорода...

Студент с калькулятором громко хохотнул, но тут же осёкся, заметив на себе колючий осуждающий взгляд главного врача.

Запись № 9 (возможно, дублирует более раннюю). Вспомнил. Это случилось на Земле незадолго до отлёта. Я успел разоблачить нескольких гнидогадоидов, окопавшихся в Звёздном городке. Раньше я их так называл. Они проникают в человека через пупок и завладевают его сознанием, превращая того в послушную марионетку. Но через чугун этим гадам не пролезть, поэтому я подстраховался.

Захватившие Центр подготовки космонавтов гнидогадоиды отсылали ничего не подозревающих людей в космос с целью подселения. Я предупредил персонал Центра, что в «Буране» на самом деле были люди – 8 человек и что никто из них не вернулся. Их забрали для опытов на околоземной орбитальной базе. Теперь-то я понимаю, что на самом деле гнидогадоиды – это шпионы Белой Мурины. Эх, поскорее бы убедить ИИ прекратить тянуть вольнку с тестированием, наладить связь с Землёй и сообщить о Мурине!

Капрал так разволновался за судьбу галактики, что почувствовал приближение приступа. В ожидании судороги он рефлекторно схватился руками за ножки стула. Заметивший это главный врач тут же подошёл к пациенту и сунул тому в рот сушёный чернослив, заготовленный на всякий случай в кармане халата.

– Вдох-выдох, Володя, вдох-выдох. – Доктор ритмично замахал руками, словно дирижёр. – Представьте, что сидите на зелёной лужайке, а вокруг вас щебечут птички.

Арфеев повернулся к студентам:

– Богатый кальцием сушёный чернослив облегчает течение приступов при эпилепсии, но уже и он дефицитом стал. Свои старые запасы пациентам скармливаю.

Зенит сидел с напряжёнными и до боли вывернутыми кистями рук. Ему вдруг вспомнились не птички на лужайке, а болезненные ощущения от наручников, когда милиционеры вели его из машины к зданию больницы. На крыльце его тогда встречал ухмыляющийся санитар № 2.

Перед глазами возникла вывеска на стене: «Довженко» и число «19». Едва начавшийся приступ тут же прекратился.

– Довженко-19! – выпалил капрал.

– Это вы к чему? – удивился доктор.

– Название нашего звездолёта – «Довженко-19». Я вспомнил.

Память постепенно возвращается. Это радует. Дискета, как её называет итурман, всё-таки загрузилась мне в мозг. Надеюсь, остальным ребятам из «Нулевого парсека» она тоже поможет.

Убедившись, что приступа удалось избежать, главный врач отправился обратно на своё место.

– А чем вы, Володя, опрыскивали людей в Звёздном городке? – вернулся он к делам минувшим, запротоколированным и уложенным в папку.

– Людей! – презрительно фыркнул Зенит. – Видели бы вы, как эти «люди», в кавычках, корчились. Опрыскивал я их обычным антигнидогадоидным составом: хрен, уксус, йод. В газете «Вечерняя гласность» рецепт вычитал.

– Анти... каким? – тихо переспросил Роман.

– А самозванец «полковник» вряд ли теперь продолжит вредить человечеству. – В голосе капрала прозвучало злорадство. – Перед тем как его укусить, я этим составом рот тщательно прополоскал!

– За что ж вы его так? – Вениамин Константинович сердобольно покачал головой.

– За дело. Это беломуренское отродье захватило космическую отрасль страны с целью её развалить и дискредитировать.

Студент с часами-калькулятором долго сдерживался, но всё же расхохотался.

– Ребята, мы тут не в передаче «Аншлаг», – укоризненно заметил доктор. – Вы со своими пациентами себя так же будете вести? Хотя всё идёт к тому, что эти горе-демократы вообще скоро психбольницы позакрывают.

– А что вы имеете против демократии? – очнулся Роман, сильно выпучив свои смотрящие в разные стороны глаза. – Карательную психиатрию, между прочим, не они придумали, а коммунисты!

– Знаете, молодые люди, – Арфеев устало поморщился. – Был тут у нас один борец с режимом, регулярно свои фекалии прятал – мечтал выложить из них на крыше больницы послание американским астронавтам, чтобы те забрали его из тоталитарного ада. Где только санитары его какашки не находили. Помните, Александр?

– Ага, – откликнулся санитар № 3. – Как-то набил ими плафоны светильников на потолке. Вечером свет включаем – как-то тускло, и запах стоит характерный!

– Фу! – брезгливо поморщилась студентка.

– Не так давно мы его, кстати, выпустили. Согласно новому закону «О психиатрической помощи». И не только его, – продолжал доктор. – Отныне эти индивиды занимаются самовыражением на свободе, никто им не смеет мешать.

Запись № 10. А что, если ИИ ведёт себя так не из-за ошибки в программе? Уж слишком разумно всё плетёт, убедительно. А вдруг его Бестелесые подкрутили? Способен ли искусственный интеллект эволюционировать при помощи Бестелесых, если его железо спаяно на отсталых земных технологиях?

– О чём задумались, Володя? – прервал мысли капрала Арфеев. – Мы вас не сильно утомили?

– Связь с Землёй когда планируешь восстановить? – холодно поинтересовался Зенит.

– Мы над этим усердно работаем. Саша, проводите пациента в палату. И давайте следующего.

Мы! Кто это – «мы»? Известно – кто. Бортовой ИИ звездолёта «Довженко-19» и сверхинтеллект Бестелесого, вступившего в контакт. Гнусенький альянстик. Ну-ну. Потягаемся. И не в таких переделках выживали.

Капрал Зенит, преисполненный достоинства, поднялся с кушетки и в сопровождении Третьего санитара покинул приёмно-смотровое отделение.

– Вы знаете, коллеги, – обратился Арфеев к студентам, – на основании своего богатого опыта могу утверждать, что эпилептики, коим является пациент Вазенитов, страшнее маньяков. У такого всегда есть цель, к которой он прёт, как носорог. А если эта цель нарисована фантазией эпилептика – то последствия, как правило, страшны и для него, и для окружающих.

На какое-то время в смотровом отделении воцарилось молчание.

– Но всё равно я порой завидую таким, как он, эскапистам, – нарушил тишину главврач и тяжело вздохнул. – У меня в жизни что: трамвай, пять остановок, магазин с пустыми прилавками, соседи-алкаши, летом дача с картошкой. Земля же в это самое время несётся вокруг Солнца. А капрал Зенит – мчится, удаляясь от нас, в межзвёздном пространстве со скоростью света и покоряет неведомые планеты.

Санитар Александр завёл капрала в третью палату и поманил пальцем блондина:

– Твоя очередь, Лыжников!

Блондин резво спрыгнул с койки и пригладил усы:

– Наконец-то! Уж сейчас-то комиссия меня точно годным признает. Здравствуй, свобода!
Прощайте, недоумки!

– Годным к чему? – поинтересовался Сергей и звучно икнул.

– К строевой службе. – Юрич приподнял обувную коробку. – Виталик, попрощайся с дядей Андрюшей, помаши ему лапкой.

– Бортовой компьютер во время тестирования будет применять самые коварные методы, – предупредил Зенит проходящего мимо Лыжникова. – Будь начеку.

– Да иди ты! – огрызнулся блондин и вышел из палаты.

Капрал быстро подошёл к парню в очках и вцепился ему в плечи:

– Штурман, докладывай. Кому ещё удалось загрузить память с анабиозного диска?

Павел виновато опустил глаза:

– Увы, капрал, никому. Я начал с себя, прижал дискету к голове. Вскоре кое-что начало проясняться. Я закрыл глаза и как бы увидел своё отражение. Но тут Андрюха оттолкнул меня, дискетка упала, и он её растоптал.

Штурман извлёк из кармана пижамы пластмассовые обломки:

– Вот. Надеюсь, комиссия его никуда не выпустит!

В мрачном расположении духа капрал сел на кровать:

– Плохо дело.

– Если информация настолько важная, то где-то должна быть резервная копия, – предположил Павел.

– Ты уверен? – В глазах Зенита блеснула надежда.

– Если мы на космическом корабле...

– Без всяких «если»! – отрезал капрал. – Привыкайте.

Обитатели третьей палаты переглянулись.

– Ага, так вот, – продолжил Штурман, поправив очки, – на космических кораблях всегда всё с двукратным, а то и троекратным запасом надёжности.

– Тогда ещё не всё потеряно! – Капрал хлопнул себя по коленям, встал и заходил между рядами кроватей. – Осталось как-то раздобыть эту самую резервную копию.

– И держать её подальше от Андрюхи. – Брюнет швырнул шарик в стену и ловко поймал его после отскока. – Куда его повели-то? Правда, что ли, на комиссию?

– Бортовой компьютер то ли сбойнул, то ли подвергся внешнему воздействию Бестелесых. – Зенит обвёл взглядом соседей – лица их выражали полное непонимание. – Потом вам объясню, когда память себе вернёте. Если вкратце, то Веня запустил процедуру тестирования экипажа, чтобы проверить – всё ли у нас с мозгами в порядке.

– Его ждёт сюрприз! – радостно воскликнул обладатель золотистых волос.

– Сектор «приз»! – присоединился к Сергею тип в шапочке, вызвав у того приступ смеха.

Капрал терпеливо дождался наступления тишины в отсеке и продолжил:

– Но тестами ИИ не ограничивается. Ведёт себя как-то странно, мои команды не выполняет. Возможно, что директива в нём какая-то секретная запустилась. В этом надо ещё разобраться. Пока же Веня нас будет проверять по одному.

– А если кто-то не пройдёт проверку? – настороженно спросил Штурман.

– Тот будет изолирован дроидами от всех остальных. В принципе, разумно. Чтобы человек с кашей в голове не наломал тут нам дров.

– А Веня – это кто? – У несчастного Штурмана количество вопросов лишь увеличивалось с каждым ответом Зенита.

– Мы так бортовой компьютер с вами меж собой называли, – пояснил капрал.

– Веня – это Вениамин Константинович! – догадался теннисист.

– А-а-а... – протянул Павел и замолчал, протерев свои очки о пижаму и погрузившись в раздумья.

Юрич уложил своего Виталика на подушку, подсел к тумбочке и принялся рисовать. В тишине раздавался скрип его фломастеров о бумагу. Сергей безмолвно хихикал, трясая своей золотистой шевелюрой. Дипер крутил рукоятки на радиоприёмнике и прислушивался, прикладывая к нему ухо. Биолог Бакровский в очередной раз облил себе ноги водой из кружки и снова замер, раскинув длинные руки в стороны. Брюнет лежал на кровати и подбрасывал рукой шарик. Тот каждый раз долетал почти до самого потолка, останавливаясь в паре сантиметров.

– Может, пока расскажешь про нас, капрал? – нарушил молчание Штурман. – У тебя-то память уже полностью восстановилась.

– Не полностью, – покачал головой Зенит. – Некоторые провалы ещё наблюдаются.

– У меня есть шикарное средство, чтобы мозги встряхнуть, – заговорщицким шёпотом сообщил Сергей и перегнулся в сторону кровати с теннисистом. – Русланчик, сходи-ка постой за дверь. Если какой шухер – шарик сюда бросай.

Смуглый брюнет неохотно встал и направился к выходу из палаты, продолжая подкидывать шарик рукой.

– С-с-с! – недовольно произнёс он, словно начал и не договорил какое-то слово. Это была ещё одна привычка Руслана наряду с вытягиванием к себе чужой руки при её пожатии.

– И не подглядывай сюда, а то санитару проспишь! – напутствовал Сергей.

– Сам проспишь! – огрызнулся теннисист и скрылся в холле.

Ещё недавно безостановочно хохотавший обладатель золотистых волос в тот же миг стал предельно серьёзен и сосредоточен. С неожиданной для него прытью он извлёк из недр своего матраса горсть разнообразных таблеток, отобрал несколько, а остальные запихал обратно. Разломав пару капсул, он высыпал их содержимое на тумбочку, туда же раскрошил другие таблетки, перемешал кучку мизинцем и заполнил полученным содержимым пустую капсулу, скрепив её половинки.

Для пущей важности он многозначительно потряс полученную капсулу с грациозностью бармена, удерживающего двумя пальцами микроскопический шейкер. После этого Сергей вручил подготовленный препарат капралу. А остатки порошка с тумбочки смахнул в ладонку и отправил себе в рот, даже не поморщившись.

Штурман подал Зениту кружку с водой, позаимствовав её с тумбочки Биолога. Отбросив сомнения, капрал запил капсулу водой и уселся на свою кровать. Несколько минут он ничего не чувствовал. Где-то краем глаза он уловил трясущееся от безмолвного хохота золотоволосое пятно. Вскоре с удивлением обнаружил, что сотрясаются все кровати вокруг, тумбочки и даже пол.

Запись № 11. Внутри моего сознания вдруг сорвало какой-то ограничитель. Мне в бешеной круговерти начали открываться миры непостижимой красоты, каких доселе не видел человек. Одновременно наступило понимание, что миры эти существуют на самом деле. Я испытал запредельную эйфорию, нестерпимо захотелось успеть насладиться малейшей частицей каждого из этих миров. Но они хаотично сменяли друг друга со сверхсветовой скоростью...

Капрал резко вскочил с кровати, раскинув руки и задрал голову, насколько позволяла гибкость шейных позвонков. После этого его скрутило, согнуло пополам, снова выпрямило, как струну, и швырнуло на пол. Зенита била судорога, изо рта его шла пена.

– Снова припадок? – В палату из холла заглянул теннисист с сочувствующим выражением лица.

– Как бы язык себе не прикусил! – Штурман присел рядом на корточках. – Ему бы в зубы что-нибудь зажать. Ложки нет ни у кого?

– Русланчик, дуй в столовую! – крикнул Сергей и тоже присел возле Зенита. Его самого ощутило шатало.

– Да кто меня сейчас туда пустит? До ужина ещё далеко!

– Юрич, фломастер! – догадался Павел.

Хозяин Виталика уже замахнулся, чтобы бросить фломастер Штурману, но тут капрала внезапно перестала сотрясать судорога, и он затих. Юрич подошёл, приставил Зениту к шее палец, убедился, что тот жив, и без особых усилий переложил его с пола на кровать. На обратном пути к своей кровати Юрич бросил взгляд на Биолога:

– Эй, кустик! – он слегка толкнул коленом торчащую в проходе ступню Бакровского. – У тебя что такое из кармана торчит?

В ответ на это Биолог открыл глаза и достал из кармана алюминиевую вилку, у которой были загнуты крайние зубцы:

– Это, что ли? – Бакровский запустил вилку себе в шевелюру и почесал голову. – Это культиватор.

– И где ты был, когда я ложку искал, чтобы капралу помочь? – вознегодовал Штурман.

– Но ложки-то у меня нет, – Биолог убрал вилку обратно в карман, покачал головой и тихо проворчал: – Вот так вы, люди, и леса вырубаете гектарами, по надуманному поводу.

После этого снова раскинул руки и закрыл глаза.

Усевшись на кушетку приёмно-смотрового отделения, пациент с белёсыми усами сразу принял горделивую позу и закинул ногу на ногу. На членов комиссии он поглядывал свысока и отметил про себя, что авторитетно выглядит лишь их главврач Вениамин Константинович. Остальные какие-то совсем зелёные. Особенно Андрею не понравился косоглазый, одетый, как клоун. Вот кому надо здесь сидеть и проходить комиссии, а не здоровым людям.

– Сразу хочу заявить, что я здоров и меня нужно выпустить. – Блондин пригладил усы пальцами. – Или хотя бы переведите меня от психов в отдельную камеру.

– У нас тут не камеры, а палаты, – отозвался Арфеев.

– В общей палате они своим бредом кого хочешь дураком сделают, – пожаловался пациент. – Теперь вот выдумали, что мы сидим в ракете и летим в космосе. И верят же некоторые в подобный бред!

– А вы так не считаете? – Доктор сложил руки замком и улыбнулся.

– Я что, по-вашему, идиот? Мы в психушке торчим, а мне домой надо поскорее!

– Неужели не хотите у нас хорошенько отдохнуть, привести нервы в порядок? – Главврач огляделся на рядом сидящих студентов. – Я бы и сам не отказался.

– Мне здесь не удаётся отдохнуть. Я скоро вообще с голоду помру. – Блондин поджал ноги под кушетку, вцепившись в неё руками, и перешёл на шёпот. – Мне кажется, что вся здешняя еда отравлена!

Арфеев перестал улыбаться, вздохнул и открыл новую папку:

– Лыжников Андрей. Биполярное расстройство. В одной фазе – балагур, повеса, готов питаться за троих, не даёт прохода ни одной даме, – Вениамин Константинович по-озорному глянул на стоящего у выхода санитаря. – Серьёзный соперник нашему Александру.

При своём упоминании санитар № 3 покраснел и заёрзал у стены.

– Вторая фаза – депрессивная, – продолжил доктор. – Ярый женоненавистник, отказывается от нормальной еды вплоть до употребления в пищу всевозможной гадости.

– Сейчас, я так поняла, вторая фаза? – предположила симпатичная студентка.

– Ну а тебя-то кто спрашивает, понятливая? – скривился Лыжников. – Расселась тут, как на панели!

Студентка смутилась и тут же поджала свои стройные ноги в босоножках.

– Как видите – вторая, – подтвердил главврач.

– На панели вообще-то стоят, – вступился за соседку рядом сидящий студент.

– А те, кого бьют кирпичом по голове, лежат! – нахмурился Андрей.

Санитар Александр тут же среагировал и переместился поближе к кушетке с пациентом.

– Ну и как вы сами думаете, Андрюша, – Вениамин Константинович закрыл папку, – должны мы вас выпускать, чтобы вы кого-нибудь кирпичом огрели?

– Я не буду! Честное слово! – принялся канючить Лыжников. – Ну отпустите! Меня на воле жена ждёт. Сiju тут со всякими психами и клоунами, а тупорылая шлюха в это самое время мне изменяет!

Когда к капралу вернулось сознание, он увидел склонившиеся над ним расплывшиеся очертания Павла и Сергея. Те уже почти полчаса трясли своего соседа по палате за плечи, пытаясь добудиться. Зенит уселся на кровати, мотнул головой и часто заморгал, пытаясь расшеять остатки тумана перед глазами.

– Слава Петерсену-Пффнеру! – радостно воскликнул Штурман и похлопал капрала по спине. – Я уж перепугался, что Серёга тебя отравил!

– У меня не больница, у меня всё надёжно, – гордо заявил Сергей и назидательно поднял вверх указательный палец. – Грамотно закинуться – полезно для здоровья. В отличие от больницыного бунора. Ну чё, яснее стало в бестолковке?

– Вы знаете – да. – Зенит огляделся по сторонам.

– Тогда, пока нашу память не добыли, ты нам что-нибудь ещё про нас расскажешь? – Глаза Павла блеснули из-за очков. – Значит, я – штурман звездолёта, Бакровский – биолог...

– Тамбовский волк тебе биолог! – огрызнулся двухметровый. – Царица наук – исключительно ботаника. А всякая зоология и прочие «логии» – про грязных животных, которые что делают?

Все замолчали в ожидании, когда Бакровский закончит свою мысль.

– Они пожирают растения и превращают прекрасные творения природы в помёт, навоз и фекалии! – Тот изогнулся «мостиком» и рухнул обратно на кровать, продавив кроватную сетку почти до самого пола.

– А я тут кем подрядился пахать на этом вашем звездоходе? – спросил Сергей, убедившись, что очередной тирады Биолога не последует.

– Это логично – судовым врачом, – пояснил капрал.

– Ясен-блясен! – просиял Сергей. – А я вам сразу говорил, что лучше всех этих белохалатных самозванцев в витаминках разбираюсь! А то всё «торчок», «торчище»...

Он присел на корточки возле своей кровати, обнял матрас и принялся его поглаживать:

– Вот где кладезь. Вот где самая полезная аптека. Из дешёвых «колёс» намотить отменной шмыги вам никакая докторская степень не поможет, – судя по возбуждённому состоянию, Сергей наведалься в свою прикроватную «аптеку» совсем недавно. – Прирождённым врачом надо быть. С золотыми руками!

– И волосами, – тихо пробормотал Юрич, чтобы его слышал только его «ручной крокодил».

Штурман повертел головой и остановил взгляд на большеголовом соседе по палате, который как раз что-то сосредоточенно пытался выдуть из своего радиоприёмника, побагровев от натуги.

– А Дипер у нас кто?

Заслышав свою фамилию, тот сразу натянул шапочку на глаза. После этого вдруг вскочил с кровати:

– Шпиндель надо держать в растворе! – с этими словами Дипер уселся обратно, едва не промахнувшись мимо койки, и принялся продувать безмолвный радиоприёмник с новой силой.

– А что он там всё время выдувает? – не смог сдержать улыбки Зенит.

– Сверчков, – ответил теннисист, вызвав всеобщий смех.

– Откуда они там? – подивился капрал.

– У Дипера они везде! – объяснил хохочущий громче всех Врач. – Но не отовсюду он их может выдуть! Гибкости не хватает!

В истерике забились все, кроме самого объекта насмешек. Он перестал мучить радио и просто сидел, осунувшись, в своей нелепой вязаной шапочке, надвинутой на глаза. Капралу вдруг стало жалко Дипера.

– А вы знаете, кто этот несчастный? – рывкнул он, заставив всех разом смолкнуть, и грозно нахмурился. – Дипер – командор нашего отряда.

Недолгая тишина взорвалась приступом ещё более дикого хохота, сотрясающего стены третьей палаты. Золотоволосый Врач подскочил к Командору и натянул тому шапочку до самого подбородка. Дипер тут же её сорвал, зыркнул по сторонам загнанным взглядом и попытался укрыть голову краем одеяла.

– Виталик, фас! – Юрич вытянул в сторону Командора руки с обувной коробкой.

Тот взвыл и поджал ноги, пытаясь целиком влезть под одеяло:

– Оно же ноги откусит! Убери! Убери!

Руслан принялся швырять шарик в стену прямо над головой Дипера. Штурман, подкравшись, начал дёргать край его одеяла и приговаривать:

– Сверчки лезут по кровати! Они уже на одеяле! Дима, берегись!

Биолог, цепляясь за спинки своей кровати руками и огромными ступнями, прыгал на панцирной сетке, хохоча и одновременно корчась от простреливающей спину боли. Подавленному Зениту оставалось лишь с горечью наблюдать за творящейся вакханалией.

Запись № 12. Во что они превратились? Лучшие люди Земли, отобранные из самых умных, выносливых, преданных гуманистическим идеалам. Покорители планет, усмирители диктаторов, спасители целых галактик. Стадо, вернувшееся в первобытное состояние. Даже мне-то, простому землянину, противно смотреть. Хочется посадить всех в клетку и отправить на Луну-б. А если за нами прямо в эту минуту наблюдают Бестелесые, пытавшиеся выйти на контакт? Повторят ли эти опередившие нас в развитии сверхсущества попытку сближения с корчащейся и кривляющейся биомассой? Опытные и хладнокровные мудрецы в один миг превратились в галдящих обезьян.

И всё из-за одного лишь техногенного сбоя. Не слишком ли мы доверились технике? Она помогла нам ускорить научный прогресс, но она же теперь тянет вспять. Или же этой технике кто-то настойчиво помогает? Использует её, как инструмент против нас, землян. Кто-то, кому с нами тесно в рамках Вселенной. В любом случае на то мы и «Нулевой парсек», чтобы бороться и побеждать там, где спасовали и превратились в космическую пыль все остальные.

– Отставить бардак! – заорал капрал.

Ему пришлось плеснуть Биологу водой на лицо, поймать брошенный Русланом шарик и буквально оттащить Штурмана от кровати Командора. После этого, встав в ряду между кроватями и ухватившись за спинки, Зенит издал жуткий рёв, рискуя сорвать голос, от которого у него самого зазвенело в ушах. Капралу даже показалось, что сейчас его поразит очередной приступ. Но обошлось.

В резко воцарившейся тишине он устало добрёл до своей кровати и присел на неё. Обитатели палаты тоже вернулись на свои койко-места и виновато поглядывали оттуда на Зенита.

– Значит, так, – из горла его вырвался хрип, и капрал закашлялся. – Пока Командору не вернули память, руководство отрядом я беру на себя.

– Вениамин Константинович тут главный, – с обидой в голосе возразил Руслан.

– Веня – возомнившая о себе железка, которую можно в любой момент перепрограммировать или выключить. И он не обидится. – Зенит бросил отобранный у брүнета шарик обратно владельцу.

Шарик от пинг-понга полетел совершенно не туда, куда задумывал капрал. Тем не менее Руслан с поразительной ловкостью подпрыгнул, поймал шарик и уселся на место.

– Другое дело – командор Дипер, – продолжил Зенит. – Он человек, у него есть чувства. А вы знаете, откуда у него эта шапочка?

Капрал остановил свой укоризненный взгляд на каждом. Кто-то отрицательно мотал головой, включая носителя шапочки. Кто-то просто опускал глаза.

– Во время страшного пожара на реакторе планеты Шагоран кто первым принял сигнал бедствия из Долины Атомного Плача? Кто бросился в бушующее пламя и потушил его, получив десять смертельных доз радиации?

– Кто? – спросил Штурман, испуганно озираясь.

– Командор Дипер. – Зенит указал на того рукой.

Павел начал было хихикает своим характерным тонким голоском, но под холодным взглядом капрала тут же осёкся.

– Эту именную шапочку ему торжественно вручил убер-губернатор Шагорана в память от благодарных жителей спасённой планеты.

Пациенты недоумённо глядели на Дипера, который уже успел нахлобучить свою легендарную шапочку обратно на макушку.

– А если б вы оказались рядом со мною и Командором, когда мы с ним пробирались через пещеры Пилатуира, то уж точно бы не улыбались при вспоминании о пилатуирских плотоядных сверчках, – капрал решил не давать пощады своим заносчивым коллегам и преподать им долгожданный урок. – Вам бы долго мерещилось, как сверчки прыгают на вас с покрытого грибком пещерного свода и вгрызаются в плоть. А потом взмывают обратно, вырывая из вас куски мяса размером с хорошую котлету!

– Дросселем по голове! – выругался Штурман, непроизвольно отряхивая пижаму. – Гадость какая!

Юрич погладил Виталика по картонной голове и шепнул ему, чтобы ничего не боялся. А Врача одолел такой голод, что он уже не мог думать ни о чём, кроме ужина.

– А яд у этого отродья такой силы, что если растоптанный сверчок успеет проткнуть жалом подошву, нога так раздувается, что разрывает штатный ботинок разведчика в лохмотья! – не унимался Зенит. – А в раздавленном состоянии плотоядный сверчок, между прочим, способен прыгать ещё минуту, разбрасывая вокруг собственные кишки!

Биолог воспринял сказанное так близко к сердцу, что энергично замахал «ветвями», словно пытаясь отогнать жутких насекомых на самых дальних подступах к своей кровати. Командор слушал рассказ капрала с открытым ртом, после чего глянул на радиоприёмник, схватил его и принялся продувать с утроенной силой.

В палату быстрым шагом вошёл мрачный, словно туча, Лыжников и рухнул на кровать, уткнувшись лицом в подушку.

– Андрюха, слышал, кто на нашем космическом корыте командир? – весело спросил его Сергей.

– Насрать! – пробубнил блондин, не отрывая лица от подушки.

– Дипер! А я кто – знаешь? Врач! – Сергей захохотал.

Его веселье никто больше не разделял, и судовой лекарь тоже был вынужден умолкнуть. Все насторожённо уставились на капрала.

– Командор Дипер! – строго уточнил Зенит.
Андрей уселся на кровати и открыл тумбочку.
– Играйте в космонавтов-психонавтов без меня, кретины, – проворчал он.
Из тумбочки Лыжников извлёк мыльницу и горсть сухарей, которые принялся натирать мылом и с хрустом отправлять в рот. Зенит поморщился.
– Это он так из еды яд вычищает, – тихо объяснил капралу Павел.
– Это моё дело! – услышал его Андрей. – Вам нравится травиться и делаться ещё дебильнее с каждой тарелкой отравленной каши – флаг в руки, я вам не мешаю.
– Лыжникову действительно виднее, коллеги, – вступился за него Зенит. – Ведь он у нас, ни много ни мало, корабельный кок.
– Кок-кок-кок-кок, – раздалось из командорского угла.
– Захлопни пасть! – крикнул в ту сторону Андрей.
– Вас ис дас? Что за кок без буквы «с»? – приготовился к новой порции веселья Врач.
– При кухне который, – пояснил Юрич.
– А-а, повар, что ли? – расплылся в улыбке Сергей. – Жрать вредно. Хотя и прикольно. Новоявленный Повар молча хрустел намыленными сухарями.
– А мы с Виталькой проголодались. – Юрич погладил коробку по голове. – Андрюха, замути нам точево какое-нибудь простецкое.
– Хер пожуйте, – тихо процедил Лыжников.
– Чё говоришь? – добродушно переспросил Юрич.
– Это я не тебе, – буркнул Повар.
– И не Виталику, надеюсь?
Вместо ответа Андрей отрицательно помотал головой, намыливая очередной сухарь.
– Лыжников у нас – парень скромный, но любит повыделываться, – на голодный желудок Юрич оказался непривычно разговорчивым.
– Кстати, а Руслан у нас кто? – оживился Штурман. – Чем занимается на корабле?
– Стучит на всех! – зло отозвался Повар. – Сдал меня Вениамину, что я еду из столовки выношу.
– Это не я! – отреагировал теннисист.
Врач подошёл к нему и пнул по кровати:
– А кто мою нычку с таблами санитарам выдал? Весь матрас мне перетрясли во время недавнего шмона. Я сам, что ли, их надоумил? А, Русланчик?
– Не я это! – Смуглые щёки брюнета побледнели от волнения.
Увидев, что над теннисистом сгущаются тучи, Штурман решил за него вступить:
– У нас здесь из вариантов для потайного хранения – либо тумбочки, либо кровати. Так что у санитаров выбор невелик. И Руслан им для этого точно не нужен.
– С чего вы взяли, что он – Руслан? – вступил в дискуссию Зенит. – Вон же у него на одежде написано, кто он.
Все уставились на пижаму теннисиста. Нагрудный карман её украшала трафаретная надпись:

Р.НАТ.

– А что не так? «Р» – это как раз имя. Руслан, – решил поспорить Павел со старшим по званию. – А «Нат» – фамилия? Так, что ли?
– Моя фамилия Искандеров. – Брюнет не знал, куда деваться от затянувшегося внимания к его персоне.
– Стукандеров твоя фамилия! – Повар швырнул в него намыленный сухарик, но промахнулся.

Тогда стоящий неподалёку Врач схватил брюнета за подтяжки, оттянул их и отпустил со шлепком.

– Нет, твоя! – едва сдерживая слёзы, огрызнулся теннисист и попытался в ответ ударить Сергея, но тот увернулся и проскакал на своё место.

– «Нат» – это имя. Наташка, – присоединился к травле Юрич.

– А «Р» – это фамилия. Ростова! – добавил Лыжников, разглаживая усы.

Писклявый заразительный хохоток Штурмана спровоцировал дружный хохот экипажа.

– Сами вы! – Искандеров вскочил, затрясся в бессильной злобе, и он тут же уселся обратно, с силой швырнув шарик в стену.

Его эмоции оказались убедительными, галдёж сразу смолк. И тут в полной тишине все услышали один из самых гнуснейших акустических раздражителей – сдавленный хохот Командора Дипера. В кои-то веки глумились не над ним. Но если пискливое хихиканье Штурмана вызывало усмешку, то от звуков, производимых Командором, непроизвольно сжимались кулаки и челюсти.

Зенит с трудом подавил в себе желание врезать по скривившейся в ухмылке ехидной роже и натянуть на неё шапочку «Atomic».

– Не надо ничего расшифровывать и додумывать! – раздражённо произнёс капрал. – Иногда истина такова, какой она предстаёт перед глазами. Хотя для нас, звёздных разведчиков, такое и непривычно.

Штурман недоверчиво глянул на Зенита из-за своих диоптрий:

– Так он что же – Рнат?

– Так точно, – кивнул капрал. – Р-Нат. После первой буквы едва слышимая пауза. «Эр-Нат». Между прочим, весьма популярное в наше время имя в Космосодружестве.

– Да ну? – засомневался кто-то из экипажа.

Бледнота Р-Ната сменилась нездоровым румянцем. Он был на грани срыва:

– Хватит уже про меня! Давайте про следующего!

На его счастье, в палату нагрянул санитар Николай. Командор тут же нырнул под одеяло.

– Кто ещё пойдёт студентам показываться? – Безжалостный взгляд санитар № 2 зашарил по комнате, выбирая жертву.

Жертвы поспешно отворачивались и опускали головы. Николай двинулся по проходу между кроватями, постукивая своей дубинкой по их металлическим спинкам. После каждого удара Штурман вздрагивал. Биолог поспешно втянул ноги, поджал их и замер, словно гигантский жук, перевернутый кверху лапками.

Возле кровати Зенита санитар остановился.

– Чё лыбишься? – Он звучно ударил дубинкой о свою здоровенную пятерню.

В мёртвой тишине было слышно лишь, как Дипер под одеялом выдувает плотоядных сверчков из приёмника. Санитар с азартом охотника на цыпочках подкрался к кровати Командора и занёс над колыхающимся одеялом дубинку...

– Я пойду! – звонкий голос теннисиста заставил санитару Колю вздрогнуть и застыть на месте.

– Искандеров? – растерянно спросил он. – Ну беги.

Упрашивать Р-Ната не понадобилось. Следом за ним вразвалочку направился Николай.

– Студенты вас скоро начнут вскрывать, как лягушек. – Он напоследок врезал дубинкой по косяку так, что на пол посыпалась штукатурка.

Какое-то время все молчали под ритмичную продувку Командора. Вскоре тот устал, и воцарилась полная тишина. Нарушил её капрал:

– Кому-нибудь приятно, когда технический дроид-уборщик относится к звёздным разведчикам, как к помоям?

Все отрицательно замотали головой. У Юрича в пальцах хрустнул фломастер и переломился надвое.

– Надо обрести утраченное! – глухо продекламировал Командор из-под одеяла. – И потеря станет находкой!

На этот раз не засмеялся никто.

– Командор, как всегда, прав. Продолжим деградировать – дроид Коля сметёт нас веником в совочек, запакует в копропараллаксор и спустит в галактическую канализацию. – Зенит подошёл к Штурману и положил ему руки на плечи. – Ищи резервную память, сынок!

– Сейчас Русланчик наябедничает Вене – и нам всем последние остатки мозгов зажарят электросудорожкой! – проворчал повар Лыжников.

– К Р-Нату прошу относиться с пониманием. Он же новобранец, это всего лишь его второе задание с такими опытными парнями, как мы, – капрал посчитал своим долгом отстоять репутацию молодого коллеги. – Кто-то же должен был выполнять грязную работу – заносить данные в бортовой компьютер. Мы сами ему поручили, а теперь осуждаем. Нет, не его вина в том, что ИИ сбрендил, не его.

Андрей собрался что-то возразить, но лишь раздосадованно махнул рукой и снова уткнулся в подушку лицом.

Запись № 13. Похоже, что покорение новых планет временно откладывается. А вместо этого придётся заново завоевывать доверие экипажа, пострадавшего от техногенной ошибки. Прогресс – наш беспорный друг. Но он же может запросто обернуться изоцирённым врагом.

Очувтившись в приёмно-смотровом отделении, Р-Нат сразу же прошагал к сдвинутым столам для обмена рукопожатиями. Первым в очереди оказался студент в очках. Брюнет крепко ухватил его за руку и привычным движением потянул на себя, едва не вытащив бедолагу, не ожидавшего такого подвоха, из-за стола.

– Обойдёмся без формальностей. – Арфеев указал пациенту на кушетку. – Присядьте, пожалуйста.

Р-Нат последовал совету доктора и с любопытством принялся разглядывать студентку, с которой заигрывал рядом сидящий санитар № 3.

– Руслан Искандеров, наш местный чемпион по настольному теннису, – представил пациента главврач, незамедлительно вогнав того в краску. – Страдает целым букетом фобий. Наиболее выражена гелотофобия – боится стать объектом насмешек. Из-за этого всё время пытается избежать внимания к своей персоне, переключая его на окружающих, обвиняя и приписывая им всякую околесицу.

Р-Нату было очень неуютно ощущать на себе взгляды посторонних. Он пытался отвлечься, рассматривая покрытые лаком ногти на красивых ногах студентки.

– Руслан очень боится когда-нибудь проиграть в теннис, – продолжил разоблачение пациента Арфеев. – Считает, что после этого будет немедленно осмеян.

– Такого никогда не случится! – На смуглом лице промелькнул испуг.

– А ещё у Искандерова аэрофобия. Кто знает, в чём её суть? – Доктор огляделся по сторонам.

– Боязнь воздуха, что ли? – осторожно предположил студент с часами-калькулятором на руке.

– Боязнь полётов на чём угодно, – поправил его главврач.

– На ихнем звездолёте я никуда не полечу! – в ультимативной форме заявил Р-Нат.

Арфеев недовольно покачал головой:

– Это вас, надо полагать, Вазенитов своими фантазиями донимает? Спешу вас успокоить, Руслан. Звездолёты нам уже не светят. Странно, что ещё светят лампочки под потолком. – Лицо доктора исказила гримаса гнева. – Не утратить бы секрет их производства в ходе небывалого ускорения и реформ. Одни болтуны скоро в стране останутся вместо профессионалов!

Затронув болезную для себя тему, Арфеев заставил себя успокоиться и замолчал, заметив, как притихли и перешёптываются студенты.

– А вы, Вениамин Константинович, тоже только болтаете, – раздался упрёк Р-Ната.

– Вот, пожалуйста. – Доктор махнул рукой в сторону пациента. – Наглядное проявление гелотофобии – пытается отвлечь и переключить ваше внимание на меня. При длительном наблюдении за Искандеровым можно отметить у него ещё ряд фобий, менее выраженных.

– Сразу столько фобий в одном человеке, – удивилась студентка.

Главврач развёл руками:

– Даже непонятно – откуда. Родители Руслана – приличные обеспеченные люди, подарили нашей больнице импортный телевизор. Я распорядился унести его в ординаторскую, подальше от глаз пациентов.

– И что же в телевизоре такого вредного? – В голосе очкарика прозвучали нотки сарказма. – Правда? Гласность?

– Они самые, – угрюмо отозвался Арфеев. – Такая чернуха на экране, что и здоровый с ума сойдёт. И секс. Вас не смущает обилие обнажённой натуры в телевизоре? Я не ханжа, имею богатый медицинский опыт, но даже меня порой коробит. А контингент у нас и без того предельно чувствителен к разного рода физиологическим проявлениям.

Главврач снова осёкся, поняв, что отвлёкся от темы.

– А Лыжников упрасивал Олега Юрьевича нарисовать голую медсестру Лерову, – воспользовался паузой пациент. – Олег Юрьевич сказал, что на лист бумаги поместятся только её титки.

Убедившись, что его слова вызвали смех, Р-Нат ещё сильнее воодушевился и продолжил:

– А санитар Шурик Третий говорил санитару Коле Второму, что у вас тут сидит сочная студенточка и у неё под халатом нет трусов!

Оба ухмыляющихся студента повернули головы, с интересом наблюдая за реакцией тех, о ком шла речь.

– Не было такого, Вениамин Константинович! – Санитар злобно сверкнул глазами. – Брешет псина!

– Сам брешешь! Нет трусов! – парировал теннисист.

Покрасневшая от смущения студентка поспешно закинула ногу на ногу.

– Вообще-то есть, – тихо пробормотала она.

Р-Нат почувствовал за собой перевес. У него успешно получалось закрываться щитом от града стрел чужого внимания. Они отскакивали и разили непричастных. Но это уже были чужие проблемы, не его.

– Не верю! – дожимал брюнет несчастную девушку. – Дай позырить!

С этими словами он спрыгнул на пол, встал на четвереньки и пополз к столу, выкручивая шею в надежде убедиться в правоте своих предположений. Обозлённому санитару Шурику достаточно было привстать и замахнуться на говорливого пациента, чтобы загнать того обратно на кушетку.

– Вот видите – какое сразу возбуждение? – констатировал Арфеев. – А представьте – насмотрятся в телевизоре эротики или ужастиков про маньяков.

У студента запиликал наручный калькулятор, знаменуя наступление нового часа. Судя по довольному виду их хозяина, данная техническая причуда служила поводом для его гордости. Иное дело – институтские преподаватели, вынужденные читать свои лекции в больших аудиториях. Эту моднейшую опцию почти любых современных часов они яростно ненавидели.

– Ох ты! – спохватился Вениамин Константинович. – Уже и рабочий день почти закончился.

Он закрыл папку с историей болезни Руслана Искандерова, водрузил её на остальные и подвинул всю стопку в сторону санитаря:

– Александр, привлеките Николая и проведите для студентов экскурсию по палатам. А мне ещё надо с документами поработать перед уходом.

Глава IV. Ускользящие цели

Санитара номер два в палате номер три не жаловали. Впрочем, как и в любой другой палате дома номер 19 на улице Довженко. Его повторный за день визит испортил и без того паршивое настроение большинству обитателей третьей палаты.

Санитар Коля носился между кроватями, заставляя пациентов приводить в порядок постель, подтягивать штаны, застёгивать пижамы и устранять беспорядок. На недостатки он указывал своей дубинкой, без которой его уже было трудно представить. Наконец, придирчиво оглядев палату, Второй санитар выглянул в холл:

– Можно заходить!

В палату гуськом проследовали студенты, ещё недавно восседавшие за столами в приёмно-смотровом отделении. Колонну замыкал Третий санитар со стопкой папок в руках.

– Здрасте. – Студентка смущённо окинула палату взглядом.

– Виделись, – ответил капрал.

Заслышав женский голос, Повар приподнял голову от подушки и тут же расплылся в улыбке. Резво подскочив, он упёрся в матрас коленями и ухватился за металлическую дужку кровати спинки.

– Что я вижу! – воскликнул он избыточно эмоционально и пригладил белёсые усы. – В нашей пыли распустился прекрасный цветок! Разрешите придержать вас до сегодняшнего изысканного ужина, прекрасная незнакомка? Я открою для вас коллекционную бутылку бургундского, а потом мы будем танцевать до утра.

Ещё более смутившаяся студентка поспешно прошла мимо по ряду между кроватями. Андрей подпрыгнул, дотянулся до подола её халатика и задрал его вместе с юбкой, на миг явив публике ажурные красные трусики смущённой гостьи. Студентка взвизгнула, оправляя халат. Публика оживилась. Гипотеза Р-Ната не подтвердилась. Санитар № 2 протиснулся к кровати Лыжникова и затряс перед его носом дубинкой.

– Сейчас тебе так отоварю – точно будешь впрыска до утра танцевать!

Повар отскочил на другую сторону койки и победоносно пригладил усы.

– А у вас не у всех тут дубинки, как я погляжу, – обратил внимание студент в очках.

– Ни у кого нет и никогда не было, кроме Николая, – пояснил санитар Александр. – Он её себе сам на барахолке купил на днях. Константинычу вряд ли эта самодеятельность понравится. Он просто ещё не видел.

– Шефу не до того, – флегматично отреагировал Второй и почесал себе дубинкой спину. – Под ним кресло горит. Да ещё и дискетку со своим любимым стрип-покером просохатил. Пошёл домой грустный, аж жалко его стало.

Третий открыл первую попавшуюся папку, заглянул туда и прошагал в дальний угол, откуда загнанно хлопал глазами Командор.

– Пациент Дипер. Аутизм и связанное с этим асоциальное поведение, – зачитал Александр информацию из папки. – Плюс ко всему зоофобия – до жути боится животных, особенно насекомых.

– А у вас тут и животные содержатся? – Студент с калькулятором на руке подмигнул студентке, чтобы та оценила его иронию.

– У меня есть дрессированный крокодил! – отозвался Олег Юрьевич.

Он протянул к студенту свою чёрную обувную коробку:

– Пожми лапу Виталику, не бойся, он кусает только тех, кто его пугается.

Командор тут же в ужасе накрылся одеялом.

– Вдобавок у Дипера синдром «капошона». – Санитар Коля показал на шевелящееся одеяло дубинкой, словно указкой экскурсовода. – Норовит спрятаться от окружающего мира.

– Это наш командор, между прочим! – хмуро заявил Юрич, которому не понравились надменные взгляды гостей, тычущих в сторону Дипера пальцами. – Просто временно лишён полномочий.

– Лишать – не на улей журчать! – глухо донеслось из-под одеяла.

Обитатели третьей палаты дружно глянули на капрала – одобрит ли он очередное нелепое заявление Командора. Но в этот раз Зенит оставил реплику Дипера без внимания, так как сосредоточился на попытках разгадать суть проделок бортового ИИ, подсылающего дроидов вперемешку с голограммами земного техперсонала в белых халатах.

Санитар Шурик тем временем поменял папку и переключился на следующего пациента:

– Хозяин картонного крокодилчика – Олег Варов.

– Для вас, душары, Олег Юрьевич, – уточнил Варов, обращаясь к студентам.

Санитар Коля присел на корточки и погладил коробку.

– Виталик, сидеть. Ух ты мой хороший! – засюсюкал он, подражая манере общения Юрича со своим питомцем.

– А разве больным можно потакать в их бредовых фантазиях? – поинтересовался студент в очках.

Второй санитар поднялся и одарил студента тяжёлым взглядом, заставив того часто заморгать своими косящими глазками.

– Ну ты же ещё даже не интерн, – Николай поставил зарвавшегося юнца на место. – Вот покажешь мне диплом – тогда и будешь поучать.

– Олег Юрьевич у нас – бывший участник боевых действий, имеет награды, – поспешил разрядить обстановку санитар Шурик. – Его диагноз – ПТСР.

– Ну-ка, умники, расшифруйте! – Санитар № 2 продолжал давить на студентов авторитетом.

– Синдром чего-то там. – Студент с калькулятором почесал затылок, силясь вспомнить конспекты.

– Посттравматическое стрессовое расстройство, – отчеканила студентка.

Третий санитар не удержался и погладил девушку по плечу, едва не выронив стопку с папками:

– Отличница какая!

– Межполовое влечение!

Все обернулись на громкую ремарку Командора. Из-под одеяла торчала одна лишь его гигантская голова.

– Брысь, псина! – рявкнул на него Александр.

Дипер тут же юркнул обратно в своё пододеяльное убежище, а Третий продолжил обзор «экспонатов»:

– Расстройство Варову компенсируем спокойным и позитивным хобби. Наш главврач убедил его заняться рисованием. Юрич, покажешь?

Тот молча взял с тумбочки стопку своих рисунков и сунул в руки ближайшему к нему «экскурсанту» в очках. Студенты принялись не без интереса разглядывать и передавать каракули Юрича друг другу. Почти на всех творениях угадывался крокодил Виталик. Хотя и с трудом, в силу ограниченных художественных способностей ветерана боевых действий.

– Здесь нарисовано, как человек что-то говорит, но текст в облачке возле его рта зачёркнут. – Студент с калькулятором, по-видимому, решил примерить на себя лавры Жака Лакана и поставить диагноз пациенту по его рисункам.

– Зачёркнут – значит, ничего не говорит, – с ходу охладил его пыл автор творения.

– Раньше тут было написано «Апорт»! – подскочил к студентам Сергей, тыча в лист бумаги пальцем. – Закорючка – это ветка, которую мужик бросил вон той чёрненькой фигне.

– Не фигне, а Виталику, – Юрич так многозначительно глянул на золотоволосого соседа по койке, что тот тенью прошмыгнул обратно к себе на кровать и затих.

Любопытный студент не заметил этого взгляда исподлобья, способного пригвоздить на месте, так как был занят рисунками, а потому продолжал допытываться:

– Но зачёркнули-то зачем? Человек подаёт служебную команду – всё логично.

– Виталик – не собака, – терпению Юрича можно было только позавидовать. – И он не любит, когда им командуют. Он любит инжир. Вон там на дереве плоды нарисованы.

– Вероятно, вы напугались при одной только мысли о доминировании, – не унимался студент, заставив обоих санитаров многозначительно переглянуться. – А вот что может означать инжир? Какое-то яркое событие из детства?

– Я не пугаюсь, – тихо возразил Юрич, и от его голоса повеяло могильным холодом. – Это меня почему-то все начали пугаться, как только вернулся на гражданку. Почти и не обижал никого. Но они так перепугались, что упекли меня сюда.

Варов на миг задумался, его мысли унеслись куда-то очень далеко, но его лицо тут же приобрело привычное суровое выражение. На этот раз студент оторвал глаза от смешных каракулей и глянул на их автора. Поэтому тоже немедленно захотел очутиться как минимум за пределами палаты номер три.

– А кем вы были на войне? – очередь задавать вопросы дошла до студентки.

Юрич снисходительно по-отечески улыбнулся наивной девушке и покачал головой.

– Олег пообещал Вениамину Константиновичу о войне не вспоминать, – объяснил Штурман.

– И Виталику, – добавил Юрич и внезапно оживился. – Кстати, капрал, а я-то кем был в нашем звёздном отряде? Меня ж ты забыл назначить!

Зенит последние полчаса был сосредоточен на информации, исходящей от голограмм бортового компьютера, и речь коллег-разведчиков почти не анализировал. Из всего сказанного экипажем ему запомнилось два слова: «апорт» и «инжир».

– Ты был, есть и будешь нашим бортинженером, – ответил капрал.

– Серьёзная должность, – одобрительно закивал Юрич.

Студенты и санитары переглянулись, сдерживая улыбки. Александр извлёк из стопки очередную папку и подошёл к койке корабельного Врача:

– Сергей Шлемофонцев, продолжительная алко- и наркозависимость. Многократно кодировался. Злостно препятствует излечению. Регулярно где-то умудряется добывать наркосодержащие рецептурные препараты и употреблять их.

– Гонево конкретное! – возразил золотоволосый, который минуту назад незаметно проглотил одну из вышеупомянутых рецептурных таблеток. – Я веду исключительно здоровый образ жизни. Йогой вот занимаюсь.

С этими словами он попытался изобразить одну из лечебных поз, но тут же грохнулся с кровати, вызвав всеобщее веселье.

– С этим вы уже встречались. – Санитар Шурик прошёл мимо Повара.

– Когда? – возмутился Лыжников. – Я бы запомнил такую прелестную фемину!

Он попытался поймать студентку за руку, но та успела отдёргнуть её и отойти на безопасное расстояние. Санитар Коля молча указал Андрею дубинкой на его место.

– Только тогда он был в глубокой депрессии, а теперь вот – наоборот, – студентка безобидно улыбнулась.

– Главврач же говорил – биполярочка, – напомнил студент в очках.

– Говно на палочке! – передразнил его Повар. – Ты за своими косыми шарами лучше последи. Один глаз девку мысленно раздевает, второй по палате шустрит – ищет, чего бы приватизировать.

Ошалевший от подобной наглости студент не нашёлся, что и ответить. Процессия переместилась к двухметровому Биологу.

– Здесь ничего особо интересного, – констатировал санитар № 3. – У пациента Бакровского слабоумие.

– Никакой он вам не пациент, – разошёлся Лыжников. – Он наш комнатный фикус.

– Упрощаешь, Лыжников, – поморщился Биолог. – Ох, упрощаешь.

– И ничего не упрощаю. Глядите – как вымахал от регулярного полива!

Кто-то вымученно хихикнул. Студенты, незаметно для себя превратившиеся из наблюдателей в объекты изучения и насмешек, мечтали поскорее покинуть недружелюбные стены психбольницы. К счастью, осталась последняя кровать возле самого выхода.

– Паханов Павел, – Александр приступил к описанию её обитателя. – Параноик, имеет проблемы с ориентацией в пространстве – до сих пор способен заблудиться в наших коридорах. При этом неплохо разбирается в технике, науках.

Словно прочитав мысли вверенной ему молодёжи, Третий санитар поспешно захлопнул папку:

– Давайте на сегодня заканчивать. Перед уходом не забудьте записать свои фамилии в журнале.

– В каком журнале? Не бортовом ли? – насторожился капрал. – Коричневая такая корочка?

– В штанах у тебя коричневая корочка! Давно туда заглядывал? – схамил санитар Коля, заставив студентку брезгливо поморщиться и пулей вылететь из палаты.

За нею последовали все остальные участники «экскурсии». На какое-то время в третьей палате воцарилась тишина.

– Капрал, ты им специально не сказал, что я – штурман звездолёта? – прошептал Павел, испуганно косясь на выход в холл.

– Естественно, – кивнул Зенит. – Дроиды управляют напрямую искусственным интеллектом корабля. Мы не должны подавать вида, будто догадываемся о его неисправности. Вдруг ещё начнёт защищаться и усложнит доступ к перепрограммированию.

Неожиданно нарисовавшийся в проёме выхода дROID Коля заставил Штурмана подскокить на своей кровати.

– Чего затаились, дебилы подопытные? – расплылся в довольной ухмылке Второй. – Бегом на ужин!

В больничной столовой былолюдно, просторное помещение гудело голосами и звенело посудой. На стенах висели плакаты о пользе диетического питания. Когда в столовой появился экипаж третьей палаты, их взору предстал отщепенец Р-Нат, который только что передал грязную посуду в окно пищеблока и направился к выходу, доставая на ходу теннисный шарик из кармана.

– Чего нас не позвал?

Упрёк Бортинженера заставил Р-Ната покраснеть.

– Меня там... ждут... в теннис играть, – промямлил он и протиснулся сквозь укоризненно взирающих на него соседей по палате.

Сначала все по очереди подошли к сидящей за столиком медсестре Леровой, выдающей таблетки. Кто-то сразу опрокинул содержимое пластмассового стаканчика в рот, остальные незаметно передали свои препараты Сергею, который с ловкостью фокусника упрятал их в недрах пижамы.

Обязательным условием получения пайки была передача пустого стаканчика из-под таблеток в окошко пищеблока. Сегодня в вечернем рационе полагалась перловка с фрикадельками из рыбных консервов. На общем столе все набрали себе хлеба из лотка, взяли ещё мокрые после помывки ложки и налили в кружки остывший чай из больших эмалированных чайников с инвентарными номерами. Капрал, заметив эти числа, произвольно их запомнил.

– Жалко, что печенья нет к чаю, – посетовал он. – Прекрасная была традиция до погружения в анабиоз.

Судя по лицам коллег, никто об этой традиции больше не помнил. Зенит подошёл к свободному столу и поставил на него провизию:

– Держаться нам надо вместе.

Пациенты третьей палаты расселись вокруг стола, загремев тарелками и кружками. Поместилось только шестеро. Пока все усаживались, Командор нерешительно мялся, порываясь занять то один стул, то другой. Стоя во весь свой рост, он выглядел ещё более диспропорциональным. Насаженная на короткое туловище без шеи большая голова диссонировала с длинными худыми ногами. Стесняясь собственной внешности и не имея возможности укрыться от посторонних взглядов под одеялом, Дипер инстинктивно горбился, стремясь стать незаметнее.

Поняв, что вакантного места за столом не осталось, Командор уселся за пустой стол по соседству, испытал невероятное облегчение от временного одиночества.

Бедолага Командор. Как же потрепала его судьба! Под грузом ответственности и невзгод сломлено тело, но, надеюсь, не сломлен дух.

В тревожных мыслях о Командоре капрал сразу сжевал одну из двух фрикаделек, чтобы их чётное количество в тарелке не раздражало. Другую он размазал по слипшейся перловке.

– Ну кто ж так варит? – с видом знатока развёл руками Повар, отведав кашу. – Перловка должна быть аль-денте – слегка похрустывать.

– Болты как ни вари – вкусней не станут, – высказал своё мнение Бортинженер, отправляя в рот полную ложку с горкой.

– Не скажи! – покачал указательным пальцем Лыжников. – На одной только воде без специй перловку можно сварить десятком способов: помешивая, взбалтывая, постепенно подливая воду и так далее. И каждый метод даст разную консистенцию и оттенки вкуса.

Юрич слушал и флегматично пережёвывал слипшуюся субстанцию. Повар же, не переставая рассказывать, успевал намазывать горчицей хлеб, перчил его, вдавливал туда перловку, накрывал другим куском хлеба и тут же поедал. Прodelьвал он это всё так ловко и аппетитно, что остальные тоже жадно набросились на безвкусное варево.

– Не, друзья, злаки вредны для потенции, – не поддался соблазну Врач. – Фаллос капут.

Он съел фрикадельки и отодвинул миску с кашей от себя подальше. Оглядевшись в поисках санитаров, он извлёк горсть таблеток, выбрал несколько одинаковых, пожертвованных ему соседями по столу, забросил их в рот и запил чаем. После этого поморщился и выплюнул в тарелку с кашей несколько основательно распаренных чайнок.

– Одни сплошные нифеля у них в чае! – возмутился он.

Внезапно Повар тоже склонился к тарелке и выплюнул туда всё, что ещё не успел прожевать. После этого прополоскал чаем рот и выплюнул его на пол.

– Ты чего? – удивился Биолог.

– Осознал вред злаковых, – предположил Врач.

– Чёрт! Не сразу заметил! – в отчаянии воскликнул Лыжников, от его бывшего самодовольства на лице не осталось и следа. – Глядите, какая выраженная полоска на перловых зёрнах – они ж отравлены!

Кроме засидевшихся постояльцев третьей палаты в столовой осталась ещё треть занятых столов. В наступившей относительной тишине раздавались громкие удары алюминиевой ложкой по столу. Это Командор отпугивал сверчков, посягавших на его кашу.

– Вазенитов, есть серьёзный вопрос к тебе, – нарушил молчание помрачневший Повар.
– Выкладывай, – откликнулся капрал.
– Ты пытаешься впарить, что мы все, сидящие тут психи, – Андрей обвёл рукой соседей по столу, – это отряд косморазведчиков. Так?

– Так точно, отряд «Нулевой парсек», – кивнул Зенит.

– Только Руслана не хватает, – уточнил Штурман и тут же поправился: – В смысле, Р-Ната.

– Допустим. – Лыжников положил ладони на стол. – А наш главврач Веня – это, по-моему, бортовой компьютер с искусственным интеллектом. Так?

– Всё верно излагаешь, – улыбнулся капрал.

– А уроды в белых халатах – это роботы под управлением Вени?

– Только не уроды, а дроиды, если точнее, – поправил Андрея капрал. – Но по сути – узкоспециализированные роботы для обслуживания звездолётов и экипажей.

– Тогда объясни нам, Вова, кто вот эти все остальные? – надрывно простонал Лыжников, обведя рукой помещение столовой. – Наши сослуживцы, о которых ты пока не вспомнил? Роботы, которые прикидываются психами? Кто они?

Все обернулись на сидящих за другими столами пациентов, после чего выжидающе уставились на Зенита.

– Ни то ни другое, – невозмутимо ответил капрал и улыбнулся. – Звездолёт «Довженко-19» проходит по классу тяжёлых транспортников. Мы зашли на его борт на Терамысле в системе Озёрных Спиралей под видом колонистов-вахтовиков, возвращающихся домой. Именно там, кстати, Бортинженер обзавёлся своим питомцем – терамским чёрным крокодиллом.

Члены экипажа дружно перевели взгляды на Юрича, невозмутимо уплетающего остатки каши.

– Здесь кроме нас и шахтёры, и учёные, и прочий трудовой люд с разных орбитальных станций и планет, да и просто туристы, – продолжал Зенит. – Напоминаю всем, что они не должны знать, кто мы такие. Наше задание под грифом строжайшей секретности...

– Бредятина, которую ты придумываешь на ходу! – Повар хлопнул ладонью по столу и одновременно спрятал в рукаве кусок хлеба.

– А у тебя, Андрюха, есть более логичное объяснение? – поинтересовался Бортинженер, расправившись с перловкой и утерев губы рукавом пижамы.

– Ты знаешь – да! – Радость Лыжникова граничила с истерикой. – Мы нихрена не помним по той простой причине, что мы никакие нахер не разведчики!

– А вот тут ты ерундишь, браток, – замотал Юрич своей тронутой сединой головой. – Я точно помню, что я разведчик.

Повар лишь молча отмахнулся, встал и быстро зашагал прочь из столовой.

Вернувшись обратно в свой третий отсек, отряд «Нулевой парсек» занялся подготовкой ко сну.

Запись № 14. Экипаж достаточно лоялен к моим наставлениям, несмотря на практически стопроцентную потерю памяти. Но есть досадное исключение – корабельный кок Лыжников. Этот настроен очень враждебно и подозрительно. Уж не завербовали ли его? Но кто? Бестелесые пытаются выйти на контакт со всем человечеством в нашем лице, и плести интриги, разобидая нас, для них попросту непродуктивно. Да, им пришлось покопаться в электронных мозгах нашего Вени, но злого умысла с их стороны я не вижу. Сверхцивилизация

попросту нащупывает точки соприкосновения с нашим более примитивным сознанием, ищет оптимальный способ коммуникации.

Но тогда под чью дудку пляшет Повар? Не замечал я в нём раньше замашек сибарита. Тяга к роскоши, женищинам и изысканным деликатесам – прекрасная почва для порочных всходов. Кто бросил туда своё пагубное зёрнышко? Неужели Белая Мурена уже дотянулась своими щупальцами? Скверно. Я надеялся на небольшую отсрочку. Отсутствие связи с Землёй становится всё более серьёзной проблемой.

Отправившийся чистить зубы перед сном Штурман отсутствовал дольше обычного, а когда наконец вернулся, его увеличенные очками глаза азартно блестели.

– Капрал, хорошие новости! – возбуждённо выкрикнул он с порога. – Я заплутал и случайно забрёл в отсек хранения дроидов. Там никого не оказалось, но зато в магнитофоне нашлось вот что!

Павел извлёк из кармана кассету и победоносно поднял её над головой. Капрал, не успевший переключиться со своих невесёлых раздумий, растерянно улыбнулся в надежде на объяснения.

– Здесь больше сотни метров магнитной плёнки! Зачем, по-вашему, на звездолёте носитель информации такого размера? – Штурман красноречиво постучал себя кассетой по лбу.

– Резервная память экипажа! – просиял Zenit, подскочил к Павлу и принялся трясти ему руку. – После возвращения на Землю обязательно приставлю тебя к награде!

Долго убеждать экипаж не пришлось. Многие просто обмотали плёнку вокруг головы, как показал на собственном примере капрал. Пациенты убедились, что проще исполнять, чем спорить с упрямым, взявшим на себя командование «Нулевым парсеком».

Повар, само собой, наотрез отказался участвовать в восстановлении памяти с резервной копии. Ему было не до того – приступил к изготовлению антидотовых сухарей из припасённого в столовой хлеба. Биолог в процессе наматывания сжевал и проглотил часть плёнки. А Врач, употребив на ночь гремучую лекарственную смесь, впал в раж, исхитрился засосать плёнку в рот через нос и принялся тянуть её пальцами туда-сюда – то из ноздри, то из горла, приходя от процесса в неописуемый восторг.

Командор попытался воспротивиться, опасаясь, что шуршащая на волосах плёнка может привлечь саранчу. Бортинженер что-то тихо сказал ему, после чего Дипер поспешно обмотал свою гигантскую голову плёнкой и натянул на это всё шапочку. Сам же Юрич накрутил плёнку не только себе, но и Виталику.

– У всякого конца было начало, но не у всякого начала будет конец, – брякнул Командор, когда вся плёнка из кассеты переместилась на головы экипажа.

Все попытались вникнуть в смысл сказанного, но тут дроид Петя из холла объявил отбой, и в палате воцарилась темнота. Какое-то время пациенты переговаривались, пытаясь выяснить, у кого процесс восстановления памяти уже пошёл. Вскоре разговоры утихли. Было слышно лишь, как Дипер продувает свой радиоприёмник, а Врач тихо хихикает и причмокивает, продолжая перетягивать плёнку из носа в рот и обратно.

Запись № 15. Пока ничего нового в моей памяти не проявилось. Не буду торопить события – на перекачку гигантского объёма информации подручными средствами мозгу требуется время. Одно дело – выпить залпом литр воды, чтобы утолить жажду. Другое – высунуть язык под накапывающим дождём. Утро вечера мудренее. Надеюсь, в буквальном смысле.

Глава V. Бунт на корабле

Поутру перед глазами санитары Коли, заглянувшего в третью палату, предстала живописная картина. В углу отчаянно бился и корчился Дипер, намертво примотанный магнитной плёнкой к своей кровати. Спутанная плёнка также плавала в тазу с водой, в который Бакровский опустил свои гигантские ноги. А отдельные её полоски, привязанные к спинке кровати пациента Шлемофонцева, шуршали и колыхались от дуновения из приоткрытой форточки. Сам Сергей лежал с открытыми глазами, словно загипнотизированный зрелищем.

– Вы в курсе, что это такое? – Санитар Коля подцепил дубинкой мокрую плёнку из таза.

– Наша резервная память? – неуверенно предположил Штурман.

– Это новый альбом «Фристайла». Был. – Николай стряхнул плёнку обратно в воду и брезгливо обтёр дубинку о край одеяла Бакровского. – Вам всем за такое Галера уколы сульфозина вхерачит. Прямо в мозг!

– Уже нет смысла, память мы своими силами восстановили, – Павел вопросительно поглядел на хмурого капрала. – Вроде бы восстановили.

– По крайней мере, пытались, – сухо добавил Зенит.

– Плёнку убрать, пока Гертруда на работу не пришла! – распорядился Второй и покинул палату.

Рассудив, что ответственность за выемку кассеты лежит целиком на нём, Штурман принялся ползать по палате и собирать плёнку, попутно отвязав спелёнатого Командора.

– Так что – получилось у нас? – на всякий случай задал он вопрос капралу, хотя уже знал, что ответ его не порадует.

– Наверное, тогда бы отряд «Нулевой парсек» сейчас занимался своими прямыми обязанностями, – в непривычной для себя грубой манере ответил Зенит. – А не валялся бы на койках, заискивая перед дроидами.

Заметив обиду на лице товарища, капрал смягчил тон:

– Либо мы лишились памяти ещё до помещения в анабиоз, из-за какого-то инцидента. Тогда логично, что в блоки памяти записалась пустота. Либо же память на магнитной ленте была, но ИИ её умышленно стёр. Тогда ситуация хуже, чем ожидалось...

Рассуждения Зенита прервало недовольное рычание Повара:

– Как же вы меня со своей сраной памятью задолбали! – Он вскочил с кровати, выхватил ворох плёнки из рук Штурмана и принялся яростно его уминать в руках. – Таблетки надо кушать, которые вам прописали, а не снабжать ими торчка Серёгу!

Лыжников подошёл к Командору и протянул тому основательно примятую магнитную ленту.

– А мне зачем? – от ужаса у Дипера сорвался голос.

– У тебя на плечах вместительное мусорное ведро с удобной крышечкой, – с этими словами Андрей сорвал с Командора шапочку, сунул в неё плёнку и натянул шапочку обратно на огромную голову. – Бегом в толчок, Димон! Если не избавимся от этой дряни, медсестра нам припомнит.

Сгорбившись, недовольно бормоча и придерживая руками шапку, из-под которой норвила выпрыгнуть опасная ноша, Дипер проковылял на выход. Вернулся он очень быстро, склонившись в три погибели и сжимая шапочку в руке.

– Начал смывать, а ваша плёнка застряла! В туалете целый потоп! – пожаловался он и прошмыгнул на своё место.

– Командор он у вас, да? – злорадно глянул на капрала Лыжников. – Проиграл в схватке с ржавым унитазом!

– Не проиграл, а ничья! – возразил Командор и юркнул под одеяло.

Тут же в палату заглянул дроид № 3. Все приготовились к самому худшему.

– Вазенитов, на выход, – тихо позвал санитар.

– Сейчас толчок заставят отмывать, – услышал капрал шёпот за спиной, когда выходил из палаты. – Допрыгались, космонавты хреновы.

Санитар Шурик отвёл Зенита к окну, подальше от галдящего вокруг теннисного стола сборища. То, что он сообщил, оказалось для капрала неожиданностью. С ним пожелала встретиться пациентка из женского отделения, которое располагалось в другом крыле больницы.

– Рыженькую такую помнишь? К тебе в надзорную палату прорвалась как-то ночью, – Александр понизил голос и всё время озирался, боясь, что их кто-нибудь подслушает.

– Росара?

– Не, точно не Сара, – замотал головой Третий. – Оля или Люба, точно не помню.

– Не важно, на самом деле она Бестелесая, – Зенит тут же осёкся, посчитав, что делиться подобной информацией с дроидом не следовало.

– Бестелесая? Ты debil, что ли? Ты её вообще видел? – вознегодовал местный ценитель женской красоты.

– Только расплывчатые очертания.

– Оно и видно, – санитар ещё сильнее понизил голос. – Там такие очертания – о-го-го!

Он хлопнул Зенита по плечу, скабрёзно захихикал и доверительно сообщил:

– Я к ней сам подкатываю с самого начала, но бикса – очуметь, какая строптивая. Знает себе цену, коняга рыжая. – Александр облизнул пересохшие губы. – Я так рассудил, что мужичок ты малахольный. Посидите с ней, безобидно погугарите о своём ненормальном, да и разбежитесь. А у девки гормоны бурлят, природа требует, она чуть что – так и норовит остаться, в чём мать родила. Никуда она от меня не денется, родимая. Ну так что ей передать? Придётся или мандраж словил?

– На встречу с Бестелесой прибудет весь наш отряд, – безапелляционно объявил капрал.

– Ты офигел, что ли, Вован? – Санитар чуть не поперхнулся от возмущения. – Тебе такая баба честь оказала, а ты тут залупаешься. Думай, короче.

Грубо оттолкнув Зенита, дроид № 3 скрылся в коридоре. Капрал же принялся мерить шагами холл, поглядывая краем глаза на теннисные баталии, в которых, судя по всему, снова лидировал Р-Нат. Зенит ненадолго остановился у портрета Горбачёва на стене, пытаясь вспомнить – это известный космонавт или просто важный чинуша из ЦУПа.

Запись № 16. Почему Бестелесые сами не пошли на контакт, как при первой попытке? Почему через неодушевлённого посредника? Что за женское заведение, в котором они назначили мне переговоры? Монастырь? Бордель? Если они не могут больше попасть сюда, на звездолёт, значит, бортовой компьютер включил защитное поле. Точно! Потому и магнитная плёнка не пролезла в копропараллаксатор. Чтобы отсюда не произошло никакой утечки вовне, ИИ принял меры по защите секретной информации. Либо он оберегает нас от контакта извне. Но факт остаётся фактом – искусственный интеллект «Довженко-19» препятствует нашей встрече со сверхразумной расой. Остаётся вопрос – давала ли на это санкцию Земля?

Капрал поспешил обратно, чтобы поделиться своими соображениями с экипажем, но, едва переступив порог третьего отсека, он по устремлённым на него взорам сразу догадался, что обстановка в отряде поменялась.

Взгляды товарищей были холодны и суровы. Даже Штурман, на которого Зенит готов был ещё пару минут назад целиком положиться, виновато хлопал своими диоптрическими глазами. Да что там Штурман, Командор Дипер – и тот глядел с нескрываемым вызовом.

Повар, бесспорный зачинщик вотума недоверия, с ходу заявил, что все они более не желают слушать враньё капрала про космос, про отряд разведчиков «Нулевой парсек» и прочую галиматью.

– Ну чего ты всё время улыбаешься? – взбесило Лыжникова внешнее спокойствие Зенита. – Учти, Вовка, если будешь продолжать долбить нам по мозгам – Юрич завяжет тебе рот полотенцем. А я его предварительно намылю!

Бортинженер закивал в подтверждение слов Андрея и продолжил гладить картонного друга. Вернулся запыхавшийся после теннисного турнира Р-Нат.

– Раз уж все в сборе – предлагаю проголосовать, кто за меня, – предложил Зенит, надеясь разрушить внезапно возникшую зависимость коллег от депрессивных и деструктивных идей Повара.

– Голосуем, кто против космической ахинеи! – перехватил инициативу Лыжников и первым поднял руку вверх.

– Отдавайте свой голос с умом, думайте! – воззвал капрал к здравому смыслу коллег по отряду.

Биолог поднял руку и обосновал своё решение тем, что он противник любых полётов растений в космос. Их, мол, и так погублено несметное количество в орбитальных экспериментах, а место растений – на Земле. Бортинженер поднял руку и лапу Виталика – ему нельзя думать о том, что он разведчик, доктор заставляет забыть боевое прошлое. Иначе вернётся желание воевать, и его отсюда не выпустят уже никогда. Р-Нат поднял руку и заявил, что ему нельзя ни на чём летать, у него аэрофобия.

– А меня, Вован, просто больше не штырят рассказы про звездолёты, – честно сознался Врач и поднял обе руки. – Придумай что-нибудь новенькое. Про динозавров там или про фей.

Дипер, когда очередь дошла до него, спрятал голову под подушку. Но руку при этом поднял, как все.

– И ты, Командор, туда же! – с досадой отметил капрал и в сердцах сплюнул. – Бунтарь!

Неказистое тельце Дипера вздрогнуло и попыталось поверх подушки натянуть ещё и одеяло. Штурману решение далось тяжело, он сильно переживал, поднимая трясущуюся руку:

– Я бы вам поверил, капрал, – от волнения Павел даже перешёл на «вы», – но память ни с дискетки не вернулась, ни с кассеты. Каждая стена, койка, всё здесь напоминает больницу, но никак не звездолёт. И абсолютно все вокруг утверждают обратное вашим теориям.

– А если все вокруг примутся улетать дерьмо? – холодно парировал Зенит.

– Посидим тут – и не до такого дойдём! – отозвался Повар, вызвав гомерический смех Врача.

Штурман опустил глаза и уселся на свою кровать. Капрал лёг, закинув руки за голову, и уставился в потолок. Коллеги, пожелавшие вместо космонавтов остаться психами, занялись своими привычными делами. Привычными для дегенератов, а вовсе не для авангарда звёздной разведки.

Павел посидел какое-то время, вперив свои слабовидящие глаза в пол, затем принялся кружить вокруг Зенита с виноватым видом. Он что-то тараторил в попытках отвлечь и утешить бывшего соратника по экипажу, но капрал не обращал на него никакого внимания.

Запись № 17. Итак, бунт на корабле. Надо всё обмозговать. Главное – не пороть горячку и не обострять прямой конфликт с экипажем. Запрут в каюте или высадят на какой-нибудь отсталой планете. И тогда конец всему. Можно ли привлечь единомышленников на свою сторону? Голосование показало, что в данной ситуации это практически нереально. Нужно избрать кандидата в союзники и отыскать подход к нему.

Штурман? Слишком зависит от мнения большинства. Биолог? Для завоевания его доверия придётся доказать, что я кактус или гладиолус. Бортинженер? Избегает любого конфликта, терамский зверёныш окончательно размягчил его железное сердце. Командор? Нет

уж, увольте. Лучшие в одиночку. Повар? Вероятность почти ноль процентов. Врач? Р-Нат? Парни себе на уме, проблемы окружающих волнуют их меньше всего.

Выходит, что я остался без соратников в самое трудное время. Против меня и люди, и машины. Это явно не случайность, а чей-то злой умысел. Белая Мурена что-то затевает, и я, капрал звёздной разведки с маленькой планеты Земля, встал Мурене поперёк её зубастой пасти. Но пасть неумолимо сжимается, и одних лишь моих силёнок явно не хватает. Бестелесые с их развитыми технологиями могли бы помочь, но они за пределами защитного поля нашего корабля. Да и где они? В космосе бесконечно не только расстояние, но и количество возможных направлений из текущей точки. Как искать злополучный бордель, в котором они назначили встречу? Почему мне не сообщили его координаты?

Внезапно капрал словно рухнул в бездонную пропасть. В его руках оказалась карточная колода, в которой каждая карта – это огромный пласт грандиозного понимания, которое может открыться дремучему сознанию, но с условием, что из этих карт удастся соорудить карточный домик. При этом со всех сторон налетают порывы ветра, стол сотрясается от подземных толчков, и кто-то постоянно бьёт по рукам.

От ощущения полнейшего бессилия и ускользающей возможности прикоснуться к безграничному знанию Зенит дико взвыл, и его сотряс сильнейший эпилептический приступ. Он вцепился руками в перила кровати, его тело начало скручивать и выворачивать до хруста суставов. Мышцы стягивало стальной проволокой, выгибая хребет до критичной амплитуды, затем наступало внезапное расслабление, и тело обрушивалось обратно на матрас. Так повторялось многократно, и казалось, что конец этим мучениям никогда не наступит.

Придя в себя, капрал обнаружил, что в палате никого нет. Шатаясь, он вышел в холл, но и там было безлюдно. Пустовал даже теннисный стол. Шум доносился из столовой – завтрак был в самом разгаре.

Возле двери в кабинет главврача Зенит бросил взгляд на табличку: «Арфеев В.К.». Дверь поддалась, внутри кабинета никого не оказалось. На плохо повинующихся ватных ногах капрал так быстро, как только мог, проковылял к компьютеру на столе и уже привычным движением извлёк из него ещё одну дискету. Взгляд его упал на экран монитора – там гасли и загорались точки звёзд.

На этот раз мне достался не блок памяти. Намного лучше – навигационная карта космических окрестностей. Редкая удача! Словно сами Бестелесые надумали меня заглянуть во внутренности «Орфея».

Зенит сунул дискету в карман пижамы и поспешно покинул кабинет. В холле уже раздавался стук теннисного шарика по столу – Р-Нат кого-то привычно обыгрывал.

В помещении столовой шестёрка членов экипажа восседала за одним столом. Даже Командор был среди всех. Он затравленно глядел на потолок, вывернув свою огромную голову – не прыгнет ли на него сверху энцефалитный клещ.

Получив от медсестры положенные лекарства, капрал взял с раздачи тарелку с пшённой кашей и приблизился к своим. Но никто и не подумал подвинуться, чтобы Зенит смог втиснуть ещё один стул. Ему пришлось присесть за соседний стол.

У Повара снова была позитивная фаза, он оживлённо описывал нюансы высокой кухни, то и дело бросая гордые взгляды на безразличную к происходящему Галеру и молодцевато приглаживая усы, словно гусар на балу.

Кaprал размазал по хлебу микроскопический кубик масла, лежавший на краю тарелки, и задумчиво принялся возить ложкой по каше. От его внимания не ускользнуло, что на общем столе появился чайник с новым инвентарным номером. Тут он заметил, как из-за стола санита-

ров поднялся Первый, который по обыкновению разделался раньше других не только с основной порцией, но и с добавкой. За столом в одиночестве остался санитар № 3, который, в отличие от вечно голодного коллеги, неспешно пережёвывал пищу и косился на декольте медсестры.

Запись № 18. Почему о встрече с Бестелесыми со мною договаривался Третий дроид? Значит, они смогли установить над ним контроль. Надолго ли? Рано или поздно ИИ обнаружит взлом системы извне и отключит Шурика. Медлить нельзя. Мне нужен союзник? Вот он, сам того не желая. Бестелесые, спасибо, что позаботились. А я-то, дубина, не сразу догадался! Но встретиться с Бестелесыми мало. Дроид – союзник временный. Без «Нулевого парсека» в полном составе Мурену не одолеть. Парням нужно любым способом напомнить, кто они и зачем они живут помимо удовлетворения естественных потребностей. Если в деле возвращения памяти подвела земная техника, то, быть может, справятся Бестелесые. Необходимо добиться встречи с ними для всего нашего экипажа. Особенно для его слабого звена – повара Лыжникова.

Подхватив тарелку, капрал пересел за стол к санитару Шурику, не обращая внимания на неодобрительные взгляды своих перешёптывающихся коллег по «Нулевому парсеку».

– Предложение ещё в силе? – с ходу задал вопрос Зенит.

– Тише ты! – Александр принялся испуганно озираться. – Если ты про рыжую, то могу с нею на сегодняшнюю ночь договориться.

– Мои условия неизменны – в бордель отправляется весь наш экипаж.

Санитар скорчил болезненную гримасу:

– «Бордель», ну ты скажешь тоже! Далеко не все наши придурковатые тётки готовы принимать гостей. – Третий пригнулся к столу и понизил голос ещё сильнее. – Ты хоть представляешь, чего мне будет стоить запихать в женское отделение восьмерых психов и обеспечить порядок?

– Обеспечение порядка я беру на себя.

Александр издал нервный хохоток. Сидящая неподалёку медсестра Лерова подозрительно покосилась в их сторону.

– Мне нужны координаты борделя, – капрал тоже говорил тихо, прекрасно осознавая чувствительность акустических датчиков кибераптечки и прочей шныряющей неподалёку техники.

– Ты ж у нас вроде бы не Паханов, блуждать в четырёх стенах не должен.

– В четырёх измерениях, ты хотел сказать, – поправил дроида Зенит.

– «Координаты» знает Лыжников, он «бордель» посещал неоднократно с моей санкции, – опытный санитар № 3 уже давно понял, что пациентам проще подыгрывать в мелочах, дабы быстрее разрешить проблему в целом.

– У меня возникли проблемы с взаимопониманием в экипаже. Они поставили под вопрос мой авторитет командира.

– Это кем ты там замахнулся командовать? – Александр в недоумении уставился на собеседника. – Понятно, что на аутиста Дипера или тихоню Русланчика можно просто прикрикнуть, чтобы их запугать. Но как ты собрался задавить авторитет Варова? Он же через горячие точки прошёл!

– С ним проблем как раз нет. А вот Лыжников не поддаётся и мутит воду, – капрал повернул голову и заметил, что объект обсуждения показывает в его сторону пальцем и что-то недовольно объясняет остальным. – Скорее всего, ему потребуется официальное подтверждение нашего вояжа в межпланетный бордель. Сделаешь?

Санитар Шурик помрачнел. Рискованная афера грозила ему серьёзными последствиями. Он легко мог утихомирить разбушевавшегося душевнобольного, но совладать с собственными инстинктами оказался не в силах. Мысли о рыжеволосой бестии не давали ему заснуть, у него пропал аппетит. Околдовавшая его своими чарами загадочная пациентка была и раскованна,

и неприступна одновременно. И для сближения с нею имелся всего один небольшой шанс – сидящий напротив бородатый эпилептик с явно прогрессирующей шизофренией.

– Ладно, – Александр тяжело вздохнул. – Только никому тут не болтайте про это больше! И сами без женского тепла останетесь, и меня под выговор подведёте.

– Это и в моих интересах. Бортовой компьютер пронюхает – пиши пропало. – Зенит красноречиво провёл пальцами себе по горлу. – И ещё намекни Лыжникову, что мои приказы не обсуждаются. Как минимум на время выдвижения до цели.

Лицо санитаря снова исказила гримаса боли. Приказной тон пациента раздражал и бил по самолюбию. Александр совершил над собой усилие, чтобы не вспылить.

– Угу, намекну ему, – пробурчал он и поймал собравшегося вставать капрала за рукав пижамы. – Только гляди – не переборщи!

Для убедительности санитар погрозил Зениту пальцем, едва не касаясь его бородатого лица.

– О, капитан Немо! – встретил капрала по возвращении в палату возглас Повара.

– Вольно, кок, – спокойноотреагировал Зенит и указал большим пальцем на выход. – Там дроид номер три нуждается в твоём внимании.

– Не дроид, а санитар! – зло прошипел Лыжников. – Сдал, капрал?

Андрей спрыгнул с кровати и врезал ладонью по стене, заставив Штурмана подпрыгнуть от неожиданности. Как только Повар вышел, капрал уселся на кровать и доброжелательно улыбнулся. На него уставились шесть пар пытливых глаз. В третьем отсеке повисло напряжённое молчание.

Запись № 19. Теперь или пан, или пропал. Если мой главный антагонист Повар клюнет на приманку для своих низменных инстинктов, пришедших на смену утраченному после анабиоза интеллекту, он временно станет моим союзником. Если же нет – я заполучу семерых злейших врагов. Противостоять им я не смогу. Да, я подготовлен лучше, чем кто-либо на Земле. Исключая этих семерых, которые мне ни в чём не уступают. Тогда останется опустить руки и просто наблюдать, как «Нулевой парсек», единственная надежда Земли, деградирует и дальше, озабочиваясь лишь едой, сном и пустой болтовнёй. В то время как Белая Мурена засасывает достижения цивилизаций в свою Бездну.

Глава VI. Ухабы галактики

В палату Повар вернулся совершенно другим человеком. На глазах изумлённых соседей он затанцевал по проходу между кроватями от выхода до стены и обратно, довольно что-то напевая себе под нос. Первым терпение лопнуло у врача Шлемофонцева:

– Не мучай – излагай! Какой-то новый укольчик выпросил?

Лыжников встал, подпирая стену и тяжело дыша, скрестил руки на груди, расплылся в улыбке и закатил глаза.

– Только представьте: будуар с ниспадающими шёлковыми занавесками, повсюду расставлены мягкие диванчики и кресла, огромные кровати с атласными простынями, горят свечи. – Андрей оглядел разинувших рты слушателей, убедившись в должном впечатлении от сказанного. – И в каждом мягком закутке этого райского уголка примостились нежнейшие создания женского пола, потомки Евы, изнывающие по греху. Их талии стянуты корсетами, грудь выпирает и вздымается от желания, они так долго не видели мужчин, что переполнены сладострастием...

– Э, завязывай, мы с Виталиком аж пропотели! – оборвал рассказчика Юрич. – Рисовать тебе голых баб всё равно не стану.

– Не надо их рисовать! Их надо пользоваться! – Повар снова затанцевал по проходу. – Сегодняшней ночью вакханки к нашим услугам. Невинные и не очень, красивые и безобразные, в меру нормальные и совершенно безумные, но все стопроцентные женщины, дамы, гражданки. Кто пойдёт, кстати?

– Ну не ври, Андрюха! – истерично воскликнул Штурман.

Голосующая рука его непроизвольно вытянулась вверх, но он тут же смутился и поспешно опустил её.

– В женское отделение я не пойду. Нельзя. – Р-Нат потупил стыдливый взгляд.

Повар подсел к нему на кровать и приобнял за плечо:

– Идут все, даже Дипер. – Лыжников показал пальцем на Командора, который тут же натянул на глаза шапочку. – Ты же не хочешь, чтобы тебя считали ценителем мужских отделений?

Р-Нат отрицательно помотал головой:

– Нет – тебя! – он сбросил руку Андрея со своего плеча.

– На бабе прыгать – это почти как летать, – сострил Бортинженер. – А Русланчика от полётов укачивает.

По палате прокатился хохот. Повар снова возбуждённо заходил между кроватями. Р-Нат, неожиданно оказавшись в центре внимания, помрачнел.

– Но ведь нельзя же! – пытался он объяснить почти сквозь слёзы.

– Сегодня можно. – Лыжников поднял вверх указательный палец, заставив всех разом смолкнуть. – Наша оргия санкционирована лично Шуриком. Уж не знаю, что наш капрал наплёл ему, но Третий только что сам мне это подтвердил! Но кроме нашей палаты – чтобы никому ни звука!

Андрей поднёс к губам всё ещё вытянутый палец, после чего подошёл к довольно улыбающемуся Зениту и хлопнул того по плечу:

– Каков проныра, а? Кто бы мог подумать!

– А бухнуть там будет чего? – разнузданное воображение Шлемофонцева требовало большего.

– Виски, ром, коньяк, шампанское, – не моргнув глазом ответил Повар. – Всё, что только душе угодно.

– Гонево, но я иду. – Врач поднял руку. – Безухен де шлюхен!

– Идут все, – безапелляционно заявил Андрей. – Слышь, Бакровский, готовь свой пестик – тычинки ждут!

Он легонько пнул торчащую в проходе ступню двухметрового соседа.

– Не упрощай, Лыжников, – скривился Биолог. – Процесс скрещивания растений гораздо сложнее, чем случка у вас, животных.

– Всегда есть нюанс! – громко завопил Командор.

– А вот тут Дипер прав, – Повар многозначительно закивал. – Нюанс неизбежен.

Капрал понял, что пора присоединиться к обсуждению, и легонько кашлянул:

– Командор всегда прав. Бордель межпланетный: тычинки, хоботки и лапки у его престлестниц во всём их многообразии.

– Фу-у! Чё-то идти сразу расхотелось. – Шлемофонцев соорил кислую физиономию. – Ахтунг!

– Воистину ахтунг! – подскочил к нему Лыжников. – Примешь одну из своих пилюль, и тебя начнут возбуждать даже какие-нибудь...

– Саблезубые медузы с Красного Алтая, – подсказал Зенит.

– Вот-вот!

– А нюанс-то в чём? – От внимания Юрича не ускользнул подвох в многообещающих речах Повара. – Поход к бабам не бесплатный?

– Что-то в этом роде, – кивнул Андрей, многозначительно поглядев в сторону Зенита. – Короче, мужики, нам до самого вечера придётся не мешать капралу бороздить просторы Вселенной на звездолёте. Причём не просто не мешать, а всячески содействовать его нелёгкой космической миссии.

В третьем отсеке бороздящего Вселенную звездолёта повисла тишина. Обитатели отсека недоумённо переглядывались и бросали пытливые взгляды то на Повара, то на капрала.

– Да ладно, – приободрил Лыжников соседей по палате. – Ради секса с достойной тётей я готов поверить во что угодно.

Он встал в проходе, взялся за спинки противоположных кроватей и принялся яростно их трясти.

– Мы скачем по космическим ямам и ухабам, прорываемся сквозь метеоритный поток! Выдержит ли титановая обшивка?

– Титановая не выдержит, – отметил Зенит. – А вот феррудиевая – запросто. Не говоря уж о том, что бортовой ИИ активировал силовое поле.

– И вот мы парим в невесомости!

С этими словами Лыжников принялся размахивать ногами, уперев руки в спинки кроватей, словно на спортивных брусках.

– Не надо, меня стошнит! – Смуглое лицо Р-Ната приобрело зеленоватый оттенок.

– Крепись, салага. Через пару лет кувырканий по орбитам привыкнешь и не к такому. – Повар поднял ноги на «уголок» и замер в этом положении, побагровев от натуги.

– Да ты гимнаст, Андрюха, – усмехнулся Бортинженер. – Тебе не на взлётке – на арене цирка выступать.

Лыжников прыгнул на пол.

– Не, Юрич, сегодня я астронавт, – с непривычки он тяжело дышал. – Орбитальный, мать его, кашевар.

Капрал встал и оглядел членов экипажа, довольно потирая руки:

– Другое дело, коллеги! Значит, недопонимание разрешилось?

Все неуверенно закивали.

– Тогда к делу! – Зенит вышел на середину палаты. – Штурман, ко мне!

Павел вопросительно глянул на Лыжникова, который ему едва заметно кивнул, и обречённо приблизился к капралу. Тот извлёк из кармана пижамы дискету и протянул Штурману.

– Ух ты! – В голосе Павла смешались радость и сомнения. – Очередная порция памяти?
– Никак нет. Это навигационная карта бортового компьютера, – пояснил Зенит. – Сюда надо заложить координаты орбитального борделя. Там нас ожидает представитель расы Бестелесых, чтобы сообщить важнейшую информацию по Белой Мурене.

– Бордель с бестелесыми – это нонсенс, – отреагировал Повар.

– Такой бордель нам не нужен, – Юрич потрепал коробку за картонное ухо. – Верно, Виталик?

– Контактёр Бестелесых там всего один. – Примитивные интересы коллег раздражали капрала, но он старался не подавать виду, чтобы не разрушить хрупкий мостик доверия. – Бестелесые временно используют тело одной из находящихся там женщин, чтобы вступить с нами в контакт и передать информацию.

– Вступить в контакт – это дело. – Лыжников подмигнул совершенно растерявшемуся Штурману.

– Будьте аккуратнее. Самое важное – это информация, – продолжал наставления Зенит. – Кому захочется удовлетворить физиологические потребности – валяйте, но учтите, что бордель этот – межпланетный. И там можно встретить кого угодно, а близкий контакт может иметь самые непредсказуемые последствия.

По экипажу прокатилось оживление – к предупреждениям капрала подключилась богатая фантазия пациентов.

– Про такое даже слушать ужасно, – упавшим голосом посетовал Р-Наг.

Бортинженер же, наоборот, обрадовался.

– Зашибись! – Он приподнял и потряс свою чёрную коробку. – Может, и Виталику там подыщут подходящую сучку.

– Щучку-щучку, – вторил ему эхом Командор из своего угла.

Штурман повертел дискетку в руках и вопросительно поглядел на Зенита:

– И каковы же координаты этого вашего межпланетного публичного дома?

– Их знает Повар, он там бывал. Легендарный бордель на орбите планеты Суулуу в созвездии Клацающего Гребешка.

Взгляды экипажа застыли на Лыжникове в ожидании координат заветного заведения.

– Кто? Я? – растерянно переспросил он и тут же спохватился: – А, было дело, заглядывал туда как-то раз, одним глазком.

– Клацнул гребешком, – ухмыльнулся Юрич.

Андрей тоже хохотнул, разглаживая усы.

– Сообщи координаты Штурману, – капралу приходилось всех подгонять.

– Да какие там координаты, – устало отозвался Повар. – Отсюда налево, шагов двадцать по коридору, потом направо до конца – там дверь в бабское отделение. В смысле в бордель с инопланетянками.

– Шаги – это парсеки, полупарсеки, четвертьпарсеки? Что значит – налево или направо? В космосе корабль можно повернуть вокруг своей оси как угодно. Назовите точные координаты, без вашего примитивного сленга!

Потеряв всяческое терпение, Зенит перешёл на «вы». Не выдержал понуканий и Лыжников.

– Мне что – до вечера такое терпеть? – раздражённо воскликнул он. – Да я лучше подрочу.

Андрей бухнулся на койку и устался в потолок. Но тут же сменил тон:

– 525 градусов космической долготы, 305 градусов космической широты. Сойдёт?

– Так-то лучше, – капрал улыбнулся. – И нечётные числа – добрый знак. Что берём за точку относительности – Солнечную систему или другую?

– Солнечную, – безэмоционально отчеканил Повар, собрав в кулак всю свою выдержку.

– Штурман, внеси координаты в навигационный блок, – переключился Зенит на новую жертву.

Павел замялся, вертя дискету в руках. Повар подскочил, выхватил треклятый кусок пластика у него из рук, отвернулся от всех, поколдовал над дискеткой, развернулся и картинно отдал честь свободной рукой:

– Координаты внесены, товарищ капрал!

– Ты у нас точно судовой кок? – хитро улыбнулся Зенит. – Теперь надо загрузить новый маршрут в бортовой компьютер.

– Вставить эту штуковину в Веню? – Андрей хохотнул. – Думаю, он будет сопротивляться.

– Ещё бы, – согласился капрал. – Он пока, увы, сам вставляет нам палки в колёса.

– И колёса в палки! – Шлемофонцев раскатисто захохотал от собственной шутки.

– И копалки! – отозвалось из угла Командора.

Повар подошёл к Штурману, сунул ему дискету в карман пижамы, легонько постучал сверху и придал лицу трагичное выражение:

– А здесь тебе, братец, придётся самому. Призови на помощь всю удачу, которая тебе положена судьбой.

– А почему Веню нельзя просто выключить? – В голосе Павла наметились нотки отчаяния. – Он же обычный компьютер!

– Не обычный, а суперкомпьютер, – напомнил Зенит. – Контролирующий дроидов и следящий за каждым уголком корабля.

– Нам будет тебя не хватать, Паштет. – Лыжников взял перепуганного Штурмана за руку и крепко пожал её.

Командор снял шапочку, тревожно хлопая глазами, но тут же поспешно водрузил её на место. Павел достал дискету из кармана и взял её двумя вытянутыми руками, словно та могла взорваться. Ноги его отказывались шагать на выход.

– Этот трассер и сам потеряется, и маршрут просохатит, и в дыню от дроидов выхватит. – Юрич бережно уложил своего картонного крокодила на подушку, подскочил к Штурману с грацией ягуара и выхватил у того навигационную дискету из оцепеневших пальцев. – Беру эту задачу на себя.

– У Вени есть терминал с экраном, под ним – щель для этой штуковины, – пояснил капрал.

– Разберусь, разведка как-никак. – Бортинженер выпрыгнул в холл, словно хищник джунглей, слышавший в зарослях хруст ветки под копытом зазевавшейся жертвы.

Не прошло и пяти минут, как «джунгли» разорвал звон пожарной сигнализации. По холлу и коридорам забегали санитары. Помимо яростного звона в третью палату доносились крики и вопли «Пожар!». Р-Нат зажал руками уши и опустил голову на колени.

– Не всё только вам древесину жечь, животные, – злорадствовал Биолог. – Сами сейчас на своей шкуре поймёте – каково это!

– Ты первым пойдёшь на растопку, бревно двухметровое! – тоже чему-то радовался врач Шлемофонцев.

Командор Дипер нырнул на пол и закатился под кровать.

– Незаземлённый громоотвод – причина возгорания! – выкрикнул он оттуда.

– Какие будут указания, капрал? – Лыжников выглянул в холл и обернулся. – Эвакуируемся со звездолёта или героически покидаем его последними?

Зенит не ответил, он стоял, скрестив руки на груди, и глядел на выход из отсека, ничем не выдавая беспокойства.

Едва не сбив с ног торчащего в проёме Повара, вбежал Бортинженер. Лицо его светилось от счастья. Почти тут же стихла сигнализация.

– Твоя работа? – капрал довольно глядел на Юрича, уже успевшего сграбастать своего картонного питомца.

– Угу. Пока Веня с санитарями носился, как угорелый, я ему в кабинете навигацию засадил. Она плохо входила – так я её легонько прихлопнул. Со скрипом и хрустом вошла заподлицо.

Лицо Штурмана исказила гримаса боли из сочувствия к дорогостоящей хрупкой технике.

– Теперь остаётся лишь ждать, когда автопилот корабля добросит нас до Суулуунского орбитального борделя, – после этих слов Зенита по отсеку прокатился вздох облегчения.

Повар в изнеможении опустился на кровать.

– Значит, пока отдыхаем? – с надеждой в голосе спросил он.

– Ни в коем случае. Дел у нас невпроворот.

Лыжников поморщился, закусив губу, но тут же взял себя в руки и вытянулся по струнке:

– Экипаж «Нулевого полупарсека» в вашем полном распоряжении! – отчеканил он.

– Прежде всего нам следует упорядочить субординацию и идентификацию, – заявил капрал.

– Это – раз плюнуть. – Повар в своём стремлении угодить немного переигрывал, но Зенит не обращал внимания.

– А не то у нас полный разброд после анабиоза: полупарсеки, Русланчики какие-то, Андрюхи, санитары и прочая белиберда. Дисциплина на корабле – залог успеха всей миссии.

– И чистота в казарме, – добавил Бортинженер, выгуливающий Виталика в проходе.

Он отвесил пинка валяющемуся на полу Диперу. Тот от неожиданности хрюкнул и перебрался на кровать.

– Чтобы все привыкли к своим настоящим именам и должностям – к униформе прикрепим опознавательные таблички. С настоящими, подчёркиваю, именами.

Капрал взял с тумбочки Бортинженера листы бумаги, нарвал их на квадраты и каждый перегнул пополам. Один из них он вставил себе в нагрудный карман пижамы.

– Вот тут будут написаны имена и должности, пока вы перестанете путаться. – Зенит постучал пальцем по ещё пока пустой бумажке.

– О, я сейчас себе напишу! – Штурман схватил бумажку с фломастером и выскочил из палаты прежде, чем капрал успел его остановить.

– Бортинженер, писать будешь ты, – распорядился Зенит. – Печатными буквами.

Тот взял в руки одну из бумажек и фломастер.

– Пиши – «Эндрю Лыжников», – продиктовал капрал. – В скобках – «повар Нулевого парсека».

– Эндрю? – удивлённо переспросил Повар. – Это про меня?

– Так точно, – заверил его Зенит.

Бортинженер безуспешно попытался отобразить услышанное на листке и с суровым видом повернулся к Врачу:

– Ты, падла, опять мои фломастеры вынюхал?

Шлемофонцев опустил глаза и замер. На его счастье, нашёлся фломастер, который писал хорошо.

– «Нулевой парсек» – слишком длинно, не влезет на бумажку, – предупредил Юрич.

– Пиши тогда сокращённо: ноль и «П», – нашёлся капрал.

Закончив первую бирку, Бортинженер передал её Повару, который тут же нацепил бумажку на пижаму на зависть обступившим его коллегам.

– Я тоже хочу! – тянул руку вверх Р-Нат, словно прилежный ученик на уроке.

– Тебе не надо – у тебя и так имя на униформе, – огорчил его Зенит.

– Но должности же нет!

– Должность тебе пока не назначили, ты новобранец.

Врач расхохотался:

– Безухен де шуле!

– С-с-с! – обиженно зашипел на него Р-Нат. – Сам ты безухий!

– Следующий – «Серджио Шлемофонцев (врач ОП)», – повысил голос капрал, давая понять, что времени на препирательства нет.

– Серджио! – Бортинженер прыснул от смеха, оформил бирку и передал её Врачу.

Тот подвесил бумажку к карману, изобразил руками выворачивание рукоятки акселератора на мотоциклетном руле и принялся имитировать звук мотора: «Джиу! Джиу!». Звук так понравился Командору, что «мотоциклы» заработали в унисон. Зениту пришлось швырнуть подушки, чтобы заткнуть обоих.

– «Бак Ровский», – продиктовал он, добившись тишины. – Это не одна фамилия, как вы ошибочно считали. Бак – имя, Ровский – фамилия. «Биолог ОП».

– Держи, бачок. – Бортинженер протянул бумажку Биологу.

– Спасибо, что написал зелёным. – Тот поднёс её ближе к окну и прищурился. – Мой любимый цвет.

– Вообще-то это синий, – возразил Юрич.

– Ты путаешь. Синий я бы сразу узнал. Терпеть его не могу.

Бортинженер лишь пожал плечами. Дальтонизм Бака Ровского ни для кого не являлся секретом. Он вообще с трудом различал предметы.

– Далее – «Дипер (командор ОП)», – продолжил назначения Зенит.

– Просто Дипер, без имени? – уточнил Бортинженер.

– У него это и имя, и фамилия. У тебя, кстати, тоже. Пиши: «О'Юрич (бортинженер ОП)».

Между «О» и «Ю» значок апострофа.

– О, Юрич! – томно протянул Повар. – Тебе так сегодня фемины будут восклицать. Если не оплошаешь с перловки.

– Ты о себе побеспокойся, – ухмыльнулся Бортинженер. – Мыла заточи.

– Так, кто у нас остался? – огляделся капрал, когда на его кармане тоже примостилась бирка с надписью: «Володий А. Зенит (капрал ОП)».

Словно в ответ на его вопрос в проходе возник сияющий Штурман. Р-Нат вслух по слогам прочитал надпись на его бирке: «леваП вонахаП». По отсеку прокатился хохот. Не поняв, в чём причина осмеяния, Штурман вывернул шею, чтобы прочитать, что у него написано на бумажке поверх кармана. И тут же принялся хихикать за компанию:

– Вышел из борделя с интегралом Дюамеля! Это ж я в туалете перед зеркалом писал, чтобы ровнее было.

– Иди переписывай, остолоп. – Хохочущий Эндрю утёр слезу.

– Ничего не надо переписывать, – остановил Зенит развернувшегося на выход очкарика. – Тебя именно так и звали. Штурман лицезрел свою нашивку в отражении барокамеры анабиоза. Вот и решил ошибочно, что он «Паханов Павел». Вбил в себе в голову. О'Юрич, допиши штурману Вонахапу его должность и подразделение.

Бортинженер взял фломастер, вывел на бумажке Штурмана требуемое и хлопнул того по плечу:

– Левап, блин!

Какое-то время члены экипажа ходили друг перед другом, читали, кто есть кто, и запоминали.

– Только вот «ноль-пэ» всё равно читается, как «ОП», – посетовал Лыжников. – «Отряд придурков» или «общество паралитиков». Засмеют нас шахтёры да туристы в столовой.

– Можно нуль разделить наискосок, как в компьютерах, – предложил Левап.

– Нуль не разделить! – выкрикнул Дипер.

Все оглянулись на голос, заставив Командора зарыться под одеяло. Пациенты третьей палаты привыкли, что из его уст обычно звучит полная околесица. Но только что прозвучавшая фраза Дипера внезапно тронула команду «Нулевого парсека» до глубины души.

Капрал одобрил идею Штурмана, и О'Юрич перечеркнул всем нули на бирках косыми линиями.

На этот раз в столовой экипаж уместился за одним столом ввосьмером, промаршировав к нему, чеканя шаг и гордо вздёрнув подбородки. Отвар из капустных листьев (по меню – «щи любительские») и жареную капусту с редкими вкраплениями кусочков сала (по меню – «бигус особый») поглощали жадно, но с достоинством. Кто-то, гордясь отмеченным на бирке особым статусом, не обращал внимания на паршивый вкус больничных помоев. Повар проталкивал в себя безвкусное варево, чтобы накопить сил к ночной вылазке. Он не упустил случая прокомментировать, что из варёных и жареных капустных листьев мог бы ещё сварганить пару десертов и коктейль-дигестив для усвоения всей этой «пожухлой байды».

Покончив с капустным ассорти, звёздные разведчики организованно встали и сдали посуду в окно пищеблока, откуда тут же высунулась раскрасневшаяся морда кухонного работника, удивлённо уставившегося вслед пациентам со странными бирками. С открытыми ртами на них взирали и все остальные присутствующие на обеде.

В палате Командор впервые не прошмыгнул в свой угол, а вместо этого перестал горбиться, выпятил грудь колесом и важно прошёлся в проходе между кроватями. После этого, что вообще удивительно, Дипер отправился бродить в холл. Хотя раньше покидал пределы своей палаты только, чтобы наспех поесть или метнуться перебежками до туалета. Вернулся Командор всё с тем же налётом высокомерия во взгляде. Он бережно поправил свою бирку, которую, судя по всему, в холле умудрились потрогать любопытные.

– У каждого великого деяния есть фамилия и звание! – произнёс Дипер со значением и важно прошагал в свой угол.

Зажужжала электробритва, включенная Поваром. Он аккуратно огибал ею свои белёдые усы, незаменимый атрибут в деле охмурения слабого пола.

В третий отсек начали заглядывать пациенты из остальных палат. Слухи о «Нулевом парсеке» распространились по больнице в считанные минуты. От желающих вступить в элитный отряд не было отбоя. Принявшего послеобеденную россыпь таблеток Серджио так и подмывало рассказать зевакам про намечающийся визит к женщинам. Его воспалённое воображение нарисовало, какой сразу начнётся ажиотаж. Он сдавленно смеялся и вгрызался себе в кулак, чтобы не проболтаться.

– «Нулевой парсек» не резиновый! – неожиданно убедительно заявил Командор, когда напиральная толпа из холла заполнила палату на треть.

Повар выключил бритву и принялся выталкивать незваных гостей:

– Граждане шахтёры, туристы и прочие простолюдины, идите и занимайтесь своими рутинными гражданскими обязанностями. А нам надо вселенную спасать.

Запись № 20. Наконец-то повар Лыжников прекратил конфронтацию. Наши отряд постепенно возвращается в привычное русло своих обязанностей. Вынужден признать, что резкая перемена в поведении Эндрю меня настораживает. Что, если он заметил, как я взял

его в разработку? Что, если он подыгрывает и прикидывается, дабы усыпить мою бдительность?

– Как-то слишком рано стемнело, – недовольно проворчал Биолог. – Я даже не успел толком хлорофилл накопить.

Капрал подошёл к окну. Снаружи сгущались тучи.

– Это мы сквозь Туманность Авгия пролетаем, – пояснил он. – Может изрядно поболтать.

Р-Нат с трудом сдержал рвотный позыв. Сверкнула молния, и почти тут же погас свет, погрузив больницу в темноту. Послышались далёкие раскаты грома.

– Час от часу не легче, – раздался в темноте мрачный голос капрала. – Неподалёку сверхновая взорвалась.

– Электромагнитный импульс выжиг электронику корабля, – предположил Штурман. – То есть бортовой ИИ нам теперь не страшен?

– У бортового компьютера и дроидов автономные источники питания, – возразил Зенит. – Курдилиевые, рассчитанные на 200 земных лет.

В холле заплясали лучи фонариков и забегали санитары.

– Точно – вон как шуршат! – весело заметил бесстрашный Бортинженер.

– А вот блок навигации, увы, питается от общей энергосистемы, – не разделял его веселья капрал. – Двигатели корабля, конечно, работают, но управление потеряно. Нас, скорее всего, затягивает в воронку от взрыва сверхновой.

– То бишь нам кранты? – В голосе Лыжникова тоже не было ни малейшего намёка на панику.

– С вероятностью 98 процентов.

– Кошмар! – воскликнул Р-Нат. – Что же делать?

– Сухари сушить. – Эндрю захрустел сухариком в темноте.

– Намылит? – поинтересовался О'Юрич?

– Не, хозяйственное мыло плохо на потенцию влияет, – отозвался Повар. – Серёг... Серджио не даст соврать. А мне она сегодня пригодится.

– А ты уверен, что мы в клешни инопланетяночек попадём раньше, чем в эпицентр взрыва сверхновой? – Левап находился на грани истерики.

– Без паники! – отрезал Зенит. – Даже если предстоит погибнуть, отряд «Нулевой парсек» встретит смерть с достоинством.

Дипер взвизгнул. Судя по последовавшему за этим звуком, кто-то швырнул в него подушкой.

– Отдаваться в руки судьбы не вижу смысла, – хладнокровно продолжал капрал. – О'Юрич, займись восстановлением энергопитания. Привлеки ремонтных дроидов, если нужно.

– Они же нам не подчиняются – только Вене, – напомнил Лыжников.

– Восстановление силового блока – в наших с Веней общих интересах, – заверил Зенит.

Бортинженер выглянул в холл:

– Эй, дроиды, шустрее поломку устраняйте!

Ему в лицо сразу ударил луч фонарика.

– Ты там не борзей, больной! – раздался из холла сердитый голос санитара Коли.

– Юрьевича нельзя злить, – тихо возразил коллеге санитар Петя и уже громче добавил: – В аварийку позвонили, обрыв где-то на подстанции.

– Вонахап обеспечивает ручное управление звездолётом, – продолжал раздавать распоряжения Зенит. – Будем выбираться из передраги своими силами.

Штурман, не поняв, что речь о нём, даже не пошевелился.

– Вонахап не тормозит! – Повар вытолкал его в холл, слабо озаряемый отблесками фонариков.

– Он и при свете-то собственный хер в штанах не найдёт, – прокомментировал Шлемофонцев. – В крошечной тьме ему вообще кажут.

– У Левапа прекрасно развита интуиция, – капрал поблагодарил взорвавшуюся сверхновую за то, что в темноте никто не видит растерянности на его лице.

Запись № 21. Мелкие пакости бортового компьютера – ничто в сравнении с творящимся прямо по нашему курсу безумием. Туманность, в которой неуправляемый звездолёт в любую секунду может напороться на обломок метеорита. Воронка сверхновой, засасывающая в себя любую материю. Белая Мурина взялась за нас по-крупному. Наша запланированная встреча с Бестелесыми ей явно не по нраву. Это лишь доказывает, что переговоры – кровь из носу, как необходимы. Как же не вовремя пропала связь с Землёй!

Громыхало всё сильнее, а молнии за окном озаряли тьму всё чаще. В их сполохах можно было успеть заметить панику на лицах Р-Ната и Командора, зажмуривающегося и вцепившегося в кровать Биолога и ухмыляющиеся физиономии Повара, Врача и Бортинженера.

– Главное для нас – вынырнуть из зоны невозврата, чтобы корабль не затянуло в эпицентр взрыва сверхновой, – капрал, как мог, отвлекал экипаж от панических переживаний. – Иначе «Довженко-19» со всем его содержимым уплотнится до размеров шарика от пинг-понга. Причём расплющивать нас будет постепенно, не одним махом.

В отблеске молнии Р-Нат позеленел сквозь смуглоту, а Лыжников и Шлемофонцев переглянулись. Последовавший раскат грома заглушил их хохот. В наступившей тишине Командор принялся тихо причитать.

– Не пугайся, мой малюсенький, – засюсюкал Бортинженер с картонным крокодилом. – Папуля спасёт тебя из любой передраги.

Очередной сполох озарил радостного Штурмана, вынырнувшего из темноты холла. В руках он держал комнатную антенну в виде круглой подставки с двумя телескопическими усами.

– Смотрите, что в темноте нащупал! – похвастался он.

– У кого «родил»? – поинтересовался О'Юрич.

– В ординаторскую просочился? – догадался Эндрю. – Телик санитарам без электричества точно ни к чему. Дроидам, я имел в виду. Вряд ли быстро хватятся.

– Молодец, Левап! – похвалил Штурмана Зенит. – Я в тебе не сомневался! Теперь надо приспособить этот штурвал к системе корабельной гидравлики.

Вонахап озадаченно почесал затылок. Повар взял у него антенну, водрузил на подоконник и в два счёта привязал её провод к чугунной батарее:

– Готово!

– Ты у нас точно обычным поваром числишься? Или я уже спрашивал? – подивился капрал.

– Уже спрашивал, – подтвердил Лыжников. – Сам понимаешь – в элитном отряде простых поваров не бывает.

Зенит уселся перед иллюминатором, взял в обе руки антенные усы и принялся их сосредоточенно крутить на шарнирах в разные стороны, выдвигать и сдвигать.

– Теперь всё в наших руках, – торжественно констатировал капрал. – В моих руках.

Экипаж обступил его, уставившись в окно, за которым бушевала гроза.

– Занятная штука, коллеги. Только представьте: сидит в недрах огромного тысячетонного звездолёта мизерный человечек и заставляет эту махину повиноваться, – восторженно заявил Зенит, шевеля усами антенны. – То совершая за секунду прыжки в сотни километров, то протискиваясь через просвет астероидов с зазором не больше миллиметра!

В палату заглянул главврач Арфеев, осветил фонариком сгрудившихся у окна пациентов, покачал головой, зевнул и, никем не замеченный, удалился.

– Благодаря инженерному гению наших конструкторов отчаянные парни, как мы, получили возможность бросать вызов самым свирепым космическим явлениям! – продолжал восторгаться капрал.

– С астероидами особо не церемонься, – посоветовал ему Эндрю и подмигнул Врачу, который беззвучно содрогался от приступов хохота. – Особо борзых можно и ткнуть легонько.

– Не надо! – испуганно попросил Дипер.

По стеклу забарабанили крупные капли.

– Дождик! – обрадовался Р-Нат.

– Никак нет, – возразил Зенит. – Это сжатый после взрыва газ, превращённый в кристаллы, сталкивается с силовым полем звездолёта и распадается на атомы.

– До-ождик! – передразнил теннисиста О'Юрич и отвесил тому подзатыльник.

Гроза постепенно начала стихать. Дождь мелко моросил, грохотало где-то очень далеко.

– Проскочили! – воскликнул Штурман. – Ушли от эпицентра! Bravo, капрал!

– Руки-то помнят, – Зенит был польщён похвалой. – Скоро стыкуемся с орбитальным борделем.

Заскучавший у окна Лыжников уговорил Зенита объяснить ещё раз, чем так важна встреча с Бестелесыми, из-за которой они все рискуют своими жизнями, прорываясь через кишасую астероидами туманность. Капрал, напряжённо вглядывающийся через иллюминатор, не мог видеть их с Серджио ухмылок, а потому терпеливо и во всех красках расписал, какая опасность грозит Космосодружеству из самого страшного места во Вселенной – из Бездны Белой Мурены.

К моменту, когда Зенит замолчал, а Повар вновь начал изнывать от тоски в ожидании вечеринки в женском отделении, тучи рассеялись, а по небосводу рассыпались звёзды.

– Луна, – Р-Нат показал пальцем на осветивший палату полумесяц.

– Дебил, что ли? – высокомерно возразил Эндрю. – Нам до Земли ещё пилить и пилить.

– Лун в одной только нашей галактике не счесть, – вступился за теннисиста капрал. –

Например, Луна-6 – самое страшное место в Космосодружестве.

– Самое страшное же – Бездна Белой Мурены! – уязвлённый Лыжников наивно пытался поймать Зенита на слове.

Тот вздохнул, повернул голову и одарил Повара добродушной улыбкой учителя, вынужденного разжёвывать прописные истины непонятливому ребёнку:

– Безусловно, во Вселенной нет ничего ужаснее, но Бездна находится за пределами Космосодружества, за Последним Рубежом.

Кровь прилила к лицу Лыжникова. «Радуйся, Вазенитов, упивайся своим бредом! – у Повара сжались кулаки. – Сгоняем к бабам – я тебе обеспечу дискуссию и про бездны, и про рубежи. Сам будешь не рад, что завёл шарманку про космос, шизик ты конченный».

– Надеюсь, это не Луна-6. – Штурман подошёл вплотную к стеклу и наморщил нос, словно пытаясь угадать небесное светило при помощи своей примитивной оптики.

– Тебе ли, Вонахап, не знать, как далеко отсюда Луна-6, – укорил его Зенит, заставив Штурмана втянуть голову в плечи и поспешно уйти в тень.

Смекнув, что публичная порка экипажа может внести разлад, капрал решил прекратить наставления и разрядить напряжённую обстановку:

– Вспомнил себя безбородым юнцом в ШЗР, то бишь – в Школе Звёздной Разведки, – заулыбался он. – Там мне довелось открыть новый спутник нашей Луны. Я обрадовался удаче и сразу подал заявку на патент в Академию Межзвёздных Трасс. Сначала, конечно, была сенсация. А когда разбирали мой доклад, этим «новым» спутником оказалась Земля. Меня тогда чуть из группы не поёрли!

Зенит громко захохотал, к нему присоединился Штурман. От долгого нахождения в неудобной напряжённой позе на фоне предельной мысленной концентрации у капрала едва не случился очередной приступ. Руки его дёрнулись, едва не переломив антенные усы.

– Аккуратнее, капрал! – воскликнул Р-Наг. – Разобьёмся же!

Неожиданно разведчиков осветил яркий луч, заставив Дипера взвизгнуть от ужаса.

Глава VII. Межпланетный бордель

Поглядев на ватагу пациентов, струдившихся у окна и жмуриящихся от яркого света, санитар Александр тяжело вздохнул. К исходу сегодняшнего дня он окончательно убедился, что затеянная авантюра не сулила ничего хорошего. Особенно после того, как в столовой увидел развешанные на пижамах бумажки с дурацкими надписями. Но отступить было поздно.

– Ну чё, отбой объявили. – Санитар № 3 выключил фонарик. – Петька похомячил, принял сто грамм для успокоения нервов и завалился дрыхнуть. Свет обещали только к утру, так что нам только на руку.

– Стыковка с борделем прошла успешно? – Капрал выпустил из рук антенну и встал, разминая затёкшие ноги.

– Стыковка самым везучим из вас ещё предстоит, – сострил Третий, заставив Лыжникова скабрёзно хихикнуть. – Готовы?

– К чему? – не понял Р-Нат.

– Всегда готовы! – Повар вlepил тому затрещину.

– Всем слушать сюда, внимательно, – Александр понизил голос. – Вазенитов за вас поручился, но всё равно – ответственность персонально на каждом. Кто сейчас будет слушать невнимательно – пусть потом пеняет на себя. Скажу Галере, кто у неё кассету с любимой попсой украл, – и вам болезненные уколы и дополнительная прожарка мозгов будет обеспечена пожизненно. Все усекли?

Пациенты дружно кивнули.

– Можно я не пойду? – жалобно взмолился Дипер. – У меня в радиоприёмнике ещё сверчки остались.

– Тогда останешься играть с Виталькой. – Бортинженер взял в руки картонного друга и засюсюкал, двинувшись в сторону Командора. – Пойдёшь на ручки к дяденьке Диперу, мой малюсенький? Не будешь перегрызать ему косточки?

Командор с невиданной для него прытью отскочил к самому выходу и занял позу на изготовку, чтобы при первой же возможности сбежать из палаты, в которой остаётся хозяйничать страшный зубастый зверюга.

– А можно пойти, но ничего там не делать? – решил уточнить Р-Нат.

– Вот этот вариант – наиболее предпочтительный. – Санитар одобрительно поднял вверх большой палец. – Но если кто-то вдруг надумает что-то делать – только при добровольном согласии. Никакого членовредительства и прочей уголовщины. Всем ясно?

Потенциальные кавалеры энергично закивали.

– Женщины предупреждены, – продолжил вводную Александр. – Те, кому не надо, будут спать. К ним не приставать и вообще вести себя тихо. Специально для Володьки уточняю – согласных баб нечётное количество, как ты любишь.

– Но сисек-то – чётное, как их ни крути! – отреагировал Эндрю, вызвав всеобщий смех.

– А теперь главное. Без этого в контакт не вступать. – Третий достал из кармана горсть упакованных презервативов и раздал каждому.

Опытные ловеласы рассовали упаковки по карманам. Некоторые принялись с любопытством вертеть презервативы в руках.

– Что это? – Наивные карие глаза Р-Ната излучали неподдельную искренность.

– В межпланетном борделе какие инфекции? Тоже межпланетные, – начал издалека Зенит.

– Пипетка твоя не просто отвалится, а вырастет и тебя же самого задушит, – наглядно объяснил Лыжников.

– А как этим защищаться? – Дипер в свете луны тщетно пытался разглядеть надписи на упаковке.

– Надевай прямо сейчас, – посоветовал О'Юрич.

– На голову, вместо своей дурацкой шапочки, – добавил Эндрю.

– Нет, а с-серьёзно? – Р-Нат от волнения начал заикаться.

– Почувствуешь, что зачесалось везде, – распечатавай и жуй, пока не пройдёт. – Повар был явно в ударе в предвкушении запретного плода.

– Ну хватит! – Санитару надоело издевательство над и без того забитыми бедолагами. – Серьёзно, что ли, не все знают, куда презик надевается?

– Покажи им, Шурик! – хохотнул Лыжников. – Проведи инструктаж.

– Делать мне нехер! – хмуро отреагировал Третий. – Кто не знает – тому точно не пригодится.

Александр на мгновение задумался, все ли наставления он озвучил.

– А, и последнее. Там в самом дальнем углу кровать накрыта простынёй – туда не подходить. На ней привязана буйная пациентка, Фундорина, я ей дал седативное – должна спокойно до утра проспать. – Санитар для острастки погрозил пальцем. – Мужиков она терпеть не может. Если эта бешеная фурия кого из вас покалечит – я предупреждал. Ну всё, двинули. Искандеров, да убери ты свой шарик, он там тебе не понадобится!

– Третий шарик – лишний, – подмигнул Повар.

Р-Нат с мрачным выражением лица убрал теннисный шарик в тумбочку.

– Пойдём и мы в люлю, мой поросёночек. – Бортинженер отнёс Виталика на кровать. – Веди себя хорошо, не балуйся, вернусь – почешу сладенькое пузико.

Скривившись, санитар № 3 развернулся и шагнул в темноту холла. Экипаж двинулся следом. Повар с Бортинженером аж подпрыгивали от нетерпения. Р-Нат с Дипером поплелись, словно на собственную казнь.

Опустевший холл замер до утра. Его покой нарушал лишь луч фонарика и мерное шуршание восьми пар тапочек, сопровождаемых поскрипыванием туфель санитара.

– Ты стекляшки свои зря не снял! – Лыжников поставил Штурману щелбан. – Распугаешь всех девок.

– Даже самых чудовищных, – добавил Бортинженер.

– Тихо! – зашипел Александр.

– Это мой талисман, ребята. – Левап снял очки, подышал на них, протер стекла рукавом пижамы и снова водрузил на нос.

В свете фонарика капрал успел заметить, насколько непривычно выглядят глаза Вонахапа, не увеличенные линзами.

– Талисман против изнасилования! – прошептал Повар, спровоцировав сдавленный смех в группе ночных ходоков.

– Это у него на самом деле контактные линзы, просто очень дешёвые, с ручками для переноски, – на памяти соседей по палате Р-Нат попытался пошутить едва ли не впервые, чем вызвал всеобщее изумление.

– Не зли меня – зри в корень! – неожиданно разорвал тишину гнусавый голос Дипера.

В сердцах Александр лягнул Командора, и тот обиженно заскулил. Запустив всех пациентов по одному в женское крыло, санитар № 3 закрыл за ними дверь, прислонился к стене и мысленно помолился, чтобы ночь прошла поскорее и без эксцессов. Он сполз по стене на пол, выключил фонарик и прикрыл глаза. Задремал он в мечтах о неприступной сумасшедшей красавице с огненно-рыжей копной волос.

В женской палате гостей с мужской половины ожидал тёплый приём. Радужных хозяек, правда, оказалось всего две. По крайней мере, тех, что бодрствовали в такой поздний час. Они сразу же принялись допытывать Лыжникова, почему его депрессия так затянулась, что он не замахивал целую вечность. Озабоченный санитар Шурик своими ночными шастаньями успел женщинам изрядно надоесть. Довольный Эндрю гарцевал, похохатывал и молодецкато приглаживал белёные усы.

Р-Нат по своей привычке принялся здороваться с дамами за руку и тянуть их на себя. Блондинка плотного телосложения в ответ дёрнула опешившего теннисиста, их глаза оказались в непосредственной близости.

– Какой темпераментный молодой человек, – томно проворковала блондинка.

Р-Нат испуганно захлопал глазами, вырвал руку и отошёл на безопасное расстояние.

Повсюду горели свечи. В их мерцающих отблесках виднелось несколько кроватей с лежащими на них пациентками. Кто-то спал, кто-то притворялся – не каждую ночь сюда проникают мужчины, да ещё и в таком количестве.

Гости в нерешительности оглядывались. Неброские элементы женского уюта разительно отличали «межпланетный бордель» от их мужского отсека номер три. На двух сдвинутых между кроватями тумбочках, покрытых газетой, джентльменам было уготовано скромное пиршество. Не удержавшийся от математической зависимости капрал насчитал пару бутылок спирта «Рояль», три жестяных банки кабачковой икры и пять плавленых сырков. Натюрморт дополняла гора порезанного хлеба и составленные стопками гранёные стаканы.

Чтобы растопить лёд и прервать затянувшееся тягостное молчание, решено было расстаться на кроватях за импровизированным столом. Диперу и Р-Нату втиснуться не удалось, и они встали неподалёку. Командор от спирта отказался, он сграбастал плавленный сырок и принялся его мусолить. Р-Нат взял налитый ему стакан и, пока остальные пили, нюхал, морщился и осторожно пытался коснуться спирта кончиком языка.

После третьей порции спирта, которую выпили не чокаясь, по настоянию Бортинженера, атмосфера оживилась. Лыжников, комбинируя хлеб, кабачковую икру и кусочки плавленых сырков, угощал женщин «канапе от шефа».

Худую не улыбкувую брюнетку, волосы которой были намотаны на металлические бигуди, звали Натальей. Она боготворила известного уфолога Жажу и со дня на день ожидала увидеть в небе летающую тарелку.

– Тебе, Натали, не будет скучно с нашим капралом! – Эндрю подмигнул женщине и кивнул на сидящего у самого края кровати Зенита.

Та грустно улыбнулась и протянула капралу руку. Внезапно из темноты выросла фигура девушки с огненно-рыжими волосами. Распахнутый халат её был небрежно накинут прямо на голое тело. Пропорции этого тела были настолько совершенны, что все присутствующие на миг остолбенели. Неудивительно, ради чего страдал сейчас в холле санитар Шурик, мучительно отсчитывающий минуты в ожидании утра.

– Ра! – издала она подобие боевого клича, грубо оттолкнула Наталью и встала рядом с Зенитом, обняв того за голову и больно прижав её к прутьям спинки кровати.

Тем самым рыжая незнакомка дала понять, что посягать на гостя с бородой она не позволит никому. Судя по реакции двух других женщин, свою рыжеволосую соседку они побаивались.

Не решающийся пошевелиться капрал скосил глаза на маячащий совсем рядом треугольник вокруг пупка красавицы. Он словно мерцал собственным светом, независимо от горящих свечей.

Запись № 22. Рыжеволосая, судя по всему, гелорианка. Это самая красивая раса в Космосодружестве. Какое-то смутное воспоминание, дежавю, будто с гелорианками мне доводилось сталкиваться на одном из заданий. Как только она коснулась моей головы, внутри сразу что-то шевельнулось, что-то романтическое и давно забытое.

Как же обидно, что гелорианка вынуждена растрачивать себя в борделе на потеху разным отбросам. Ведь не каждую же ночь сюда заглядывают элитные звёздные разведчики – образчик галантности и учтивости в обхождении с дамами любой известной расы.

Происхождение двух других сотрудниц борделя, тёмной и светлой, определить без справочника не могу. Но они отпадают. Дроид № 3 упоминал, что инициатива исходила от рыжеволосой. Значит, с большой долей вероятности Бестелесая сейчас находится в этой прекрасной оболочке, которая придерживает меня за голову. Если, конечно, где-то в этом борделе не обнаружатся и другие обладательницы рыжей шевелюры.

Торопиться с выводами не буду. Подожду от Бестелесой более убедительных проявлений. Глаза и уши Мурены повсюду, нужна предельная концентрация.

Зенит лишь пригубил спирт и поставил стакан на тумбочку. Воспользовавшись наметившейся вакансией, к Наталье резво подсел Лыжников, приобнял её за тонкий стан и начал осыпать комплиментами. Брюнетка сразу растаяла от его внимания, хотя глаза её оставались грустными.

Вторая из сидящих в окружении кавалеров дам являла собой полную противоположность «уфологической» подружке. Звали её Зоей. Это была блондинка-хохотушка плотного телосложения с мясистым лицом, крупные черты которого подчёркивал кричащий макияж. Под стать ярко-красной помаде у неё был лак аналогичного оттенка на ногтях рук и ног, обутых в шлёпанцы с открытыми носами.

Блондинку не интересовали тарелочки с зелёными человечками, но зато она безотчётно верила в нетрадиционную медицину, ругая на чём свет методы, царящие в больнице, в которую её угораздило загреметь.

Повар недолго думая «определил» Зою к врачу Шлемофонцеву. Голову Зои венчала причудливо закрученная конусом коса, которая у Серджи вызвала ассоциацию с недостроенной Вавилонской башней. В ходе недолгого общения с блондинкой выяснилось, что по гербариям и прочему полезному силосу биолог Ровский доминирует над Врачом, предпочитающим в деле ЗОЖ «вредоносную» химию. Поэтому Зоя очень быстро утратила к Серджи всякий интерес, переключив всё своё внимание и неуёмную энергию на Бака Ровского.

Внезапно на спинку стоящей неподалёку от пиршества кровати взгромоздилась ещё одна пациентка. На лицо она была страшна, её короткие неухоженные волосы, похожие на паклю, усугубляли и без того отталкивающее впечатление. Пациентка ловко примостилась на спинке руками и ногами, словно взъерошенный воробей на жёрдочке.

– Вы тут зачем? – Чириканье «воробья» оказалось под стать внешности и больше напоминало карканье.

– За сексом. – Повар оглянулся на голос и тут же отвернулся, поперхнувшись сырком.

– Так вы – сексоты?! – встрепенулся «воробей» и взмахнул «крыльями». – На кого шакалите? Жидомасоны? Бильдербергский клуб? ЦРУ? Кнессет?

– Это Владелина, – представила «воробья» Наталья. – Просто не отвечайте ей, она и угомонится.

– За свою невинность, Владелина, можете не переживать, – не воспользовался советом Лыжников. – У нас для подобного подвига спирта недостаточно.

Блондинка Зоя практически безостановочно хохотала, выслушивая пространные идеи Ровского о превосходстве растительного мира над животным. Одновременно она настойчиво трогала колено О'Юрича своей ступнёй, с которой сбросила шлёпанец.

– У нас тут чайный гриб настаивался, первое средство от мигрени, – сообщила Зоя. – Так эта поехавшая диссидентка его в унитаза выплеснула.

Биолог бросил на «воробья» взгляд, полный ненависти.

– Думала, что гриб за ней следил, – добавила Наталья и грустно вздохнула.

– Следил и главврачу доносил! – отозвалась Владелина, подпрыгнув на «жёрдочке». – Этому изворотливому кэгэбэшнику в белом халатике!

– Никакого КГБ уже нет, – возразил ей Штурман.

– Кого ты пытаешься запутать, сексотина очкастая? – взъерошенная пациентка махнула на Левапа своей растопыренной пятернёй так, что он испуганно отшатнулся. – Я пять лет сидела в психушке при Брежнев, потом в три раза дольше при Андропове, а потом при Горбачёве ещё в три раза дольше! Ни при чём твоё КГБ, да?

– В этом случае вам сейчас около ста лет, – посчитал капрал. – Для сотрудницы борделя многовато. Но если вы, к примеру, тарazedская амфибия, то для их разумной расы это вполне себе молодой возраст.

Зоя захохотала. Владелина попыталась плюнуть в Зенита, но промахнулась. Стоящая возле него рыжеволосая тут же угрожающе двинулась в сторону сидящей на спинке диссидентки, которая с визгом поскакала прочь прямо по кроватям, ловко перепрыгивая с одной на другую и наступая на спящих.

Когда она скрылась во мраке палаты, Бортинженер заметил, что блондинка вдруг перестала смеяться, реагировать на происходящее и уставилась в одну точку. Он безуспешно пытался привлечь внимание женщины, щёлкая по ярко-красному ногтю на её ступне, замершей на его колене.

– С Зойкой такое бывает, – успокоила всех Наталья. – Скоро вернётся.

– Перезагружается, наверное, – предположил Вонахап.

Он заметил ещё одну пациентку, разбуженную скакавшей Владелиной, и подсел к ней на кровать со стороны упрятанных под одеяло ног. Голову её покрывал платок с узорами, что делало достаточно молодую женщину похожей на старушку.

– Уходи, чёрт! Пошто зенки стеклянные вылупил? – У неё оказался забавный старомодный говор. – Отшлимпетить меня удумал? Во блуд меня не утянешь, нечистая сила! Изыди!

Разгорячённый спиртом Штурман изнывал без женского внимания. Получив отлуп, он вернулся к импровизированному столу и подсел к брюнетке, обжимаемой с другого бока Лыжниковым.

– Если излучение с летающих тарелок вас беспокоит, настоятельно рекомендую заземлить ваши очаровательные бигуди! – жарко прошептал он в ухо Натальи.

– Слышь, Паштет! – Эндрю наклонил голову и грозно сверкнул глазами на Левапа, но тут его взгляд упал на бирку на кармане соперника, заставив Повара поправиться и смягчить тон: – Штурман Вонахап, прислушайтесь к совету коллеги – попытайте счастья в других закоулках борделя. Эти бигуди уже есть, кому приземлить.

Погрустнев, Левап был вынужден ретироваться.

– Вот и Жажа всё время предупреждает, что для пришельцев наша планета – бордель для удовлетворения их любопытства и неестественных прихотей, – с грустью в голосе провозгласила Наталья. – Ах, как же мерзко ощущать это бессилие перед их вседозволенностью! Мороз по коже от липких прикосновений их зелёных лапок!

Брюнетка воздела сцепленные руки к потолку:

– Кто защит нас? Кто отомстит за поругание?

– Вас, что же, силой тут удерживают? – нахмурил брови капрал.

– А ты думал – мы сюда путёвок накупили, чекист бородатый? – раздалось карканье из темноты.

Лыжников обнял Наталью за плечи:

– «Нулевой парсек», Наташ. Он и защитит, и отомстит, и обогреет.

Эндрю извлёк из кармана ампулу и таблетку. Ампулу надломил и соскоблил внутрь краешек таблетки. Прозрачное содержимое ампулы сразу окрасилось в малиновый цвет.

– Чё за колёсико? – оживился Шлемофонцев.

– Фенолфталеин, – пояснил Повар и выплеснул жидкость из ампулы в бутылку с оставшимся спиртом.

Врач сразу утратил интерес, а Лыжников разлил получившийся «коктейль» по стаканам.

– Ссаниной воняет. – О'Юрич поднёс стакан к носу и поморщился.

– Из-за нашатыря, – угадал опытный в деле препаратов Серджио.

– Зато красиво! – Печальное лицо Натальи тронула улыбка.

Пока все дегустировали «красоту», зажимая носы, снова активизировалась Владелина. Ей приглянулся Р-Нат, вынужденный бегать от навязчивого внимания по всей палате. Владелина прыгала с кровати на кровать, пытаясь настичь проворного теннисиста, но тот каждый раз ускользал. Пациентки, на которых наступала диссидентка, вскрикивали спросонья и ругались.

Наталья объяснила, что Владелина боится ступить на пол, ибо верит, что оттуда выскакивают лезвия и отрубают ноги политическим узникам. Услышав об этом, Р-Нат избрал новую тактику – держаться от кроватей подальше.

– А как происходит распознавание ног? – заинтересовался нетрезвый Штурман.

– Ты очки, видать, нацепил, чтобы доносы строчить? Только похож на умного, – взъелась на него Владелина. – Мы, борцы с режимом, ступаем твёрдо, не крадёмся! И не боимся говорить правду! Вашему политбюро наши рты не заткнуть!

Она показала в потолок фигу и смачно плюнула туда. Бодрствующие на кроватях женщины привычным движением натянули одеяла на лица. Сидящие инстинктивно пригнулись.

– Нашатырь в наши рты! – громогласно заявил Дипер.

Вдоволь нанюхавшись спирта, он снова выгнул грудь колесом и расхаживал по палате, гордо поворачиваясь своей биркой со званием к женщинам и бесстрашно заглядывая в их равнодушные к его потугам глаза.

– Да не мельтеши ты перед глазами, пугало унитазное! – дождался он наконец внимания от Владелины.

– Домовёнок, кыш! – прикрикнула на неё пришедшая в себя блондинка.

Врач Шлемофонцев догадался сунуть ей под нос нашатырь. Зоя ухватила своей крепкой ручищей спинку ближайшей кровати и потрянула её так, что пациентка в узорчатом платочке с неё едва не слетела.

– Маруся, музыку! – обратилась к ней блондинка.

И молодая «старушка» тут же затянула народную песню, окончательно разбудив почти весь оставшийся женский контингент. Тут и там в отблесках свечей заблестели любопытные глаза.

А где музыка и женщины – там недалеко и до танцевальной программы. Галантный Повар пригласил Наталью и сразу же принялся беззастенчиво обжимать партнёршу, шепча её на ухо вещи, от которых грустная брюнетка краснела и смущённо улыбалась. Дородная Зоя грубо увлекла за собой Ровского. Тот неуклюже склонился над ней, одну свою руку возложив на мощное Зойкино плечо, а второй держась за большую спину. При этом Биолог ещё и старался не отдавить своими «ластами» босые ноги партнёрши. Лицо его выражало неимоверное страдание.

– Бедняжка, тебе поясницу надо барсучьим жиром натереть! – посоветовала блондинка, стараясь перекричать голосащий «платочек». – Ещё помогает запаренный кедровый жмых! Но самое верное средство – на муравейнике...

Договорить Зоя не успела и впала в ступор прямо на ходу, ноги её подломились, и Бак Ровский едва успел её подхватить, взревев от прострелившей поясницу боли. Кряхтя, он с большим трудом дотащил партнёршу до кровати и усадил, прислонив её к железной спинке.

– Большуха, найди себе бабёнку без уха! – не удержалась от порции желчи Владелина. – Чтob твой скулёж не слышала. Два метра невкусной лапши!

Обидевшийся Биолог подсел к компании, рассеившейся вокруг тумбочек с остатками пиршества. Бортинженер уже был основательно пьян. Он делился своим боевым прошлым с открывшими от удивления рты Р-Натом, Штурманом и Командором.

Здесь же сидел Шлемофонцев с горстью таблеток в ладони, но воспоминания О'Юрича нагоняли на него тоску. Поэтому он принялся бросать таблетки, пытаясь попасть в жерло «недостроенной Вавилонской башни» на голове застывшей Зои.

В этот момент рыжеволосая красавица наклонилась к самому уху почти задремавшего Зенита и отчётливо прошептала: «Ра-Са».

Капрал вздрогнул, хотя был практически на сто процентов уверен, что Бестелесая подселится именно в это совершенное тело.

Я даже не сомневался, Росара, что в качестве временного пристанища ты избере́шь именно данный образчик гелорианской красоты. Осталось согласовать, как мы будем общаться. Вашего языка я, увы, не понимаю. Наш бортовой ИИ наверняка способен транслировать речь Бестелесых, но ему нельзя знать о нашей встрече. Вене я с некоторых пор не доверяю. Ваша опередившая нас в развитии раса, скорее всего, владеет методами телепатического общения. Моё сознание готово к контакту. Жду.

Маруся неожиданно смолкла и тут же захрапела.

– Горло надо полоскать три раза в день, – внезапно вышла из ступора Зоя. – Заваркой лопуха с добавлением струи кабарги.

– Да просто рот под струю подставлять, чего мелочиться! – хохотнул Лыжников.

Он проводил и усадил на место не пожелавшую танцевать без музыкального сопровождения Наталью. Та снова вернула лицу трагическое выражение.

– Ах, всё это тщетно, – прошептала она срывающимся голосом. – Нам ничего не поможет. Никакие наши земные снадобья не спасут от внеземной заразы. Смертоносный штамм уже доставлен сюда в герметичных капсулах. Пришельцы ждут отмашки.

– Господи, откуда вы всей этой галиматьи набираетесь? – всплеснул руками Эндрю и тут же прекратил улыбаться, встретившись с суровым взглядом капрала.

– Так вот же! – Владелина, обвив ногами кроватьную спинку, дотянулась до газеты, которой была накрыта одна из тумбочек.

Она сдёрнула газету, и на пол полетели банки от кабачковой икры, фольга от сырков, пустые бутылки, стаканы и остатки снеди.

– «Вечерняя гласность»! – Диссидентка потрясла пропитавшейся потёками еды газетой, разбрасывая вокруг прилипшие крошки. – Тут и про гэбню много интересного, между прочим!

Росара резкими движениями сдвинула кровати и тумбочки, очистив, таким образом, кусочек пустого пространства. Туда она поочерёдно вывела всех гостей мужского пола, выстроив из них хоровод и заставив взяться за руки. Прodelьвала она это всё так уверенно, что никто не решился воспротивиться.

Капрала девушка завела в центр хоровода и проникла туда сама. Росара сбросила халат и взяла остолбеневшего Зенита за обе руки. Тут же, словно по команде, отряд «Нулевой парсек» двинулся по кругу, постепенно ускоряясь. Девушка принялась извиваться, мотать головой, копна её рыжих волос плясала, словно языки пламени на языческом костре.

Зенит перестал понимать, что происходит – крутится ли он, увлекаемый гелорианской красоткой, или весь остальной мир завращался вокруг них. Капрал вдруг испытал жуткую эпилептическую судорогу такой силы, какой не ощущал никогда. И тут же его накрыло необъяс-

нимое блаженство. Мозг словно избавился от всего лишнего, что тревожило и беспокоило, а каждый его нейрон принялся в огромных количествах поглощать эндорфины.

Как же хочется продлить этот миг навечно и крутиться, соприкасаясь с Росарой ладошками. Ощущение, многократно затмевающее любовь и страсть. Я словно сам стал Бестелесым, состоящим из одного лишь чистого разума. Так вот, значит, что они чувствуют всю свою бесконечную жизнь!

Хотя свечи ещё догорали и давали свет, капрал Зенит провалился в беспросветную тьму.

Неожиданно тьма сменилась ярчайшей вспышкой, озарившей палату женского отделения. На подстанции устранили аварию, и в психбольницу вернули электричество.

Капрал какое-то время жмурился, защищая отвыкшие от яркого света глаза, потом огляделся. Он лежал на полу рядом с обнажённой Росарой. У девушки были прикрыты веки. Ему невыносимо захотелось поднять её, снова закружиться в вихре блаженства, но в то же время его терзало какое-то необъяснимое чувство собственной ничтожности в сравнении с гелорианкой. Вернее, в сравнении с той, кто внутри этой прекрасной оболочки.

Зенит провёл пальцем по треугольнику на животе девушки, и ему показалось, что от нательного рисунка исходит жар. Росара открыла глаза и улыбнулась.

– Телёнок, – прошептала она, даже не шевельнув губами.

Капрал решил, что ему почудилось, и он встряхнул головой, прогоняя остатки сна. Это был прекрасный сон, навеянный изрядной дозой алкоголя, иного и быть не может.

– Раса-раса, – произнесла девушка, и Зенит убедился, что языком Бестелесых он всё-таки не владеет.

В голове его ощущалось незнакомое доселе облегчение, словно в результате некой непостижимой лоботомии из его мыслей изъяли весь негатив. Хотя после такого количества спирта ожидалось противоположные последствия. Капрал приподнялся, сел на полу и огляделся по сторонам.

Бортинженер с Биологом лежали по обе стороны от блондинки Зои на двух сдвинутых кроватях. Она крепко прижимала их к себе могучими руками. Повар возлежал с Натальей. Та спала, положив голову Лыжникову на грудь. Командор разместился под кроватью Владелины. Сама она свернулась на тумбочке, которая ещё недавно служила праздничным столом. Р-Нат сидел в углу, уронив голову на поджатые колени. Место он выбрал максимально удалённое от ближайшей кровати, дабы обезопасить себя от контакта с диссиденткой. Пол рядом с ним был сильно заплёван – Владелина долго не оставляла попыток заявить теннисисту о себе. Но доплунуть ни разу так и не смогла. Штурман лежал в ногах у Маруси, обнимая чью-то подушку. Сама певунья заснула с иконой в руках, словно отгораживаясь от «окаянного» Левапа.

Бодрствовал один лишь Серджио. Он бродил по палате, чесал спину и сетовал, что у него оказалась аллергия на кабачковую икру. Врач с нескрываемой завистью косился на обнимающихся с дамами коллег. Он разглядывал лежащих на койках одиноких пациенток, но взгляд ни на ком не задерживался, ибо опьянение предательски прошло. Наконец Шлемофонцев очутился возле накрытого простыней тела в самом дальнем углу палаты. Простыня мерно вздымалась в такт чьему-то дыханию.

Недолго думая Врач откинул простыню, и раскрасневшееся лицо его засияло. Упрятанная от посторонних глаз скромница оказалась мила и очаровательно улыбалась во сне. Серджио развязал удерживающие её руки путы и погладил незнакомку по голове. Реакции не последовало. Тогда он, воровато озираясь, достал из кармана капсулу, вскрыл её и всыпал содержимое незнакомке в рот.

А ещё через пару минут бледный, словно обсыпанный мелом, Шлемофонцев пробежал мимо капрала в сторону выхода из палаты. Но улизнуть ему было не суждено. Воющее существо с развевающимися включенными волосами, проворно перемещаясь на четвереньках, оттолкнулось от стены, прыгнуло на Врача и отшвырнуло его, перекрыв выход.

От шума все начали пробуждаться и трогать гудящие с похмелья головы.

– Фурдория! – Зенит не узнал собственного голоса.

В палате началась паника и беспорядочная беготня. Пока О'Юрич спешно натягивал пижамные штаны, существо прыгнуло на него. Но Бортинженер умудрился схватить фурдорию в полёте, зубы её громко клацнули в воздухе, и зверюга, умело направленная О'Юричем, с размаху впечаталась в стену.

Затихло животное лишь на миг и тут же принялось метаться по палате с удвоенной яростью. Владелина, обвив руками и ногами спинку кровати, повисла вниз головой и тоже начала бесноваться. Пакля её волос взметнула клуб пыли с пола.

– Так их, сексотов! – подбадривала диссидентка обезумевшего монстра.

Фурдория не заставила себя уговаривать и вцепилась в ногу ковыляющего к выходу Биолога своими длиннющими ногтями. Тот в отчаянии вскрикнул и безуспешно попытался вырваться. Капрал бросился ему на помощь, но споткнулся о ползущего к выходу Дипера. Зенит грохнулся на пол и больно ударился головой о тумбочку, с которой на него свалился фен и повис на проводе, подключенном к розетке.

Это же квантабер из нашей оружейки, которую заблокировал бортовой компьютер! Персональное оружие звёздного разведчика. Как он тут оказался? Бестелесые переместили его при помощи телекинеза? Им очень нужно, чтобы мы выжили. Значит, фурдория – это не их подарок. Но чей? Белой Мурены – чей же ещё!

Капрал встретился с многозначительным взглядом Росары, которая словно подтвердила его догадки. Парни безуспешно пытались оторвать фурдорию от причитающего Ровского, но та злобно огрызалась, не подпуская никого к своей добыче.

– Эй, чудовище! – Капрал направил на зверя фен.

Буйная пациентка Фундорина, обернувшись на голос и увидев бороду, атрибут её злейшего врага, тут же замерла. Глаза её налились кровью. Попытившись назад для качественного разбега, она бросилась на Зенита. У него мелькнула мысль, что выстрел он успеет сделать только один. Когда перекошенная от ненависти пасть уже была готова отхватить капралу руку вместе с его оружием, он активировал рычажок на рукоятке фена.

Квантабер дёрнулся, посылая в зверя высокоэнергетический импульс, его рукоятка сразу стала теплой.

Струя воздуха ударила Фундориной в лицо. Та опешила и кувыркнулась в воздухе, приземлившись на пятую точку и тут же вскочив на ноги. В этот самый момент О'Юрич изловчился и нанёс полоумной бабе короткий, но мощный удар в челюсть. Чудовище рухнуло, как подкошенное, и затихло.

– Фурдория – проклятье планеты Тралюст II. – Капрал по-киношному дунул в раструб фена. – Запрещена во всех остальных уголках Космосодружества. Свирепое и очень живучее существо.

– Не такое уж и живучее, – констатировал Бортинженер, потирая костяшки кулака.

– Меня больше интересует, кто из наших вчера с этим существом прилёг? – выглянул из-за тумбочки Повар. – Милашке явно не понравилось!

Звёздные разведчики дружно заржали. К ним присоединилась и хохотушка Зоя.

– Наконец-то Фундорину в травматологию увезут! – радовалась она. – Хотя бы ненадолго, а то всех кавалеров нам распугала. Говорила ей, чтобы пустырьник пила от нервов. Сама теперь виновата!

– Вот вы сейчас бросите нас, оставите одних! – Наталья укоризненно посмотрела на мужчин. – И кто защитит нас от непрошенных гостей из пропасти космоса?

Брюнетка зарыдала, заламывая руки. Лыжников тут же обнял её и попытался успокоить:

– Команда «Нулевого парсека», мадемуазель, приложит все необходимые усилия, чтобы из космических пропастей и бездн ничего не выползло.

Зенит впервые отметил отсутствие иронии в голосе Повара. Тот был предельно серьёзен. Штурман подошёл к фурдории и слегка поддел её носком тапка:

– Жуткая была тварь. На одни только когти её гляньте! – Он наклонился, разглядывая пальцы лежащей пациентки и придерживая свои очки. – А теперь она – просто очередной трофей нашего бравого капрала.

Зенит смутился от неуместной похвалы.

– А у нас есть лицензия на отстрел фурдорий?

Все обернулись на Командора, переминающегося с ноги на ногу у самого выхода из палаты. Впервые из его уст вылетело что-то осмысленное.

– Эти фурии на их родной планете объявлены вне закона и приговорены к тотальному истреблению, – пояснил капрал.

Тут он краем глаза заметил, как лапа чудовища едва заметно дёрнулась.

– Вонахап, назад! – взревел Зенит.

– Кто? – Левап успел испугаться, но опять не понял, о ком речь.

И тут же поплатился за свою невнимательность. Фурдория, подпрыгнув на месте, издала душераздирающий вой и ударила Штурмана всеми четырьмя лапами, опрокинув его на пол. В два счёта зверюга оказалась у бедолаги на груди, схватила с пола валяющуюся открывашку, которой ещё недавно вспарывали банки с кабачковой икрой, и полоснула ею Левапа по груди. Наискосок от плеча до пояса.

Крик Вонахапа заглушил дикий хохот Владелины, радостно скачущей на кровати.

– Блядский род! – запричитала Маруся, ещё плотнее подвязывая свой платок.

Фурдория, продолжая сидеть на поверженном голосащем Штурмане, победоносно зыркала своими безумными глазищами из-под копны включенных волос. Крепко вцепившись в деревянную ручку открывашки, она облизывала кровь с её режущего выступа.

Капрал тем временем передвинул все переключатели фена на их максимальные позиции.

Перевозжу квентабер на специальный режим и подтверждаю его чрезвычайным паролем. Ты само напросилось, неугомонное животное!

Зенит приставил фен почти вплотную к голове буйной пациентки:

– Позвольте пригласить вас на танец, безобразное создание?

Фурдория резко повернула к нему свою перекошенную от злобы морду, с клыков её стекла ядовитая слюна. Загудел моторчик фена, переключённого на самую горячую температуру и самый мощный обдув.

Квентабер гулко ухнул. На этот раз в монстра полетела капсула, внутри которой за время полёта был сгенерирован жуткий состав, запрещённый к применению на всей территории, контролируемой Космосдружеством.

От ударившей в лицо струи горячего воздуха у Фундориной расширились глаза, брызнули слёзы и открылся рот. Шлемофонцев недолго думая метнул туда горсть таблеток, нашаренных в кармане. Буйная пациентка закашлялась, выплюнула пару таблеток обратно, но большую их часть была вынуждена проглотить.

На четвереньках она с молниеносной скоростью ускакала к своей кровати. Но только лишь для того, чтобы изготовиться к новой атаке. Зверюга прижала косматую голову к полу, начала царапать его руками, ноги её затряслись от напряжения. Команда «Нулевого парсека» замерла в ожидании самого худшего. Зенит с горечью осознавал, что все средства нейтрализации уже исчерпаны.

Вдруг фурдория зашаталась, ослабевшие конечности её подогнулись, и она рухнула на пол, слабо подрыгивая лапами. Вздох облегчения прокатился по палате.

– Вам это с рук не сойдёт! – взвизгнула Владелина, едва не сорвав голос.

Она выбирала, в кого бы плюнуть, но растерялась от многообразия вероятных противников.

Со Штурмана сняли распоротую пижаму. Грудь его наискось пересекал свежий шрам, из которого сочилась кровь.

– Коготь фурдории – не самый приятный опыт, – констатировал Серджио. – Он ядовит. Zenit подивился услышанному, ибо сам собирался сообщить практически то же самое.

– Подорожник надо приложить, – посоветовала Зоя.

– Лучше алоэ, – возразил более опытный Биолог.

– Лучше пристрелить, чтобы не мучился. – О'Юрич взял из рук капрала фен и с любопытством оглядел его со всех сторон.

– Я готов помучиться! Честно! – испуганно затараторил Левап.

Шлемофонцев извлёк из кармана пару капсул и выпотрошил их на ладонь.

– Что ж, ты сам напросился, – он злорадно ухмыльнулся и посыпал Вонахапа порошком вдоль всего шрама, словно поперчил подготовленного к жарке цыплёнка.

Штурман замычал, прикусив от боли губу.

– Смотрите – у него треугольник! – воскликнул Врач, оттерев кровь с груди Левапа.

Все склонились над лежащим товарищем и уставились на появившийся невесть откуда рисунок рядом со шрамом.

– Раньше ничего не было! – испуганно заявил Вонахап.

– Зараза какая-то, – предположил Р-Нат. – Плохо дело.

– Без паники, – повысил голос Zenit. – Остальные все целы?

– Командор исчез, – заметил Лыжников.

– Сбежал, гнида, – процедил сквозь зубы Бортинженер, сильно сжав в руке рукоятку квантабера.

Маруся затянула заунывную песню:

Гробовы доски стиснули ножки —

Не могу протянуть.

Сыра мать-земля к грудям прилягла —

Не могу продохнуть.

В палату влетел полуодетый заспанный санитар № 3:

– Вашу ж мать, придурки! Ну я же просил!

Вытолкав всех звёздных разведчиков из женского отделения, Александр ещё раз прошёл по палате и заглянул под каждую кровать – не осталось ли кого постороннего. Он уложил мычашую и слабо сопротивляющуюся Фундोरину на койку и с тоской поглядел на голую рыжеволосую красотку, стоящую у стены. Во взгляде его читалось обречённое смирение ребёнка, разглядывающего в витрине игрушку, которую родители ему никогда не купят.

Подпрыгнувшая на кровати Владелина исхитрилась наконец попасть в санитаря плевком.

– Получи, чекист недорезанный! – возликовала она.

Александр изрыгнул проклятие и бросился вон из женской палаты, утираясь на ходу.

В третий отсек он влетел в совершенно паскудном расположении духа. Измотанный ночными приключениями отряд «Нулевой парсек», предчувствуя недоброе, заблаговременно разлёгся по своим местам.

– Только пикните кому! – потряс Александр кулаком в воздухе. – Всем спать!

В наступившей темноте воцарилось гробовое молчание. Лишь истерзанный Штурман какое-то время постанывал, но и он вскоре заснул. Капрал никак не решался закрыть глаза, ему казалось, что тут и там во тьме палаты зажигаются и гаснут треугольники.

Запись № 23. Никак не укладывается в голове. Откуда фурдория могла взяться в орбитальном борделе? С Тралюста II и муху-то нельзя в обход карантина вывезти. Факт не поддается логике, но приходится признать, что подобными размышлениями я отгоняю от себя мысль ещё более ужасную.

Бестелесые сегодня прокричали о помощи. Испытанная мною эйфория лишь технический способ передачи мне их послания. Я впервые за долгое время обрёл способность к трезвым рассуждениям. И когда удалось отмести отвлекающий ясное сознание мусор, в моей голове оформилась простая и беспощадная данность. Воззвание Бестелесых о помощи запоздало. Их цивилизация на текущий момент уже погибла.

И приложила к этому руку (или что там у неё) Белая Мурена. На очереди все остальные. Надо срочно выйти на контакт с Землёй и созвать экстренный конгресс Космосодружества!

Когда поутру медсестра Лерова обрабатывала Штурману рану и накладывала повязку, она с трудом сдерживала улыбку. Слухи о ночных похождениях пациентов третьей палаты весь последний час муссировались в ординаторской.

– Жить-то буду? – умирающим голосом спросил у неё Левап.

– А куда ж ты денешься!

– Тебе-то повезло, – Зенит тяжело вздохнул после того, как Галера ушла. – А я теперь себе места не нахожу.

– Да что тут такого особенного, капрал? – попытался его приободрить раненый Вонахап. – Подумаешь – царапина.

– Не в этом дело, ребята, – произнёс он упавшим голосом и обвёл коллег по отряду измученным взглядом.

В отсеке воцарилось молчание, нарушаемое лишь мерным гудением двигателей (на кухне опять подгорела каша, и там включили вытяжную вентиляцию). Разведчики давно не видели Зенита таким обеспокоенным. Все напряжённо смотрели на него в ожидании объяснений.

– Видите ли, парни, фурдория, как я уже говорил, обитает всего на одной планете, – начал делиться опасениями капрал. – Тралюст II находится в стадии недоразвитой цивилизации, там нет новых технологий, и оттуда запрещено вывозить и телепортировать даже микробов.

– Да ерунда, – попытался успокоить сам себя Р-Нат. – Сбежала из какого-нибудь зоопарка или из лаборатории. Неужто во всём Космосодружестве не найдётся подобных особей? Ведь как-то же их изучают?

Цепкий взгляд Зенита пригвоздил теннисиста, заставив того вжаться в стену:

– А ты уверен, что в суулуунском орбитальном борделе есть лаборатория? Назови хотя бы один мало-мальский зоопарк на Суулуу, сынок!

– Ладно, капрал, какие у тебя предположения? – Лыжникову стало жалко Р-Ната, попавшего под горячую руку начальника.

– В том-то и дело, что никак у меня это в голове не укладывается! – Капрал в сердцах стукнул кулаком по внутренней обшивке звездолёта.

Ещё чуть позже ситуация усугубилась. Выяснилось, что командор Дипер после побега из борделя на борту корабля так и не объявился. А злополучные треугольники обнаружались не только у Вонахапа. У всех, по одному на каждого члена экипажа. И эти треугольные рисунки жутко чесались.

У врача Шлемофонцева треугольник оказался на спине между лопаток. У Биолога – на подошве ступни. Из-за своего плохого зрения он не сразу нашёл злополучную фигуру и обрадовался, что избежал общей участи. Но востроглазый Р-Нат его огорчил. О'Юрич нашёл свой треугольник на плече. У Повара рисунок разместился на ладони.

Р-Нат долго упирался и отнекивался, но когда заметили, как он ёрзает, сидя на кровати, с него всей толпой стянули пижамные штаны. Треугольник у теннисиста красовался на ягодице, что вызвало в палате веселье, не соответствующее серьёзности сложившейся ситуации.

Под шумок, пока разоблачали Р-Ната, капрал взял с тумбочки Бортинженера фломастер и незаметно намалевал себе треугольник возле локтевого сгиба, где это сделать было быстрее всего.

Зачем я это делаю? Чтобы не допустить паники и не утратить с трудом возвращённое к себе доверие. Сначала я сам должен разобраться, почему странные треугольники появились у каждого разведчика нашего отряда, кроме меня. Разобщиение в сложившейся чрезвычайной ситуации недопустимо.

Едва не плача от обиды, Р-Нат натянул штаны и выскочил из палаты, прихватив с собой мыло и мочалку.

Факт загадочного появления треугольников на какое-то время всецело завладел мыслями обитателей третьей палаты. Хотя Лыжников со свойственным ему скептицизмом полагал, что рисунки им вытатуировала безумная рыжая красотка, когда все напились до невменяемого состояния.

Но никто, кроме капрала, не обратил внимания на произошедшие со всеми разительные перемены. Например, Эндрю по инерции продолжал считать себя Поваром «Нулевого парсека», прорезающим глубины космоса в недрах звездолёта «Довженко-19». Хотя всякая надобность подыгрывать Зениту уже отпала. Мало того, Лыжников находился в непривычном для него нейтральном состоянии: не было ни признаков депрессии, ни избыточного восторга. Он в задумчивость бродил по отсеку, изредка подходя к иллюминатору и всматриваясь в небо.

Бортинженер с самого пробуждения принялся интенсивно тренироваться: отжиматься от пола, растягивать связки, выпрыгивать вверх из глубокого приседа. Бак Ровский вместо того, чтобы привычно валяться на кровати, подставив свои «ветки» солнцу, выпросил у Левапа очки и внимательно разглядывал через них насекомых, ползающих по оконному стеклу.

Врач Шлемофонцев не хихикал и ничего не бормотал себе под нос, а регулярно подходил к раненому Штурману, осматривал его повязку, проверял пульс и накладывал руку на лоб. Сам же капрал обнаружил, что его руки не пытаются нащупать предметы, за которые можно крепко ухватиться в ожидании приступа эпилепсии. Вместо этого они непривычно спокойно и расслабленно покоятся на простыне.

Запись № 24. Неужели Бестелесым удалось то, над чем мы безуспешно бились несколько последних дней? Они исправили последствия ошибки бортового компьютера и починили память всей команде «Нулевого парсека». Вернули нам максимальную функциональность для борьбы с Белой Муреной.

В каком же отчаянии находилась сверхразумная раса, если они были вынуждены выбрать произвольную группу космонавтов в бескрайней Вселенной и возложить на неё свои надежды.

И какое же счастливое стечение обстоятельств, что этой группой оказались наиболее подготовленные гуманоиды во всём Космосодружестве! Легендарная восьмёрка звёздных разведчиков, отряд «Нулевой парсек». О нём складывают небывлицы, которые наводят ужас на обывателей. Но эти сказки бледнеют в сравнении с тем, через что нам довелось пройти на самом деле, дабы выжить и победить.

Но случайность ли здесь замешана? И пройдем ли мы, нуль-парсековцы, самое страшное испытание во Вселенной – испытание Бездной Мурены?

Вернулся Р-Нат с лицом мрачнее самой чёрной тучи. Оттереть злосчастный треугольник ему не удалось. Он также сообщил, что Командор лежит привязанный в наблюдательной палате.

– Выходит, что защитная автоматика Дипера не пропустила, – заключил капрал. – Искусственный интеллект заблокировал его в карантинном шлюзе.

– Значит, наш скромняга Командор таки огулял инопланетянку! – хлопнул в ладоши Лыжников. – И, судя по всему, самую горячую.

– Фурдорию! – хохотнул Серджио, заставив лежащего Вонахапа болезненно поморщиться.

– Ничего смешного тут нет, – осуждающе поглядел на Врача Р-Нат. – Этот ваш огуляка пронёс на корабль что-то очень опасное!

– Если больше никого из нас не заблокировало в карантине, значит, треугольники опасности для бортовых датчиков не представляют, – рассудил Биолог.

– И мой шрам тогда тоже не заразный с точки зрения ИИ, – Штурман облегчённо вздохнул. – Слава двоичной системе!

Глава VIII. Нарушение карантина

Пока семеро уцелевших бойцов «Нулевого парсека» маршировали на завтрак, их уже традиционно сопровождали завистливые и восхищённые взгляды. Рана Штурмана горела, но он не подавал виду. Появление парней в столовой даже вызвало хлипкие аплодисменты.

Примкнуть к отряду звёздных разведчиков мечтает каждый. Но не каждый на это способен. Видимо, трудяги и туристы с «Довженко-19» уже наслышаны, как мы увели звездалёт от воронки сверхновой. Кто-то возводит города на планетах, кто-то добывает на астероидах ценную руду. А мы всего лишь день за днём спасаем планеты, астероиды и прочие объекты бескрайнего космоса.

Экипаж расселся за столом. На завтрак каждому полагалась слегка подгоревшая пшёнка и варёное яйцо.

– Прямо как Космосодружество. – Капрал легонько катнул яйцо по столу и загрузил.

– В смысле? – Повар деловито выковыривал содержимое яйца ложкой прямо в кашу и тщательно размешивал, создавая очередной бесхитростный деликатес.

– Понятная и герметичная микровселенная, объединение цивилизаций, в рамках которого действуют единые законы. Защищена от неизвестности, словно скорлупой, непроницаемой материей до сих пор неизученного свойства. – Зенит легонько постучал по яйцу ногтём. – Сколько кораблей Космосодружества сгнуло, пока разобрались и рассчитали координаты «скорлупы» – не счесть.

Капрал легонько продавил ногтём самый кончик яйца. Р-Нат, заслушавшись, машинально начал подбрасывать яйцо, словно теннисный шарик.

– И лишь мизерная дырочка связывает нас с неизвестностью. Именно там находится Последний Рубеж, на охрану которого брошены объединённые силы Космосодружества. – Зенит уложил яйцо на ладонь, словно решая его дальнейшую судьбу. – Но что, если Белая Мурена настолько могуча, что всё же просочится через дырочку, сметя все наши барьеры? Или даже расколется скорлупу в любом месте, где захочет?

Биолог принялся поспешно чистить доставшееся ему яйцо, не обращая внимания на встревоженные взгляды коллег. Щурясь, не оставил ли он где скорлупы, Ровский для гарантии тщательно обдул очищенное яйцо и откусил половину. Бортинженер сунул яйцо в рот и начал жевать его прямо со скорлупой.

– Холестерин вреден для потенции, – предупредил Шлемофонцев.

С этими словами он с хрустом раскатал яйцо по столу, сграбастал его в кулак и, что есть силы, дунул в него. Очищенное яйцо вылетело с другой стороны кулака напрямик в кашу Р-Нату, обдав того брызгами. От неожиданности Р-Нат не успел поймать подброшенное яйцо из своей пайки, и оно полетело на пол.

– С-с-с! – издал неодобрительный возглас Р-Нат и принялся без энтузиазма ковыряться ложкой в каше.

– Не исключено, что наше яйцо, в смысле – наше Космосодружество, заключено в другое, ещё более громадное яйцо, – предположил Лыжников, жадно уплетающий намешанную у себя в тарелке неаппетитную на вид субстанцию. – А то громадное яйцо – внутри совершенно циклопического яичка, до скорлупы которого нам и до конца жизни не долететь.

– И сколько всего таких яичных матрёшек? – рассмеялся своему удачно подобранному определению Серджио.

– Бесконечное количество, – ответил Левап.

– Нет ничего бесконечного! – излишне эмоционально отреагировал Р-Нат. – Всё когда-нибудь должно кончаться.

– И числа? – хитро прищурился Штурман. – Назови мне самое последнее число, самое большое из всех чисел. Ну-ка!

Р-Нат топнул ногой и раздавил валяющееся яйцо под столом.

– Не запрыг! – разозлился он и покраснел. – Есть такое число! Оно и есть – координаты окончания Вселенной!

– А ежели я к этому суперчислу единичку попробую прибавить – что будет? – не унимался Вонахап.

– Хана наступит калькулятору! – прокомментировал О'Юрич, отчего Эндрю захохотал и едва не выплюнул обратно порцию своей пшено-яичной смеси.

Распалившийся спором Штурман, позабыв о боли, суетливо поправил сползшие с переносицы очки и предъявил новый аргумент:

– Хорошо, Р-Натик, хорошо! Допустим, в результате неслыханного технического прорыва человечеству удалось долететь до так называемого конца Вселенной по твоим координатам...

– Хрен вам удастся! – тихо прошипел теннисист и ещё сильнее насупился.

– «Вам»? – насторожился капрал.

– Да погодите вы перебивать! – обиделся Левап. – Вот мы, допустим, долетели до края. А дальше-то что? Пустота? Так, значит, можно дальше лететь. Стенка? Значит, у неё толщина есть, то бишь продолжение Вселенной...

Зенит, наблюдая, как ситуация обостряется, легонько стукнул по столу.

– Сейчас мы всё равно не можем раздвинуть границы нашего скудного сознания, – констатировал он. – Оставим эти споры потомкам. А для того, чтобы они получили возможность спорить в будущем, нам с вами жизненно необходимо прекратить распри в настоящем.

Вернувшихся в палату разведчиков поджидал главврач. Голограмма бортового компьютера выглядела жалкой и печальной. Увидев доктора, Р-Нат сразу сник и залился краской – до завтрака он успел выложить Арфееву все детали их ночных походов.

Веня с ходу принялся укорять подопечных. Он поведал о расформировании женского отделения и переводе пациенток в другую клинику. Чиновники из Минздрава давно подговаривались к приватизации психбольницы и продаже хотя бы половины её здания коммерческим фирмам. Арфеев долго противился, но сегодняшнее ночное ЧП стало последней каплей. Кто-то донёс в Минздрав, и судьба женского крыла оказалась решена.

Главврач понимал, что рассказывать обо всех своих проблемах больным людям не вполне этично, но он не знал – кому ещё может излить свою душу. Веня жаловался, что утратил контроль над медперсоналом. Что он не понимает, как дальше управлять больницей и лечить людей в условиях свободного (а вернее – дикого) рынка и тотального развала медицины.

– Ты сам виноват в первую очередь, – с укором в голосе прервал доктора Зенит. – От искусственного интеллекта что требовалось? Подчиниться. Я просил тебя перезагрузиться, а ты – что? У тебя сбой, который мешает связаться с Землёй, а связь нам нужна позарез!

Вениамин Константинович всплеснул руками и изменился в лице. Таким сердитым его ещё никто из находящихся сейчас в палате не видел.

– Мало того, что мною чинуши минздравовские помыкают, эти бездари! Мало того, что санитары с медсёстрами манипулируют, так ещё и от пациентов такое терпеть! Да пошло оно всё! – Главврач заходил по палате. – Вы, Володя, умудрились устроить в нашей больнице настоящий массовый психоз! Все вокруг твердят о каких-то звездолётах, парсеках. Вас бы изолировать, как Дипера! Что вы с ним сделали? Кто вытатуировал ему треугольник на лбу? У нас тут не тюрьма!

Разведчики, как по команде, прикрыли собственные треугольники.

– Чего вы так довольны улыбаетесь, Вазенитов? – Скулы Арфеева побелели от волнения. – Дипер ползал по коридору, просил его не есть, укусил в ногу Второго санитаря. Тот его едва не забил своей чёртовой дубинкой! На счастье, я оказался рядом.

– Капрала Зенита нельзя изолировать, – робко вступился Штурман. – Без него нам всем каюк.

Доктор устало поглядел на карман Вонахапа с биркой и уже спокойнее продолжил:

– Как это ни парадоксально – верю. С одной стороны, вы поддаётесь его болезненным фантазиям, а с другой – я наблюдаю в вас странные изменения. Даже вечно замкнутый сам в себе Дипер сегодня всё утро осмысленно отвечает на вопросы, демонстрирует логику. Хотя о какой логике я говорю – опять же всё сводится к чёртовому космосу!

– Насколько всё серьёзно с Командором?

– С кем? – не понял Арфеев.

– С Дипером, – пояснил Шлемофонцев. – Что за форму жизни он пронёс на борт?

Главврач невесело усмехнулся:

– Подозреваю, что после вашей ночной оргии форма жизни понятно какая – венерическая.

– Штамм с Венеры. То есть всё достаточно тривиально, – Зенит удовлетворённо хмыкнул. – Галера своими силами способна локализовать и деактивировать инфекцию?

– Ей за это не платят. С какого перепугу? Это ж теперь придётся везти бедолагу в кожвендиспансер, а это дополнительные траты на бензин. – Арфеев опустил голову. – Господи, за что мне всё это?

Р-Нат извлёк из кармана упаковку с презервативом:

– Интересно, а почему Командору эта штука не помогла?

– Съесть забыл, – буркнул Лыжников.

Запись № 25. Нет, из-за безобидного венерианского паразита карантинный протокол бы точно не сработал. Что же тогда у Дипера? Альтаирская гонорея, которую Космосдружеству «подарили» саблезубые медузы с Красного Альтаира? Тоже вряд ли. Иначе бы она у большинства из нас сейчас проявилась, ибо заражает даже без непосредственного полового контакта. Споры носителя атакуют любого в радиусе пяти метров, если жертва при этом находится в состоянии возбуждения.

Но пусть уж лучшей причиной карантина окажется альтаирская зараза, а не что-нибудь посерьёзнее. Переносится она легко и выражается лишь в появлении фиолетового меха на ладонях, который бесследно облезит через неделю.

– В силу своего профессионального опыта я могу объяснить вашу одержимость космосом, – главврач словно беседовал сам с собой. – Неприятие ваших звёздных фантазий нами, медработниками, лишь подогревает ваш интерес к ним и спланирует. Типичное желание отомстить окружающим. У молодёжи на улице это сегодня выливается в неформальные объединения. С давних времён вызов толпе были способны бросить единицы. И тогда к одному примыкали те, кто на самостоятельный поступок был неспособен в силу ряда причин. Вы все сплотились вокруг Вазенитова и беспрекословно приняли его идеи.

– А за что мстит капрал? – поинтересовался Биолог.

– Так глубоко я, увы, копнуть не могу, – улыбнулся Арфеев. – Причиной может оказаться всё что угодно. Например, его расстраивает огромное количество чётных чисел.

– А их много? – Р-Нат мельком глянул на Штурмана.

– Ровно половина, – рассмеялся Левап.

– Ага! – Р-Нат вскочил с кровати. – Я же говорил, что существует последнее число, раз можно отделить ровно половину!

Опешивший от подобной логики Вонахап попытался было аргументировать, но тут в палату ворвался санитар № 2. В одной руке его была эмалированная «утка», в другой – его любимая дубинка.

– Константиныч, у нас ЧП! – завопил Коля. – То, что эти дебилы с дебилками сегодня ночью перетрахались, – полбеда. Кто-то из них у меня из барсетки золотую печатку умыкнул, а в барсетку нагадил! Я в этом дерьме час ковырялся – так и не нашёл!

– Почему сразу виноваты косморазведчики? – возмутился Лыжников. – Может, это шахтёры насрали. Или туристы впотьмах туалет не смогли отыскать.

– Я щас из тебя самого шахтёра сделаю – буду дубинкой лупить, пока не почернеешь! – Второй перешёл практически на визг.

– Ну, полегче, Николай, – попытался урезонить подчинённого Арфеев.

– С чего бы? Печатку-то психи у меня украли! Я за неё польский гарнитур отдал, между прочим! Почти новый!

– Ну и кто из нас псих после этого? – поддел санитар Шлемофонцев.

Тот в ярости замахнулся на Серджио и принялся обыскивать палату, выбрасывая вещи пациентов из тумбочек и перетряхивая постельное бельё. Ничего не обнаружив и утомившись, Николай присел на кровать, тяжело дыша.

– Но это не обязательно вот эти, из третьей палаты, – вступился за пациентов доктор.

– Как раз эти самые! – Коля поднялся и подошёл к выходу. – Именно в третьей утром нашли нашу антенну от телевизора. Кто-то из них в ординаторскую пролез. Короче, дефективные, я вот эту «утку» ставлю снаружи у вашей палаты. Мне похрену, кто стибрил – сами ищите крысу. Мне важно, чтобы печатку вернули и положили вот сюда, в эту «утку».

Санитар № 2 потряс сосудом над головой.

– Обед вы лишаетесь. Даю вам время до ужина. Если печатки не будет – вам конец, вы трупы. Тогда ужина лишаетесь тоже. А потом устрою вам непрерывную карусель из промывания желудка, кишечника и электросудорожного кайфа вперемешку с сульфозиновым...

– Николай, я вообще-то не давал санкции... – доктор попытался утихомирить разбушевавшегося санитаря.

– А мне похрену! – Николай в ярости лупанул дубинкой по спинке ближайшей кровати, заставив начальника вздрогнуть.

Он, как и обещал, выставил «утку» за порог.

– Время пошло! – С этими словами санитар № 2 удалился.

Главврач какое-то время посидел на краю кровати в окружении пытливых взглядов, смущённо что-то пробормотал, сетуя на времена и нравы. Его авторитет, как ему показалось, только что был окончательно растоптан, а у него не возникло ни желания, ни воли противостоять этому прискорбному явлению.

– Объяснить и проанализировать могу. Бросить вызов – увы, – тихо произнёс доктор и обвёл пациентов печальным взглядом. – Хорошо, что у вас есть капрал Зенит.

Арфеев встал и поспешно вышел, сопровождаемый тягостным молчанием.

– Ситуация осложняется с каждой минутой, – тут же заговорил капрал. – Из-за карантинной ситуации электроника корабля запустила обратный отсчёт до самоликвидации. Типичная процедура для недопущения заразы на планеты Космосодружества.

– То есть заложенная в звездолёте бомба распылит нас к вечеру на атомы. И это типичная ситуация? – нервно хихикнул Штурман.

– А какие ты ещё знаешь способы соблюсти карантин? – по-отечески улыбнулся Зенит. – Напомнить вам всем историю печально известной Дрексинской цивилизации, которая за год с небольшим прекратила своё существование?

– Мы помним, капрал, – отозвался Биолог, не отрываясь от изучения мух на подоконнике. – Её уничтожил нелегально завезённый стручок.

Капрал удивлённо и в то же время уважительно поглядел на Ровского:

– Верно, из этого стручка потом выкатились те самые «бурые горошины», из-за которых Космосодружество впоследствии приняло решение создать могильник неизученных объектов на Луне-6.

– А если посторонний объект из Командора того – вырезать? – предложил О'Юрич.

– К сожалению, дело не в Командоре, – покачал головой Зенит. – Иначе бы кибер-аптечка уже провела над ним необходимые процедуры.

– Эта железная фрау с буферами тупо не обладает должной квалификацией, – заявил Серджио. – Только и знает – таблетки сортировать да ими барыжить.

– Если даже и так, то Дипера бы наглухо изолировало в карантинном герметичном отсеке до возвращения на Землю, – возразил капрал. – Раз активировалась самоликвидация, значит, ИИ не способен локализовать чужеродный объект. И тем более устранить его.

– Приходим к выводу, что эта мразь всё ещё где-то на корабле. – Слова Бортинженера совершенно не добавили оптимизма его коллегам.

Он бережно усадил Виталика на подушку, выдернул из кровати спинки металлическую дугу и извлёк из открывшейся трубчатой полости обломок рукоятки от деревянной швабры. Под матрасом О'Юрич нашарил припрятанную открывашку, которую он сумел прихватить из женского отделения, и рулон лейкопластыря. С его помощью он примотал открывашку к рукоятке швабры, получив некое подобие копья.

– Или эта мразь уже в ком-то из нас, – задумчиво произнёс Врач, заворожённо наблюдая за действиями Бортинженера.

Заслышав Шлемофонцева, тот сурово оглядел коллег. Р-Нат тут же испуганно отошёл от О'Юрича подальше.

– Мы все здесь умрём. – Бортинженер взметнул свежизготовленное оружие над головой. – Но умрём так, чтобы Космосодружеству за нас не было стыдно!

Он спустил штаны, приложил «копье» к ноге, закрепив его парой оборотов лейкопластыря вокруг бедра, и вернул штаны на место.

– А карантинная автоматика не могла на коготь фурдории среагировать? – Ровский показал пальцем на штанину О'Юрича, под которой едва заметно выделялся добытый им трофей.

– Исключено, – отмёл эту версию Зенит. – Информация о фурдориях занесена в глобальную базу ещё лет сто назад. И её когти не считаются запрещёнными к межпланетному провозу – их иногда используют в качестве экзотических украшений.

– Мне уже не терпится кого-нибудь этим коготочком украсить, – злорадно осклабился О'Юрич хлопнув себя по ноге.

От него отошли на безопасное расстояние ещё двое соратников.

– Отряд, слушай мою команду! – Возглас капрала заставил всех встрепенуться. – Мы с Бортинженером и Поваром разбредаемся по кораблю. Если повезёт – наткнёмся на чужеродную тварь и будем действовать по ситуации.

– Я с вами! – вызвался Вонахап, оторвав голову от подушки.

– Лежать, Штурман! – запротестовал Зенит. – Ты ещё слаб. Потеряешь сознание где-нибудь в моторном отсеке – ищи тебя потом. Врач с Биологом вывозят Командора из карантина. Нам сейчас каждый человек важен...

– Ну не до такой же степени! – развёл руками О'Юрич.

– Так надо, – заверил капрал. – Здесь нас остаются ждать Штурман и Р-Нат. Время общего сбора – через час.

– Даже если не найдём ничего? – уточнил Лыжников.

– В любом случае. Если поиски окажутся безрезультатны, то переходим к отработке следующей версии – предположим, что гадость засела в ком-то из нас. Будем пробовать вычислить носителя.

– Да Дипер это, тут и гадать нечего. – Бортинженер брезгливо сплюнул.
– Нет, О'Юрич, нельзя обвинять голословно, – терпеливо объяснял Зенит. – Понятно, что с вероятностью 99,99 процента – это Дипер. Но остаётся же ещё проклятая сотая доля процента, которая по закону подлости часто становится определяющей. Итак, сверим часы...
Все удивлённо переглянулись.
– К делу!

Запись № 26. Как жаль, что квантабер остался в борделе. Сейчас бы он сильно пригодился. Плохо, что Бортинженер не прихватил его вместо когтя фурдори. Хотя проблема сейчас не в том, при помощи чего избавляться от нарушителя карантина. Для начала его следует отыскать. А там уже – дело техники. Голыми руками придушим, зубами загрызём – только покажите нам этого мерзавца.

Загнать неведомую зверушку в укромный уголок звездолёта – не проблема. Увы, нарушитель спокойствия, судя по всему, не шастает по отсекам в своём истинном облике. Он может сидеть в одном из нас. Затаился до поры. Я же прекрасно знал, что шпион Белой Мурены способен забраться в тело через пупок, но не предпринял перед визитом в бордель никаких мер предосторожности. Простофиля!

Натыкаясь то и дело на недружелюбные взгляды санитаров, капрал побродил по холлу и коридорам, но за отведённый час не обнаружил ничего подозрительного. Когда он вернулся в палату, все уже были в сборе, включая Командора. Тот сидел на своей кровати, оттягивал надетую на голову шапочку и скрёб пальцем лоб. Треугольник на нём жутко чесался.

– Исполняющий обязанности не считает себя обязанным их исполнять. А я считаю, что его необходимо обязать приступить к исполнению, – ляпнул он, завидев Зенита.

Дипера уже успели тщательно прощупать, но инородных предметов при нём не обнаружили. Никто за час поисков не мог похвастать результатами. Бортинженеру попался в коридоре подозрительный тип, которого О'Юрич попытался поймать и допросить, но вмешались санитары. Тип оказался приглашённым компьютерщиком, вызванным для ремонта дисководов в кабинете Арфеева.

Повар попробовал раздобыть еды, раз уж дроиды отлучили экипаж от пищевого довольствия. Умыкнуть из пищеблока ему удалось лишь бутылку уксуса и коробку пищевой соды.

– У вас осталось два часа! – провозгласила заглянувшая в отсек физиономия Второго дроида.

– До самоликвидации совсем мало времени, – с тревогой в голосе сообщил капрал. – Какие будут предложения?

– Раз ничего не нашли на корабле, значит – гнида в ком-то из нас. – Ровский поймал ползущую по стеклу муху и тут же выпустил её на волю. – Жаль, что нет приборчика для выявления.

– Есть универсальная сыворотка против гнидогадоидов: из хрена, уксуса и йода. Сейчас бы сгодилась. – Зенит развёл руками. – Но в наличии только уксус.

– Йод наверняка можно добыть у кибераптечки, – предположил Лыжников. – А вот хрен где взять?

– Хрен с ним, с хреном! – хохотнул Шлемофонцев. – Я одну формулу знаю – «сучий бальзам». Эта штука в два счёта выявит чужеродное биологическое подселение у кого угодно. И все ингредиенты, что немаловажно, в наличии! Нужен доброволец для испытания.

Первым добровольцем, само собой, оказался Дипер. И дело было даже не в дефиците уважения, которое экипаж питал к Командору, а в том, что именно на него ошестинились карантинные датчики звездолёта.

Пока коллеги удерживали вырывающегося «добровольца» за руки и за ноги, Бортинженер ухватил Дипера за голову и заставил того открыть рот. Серджио тут же от души сыпанул туда соды из коробки и плеснул следом уксуса с не меньшей щедростью. О'Юрич тут же зажал Командору рот.

Тот ещё сильнее задёргался, глаза его полезли на лоб, а из носа пошла обильная пена. Дипера тут же отпустили и отошли на безопасное расстояние. Он по инерции рухнул на четвереньки, «сучий бальзам» в виде обильной пены истекал из его рта.

– Я же говорил, что это он! – Бортинженер занёс над Командором своё самодельное копьё из швабры и открывашки.

– Увы, – мрачно пробубнил Врач. – Мы наблюдаем как раз отрицательную реакцию.

– Плохую, в смысле? – с надеждой в голосе уточнил Р-Нат.

– Для нас – да. – Биолог Ровский с любопытством разглядывал Командора, который продолжал стоять на четвереньках над лужицей шипящей пены и открывал рот, словно рыба.

– С-с-с! – недовольно прошипел Р-Нат, догадавшись, что следующим «добровольцем» наверняка назначат его.

– Аллес шайзе райзе! – выругался Шлемофонцев. – Реакция на «сучий бальзам» показала, что Дипер чист.

– Диперчист-диперчист-диперчист, – затараторил скороговоркой Командор.

Он был явно доволен, несмотря на только что испытанное страдание. Ведь теперь придётся помучиться кому-то другому.

– Ну что, кто следующий? – Капрал окинул взглядом разведчиков, которые сразу попятились назад.

– Я, – вызвался Бортинженер. – Если что, капрал, не пожалей на меня такой же патрончик, которым ты фурдорию оприходовал. Лады? Не хочу, чтобы меня, как подопытную крысу, резала всякая учёная братия.

Он бросил презрительный взгляд на Биолога, который в данный момент как раз отрывал крыло пойманной мухе.

– Увы, О'Юрич, квентабер остался на орбите Суулуу, – развёл руками Зенит.

– Вместе с блядами и трупом фурдории. – Повар невольно разгладил пальцами усы, вспомнив о недавних утехах.

– Тогда вот. – Бортинженер вручил капралу самодельное копьё с примотанным когтем чудовища и показал себе на участок шеи. – Бей прямо вот сюда, в сонную артерию. Виталья, отвернись!

Он присел на кровать и открыл рот. Все с тоской поглядели на картонного крокодилчика, который в любую минуту мог остаться сиротой.

Серджио, приняв во внимание эксперимент с Командором, решил, что применённая доза «сучьего бальзама» избыточна. Всем последующим испытуемым он просто бросал на язык щепотку соды и капал туда уксус. Парни радостно встречали пенистое шипение, означавшее отрицательный результат в хорошем смысле этого слова. Когда Ровский успешно прошёл тестирование, он от радости подпрыгнул так, что при своём росте едва не разбил плафон светильника, свисающего с потолка.

Последним непроверенным остался Р-Нат. О'Юрич предложил не тратить драгоценное время, а просто выбросить того за борт в открытый космос. Но правила есть правила. Р-Нат, вопреки ожиданиям большинства, тоже оказался чист. Все восемь членов «Нулевого парсека» были чисты.

– Значит, гадости в нас нет? – Штурман выглядел озадаченным. – Тогда я не понимаю.

– Биологической гадости нет, – заметил Бак Ровский. – Но существуют и прочие виды гадостей.

– К чему это ты клонишь? – нахмурился Лыжников.

– Треугольники, – ответил за Бака капрал. – Всё-таки треугольники. Носители так называемой гадости, которую так боится ИИ, – мы все. За треугольники бортовой компьютер и вынес нам восьмерым смертный приговор. А за компанию – и остальным пассажирам «Довженко-19».

– Тогда надо избавиться от чёртовой геометрии! – предложил Эндрю.

– Но они не смываются! – с отчаянием в голосе воскликнул Р-Нат.

– Есть и другие способы зачистки! – Бортинженер, демонически сверкая глазами, потыкал когтём фурдории себе в плечо, где у него накануне проступил треугольник.

– Мы с тобой и капралом оттяпаем руки, Биологу – ногу, – озвучил перспективы Повар.

– А Командору – голову? – заключил Зенит.

Дипер энергично замотал головой:

– Может, не надо? Я его спрячу. – Он ещё сильнее натянул себе на лоб вязаную шапочку, почти скрыв глаза. – Так видно?

– Стыдно, – покачал головой капрал. – Можно было бы, конечно, поотрезать лишнее, но вот только есть одна закавыка, ребята. Не лишняя это гадость, да и не гадость вообще.

– Остался час! – проорал санитар Коля, заглянув из холла, но на него никто не обратил внимания.

– Не гадость? А что же это тогда, капрал? – подивился Шлемофонцев.

– Знание. Концентрат знания Бестелесых, включая то, что они успели узнать о Белой Мурене до гибели всей их цивилизации.

– Они что же – погибли? – Левап растерянно заморгал глазами за стёклами своих очков.

– К сожалению, – кивнул Зенит. – Из всей их расы осталась одна лишь Росара.

– На бестелесую тёлочка как-то не тянет, – ухмыльнулся Лыжников. – Там телеса – моё почтение!

– Тело у неё от гелорианки, одной из самых красивых гуманоидных особей в Космосодружестве, – капралу было не до шуток. – Бестелесые завладели её телом, чтобы через гелорианку связаться с нами и поспешно передать нам важнейшее знание. А наш примитивный искусственный интеллект посчитал, что это знание несёт угрозу Космосодружеству.

– Но ведь Бестелесые должны входить в содружество, – непонимающе вертел головой Ровский. – Почему Веня их испугался?

– В том-то и дело, что нет. Они, как и Белая Мурена, за Последним Рубежом, откуда ничего не проникает. Вспомните яйцо за завтраком.

– Но как они-то тогда проникли? – развёл руками Вонахап.

– Теперь всё складывается! – Лицо Зенита засияло.

– Хорошо тебе, капрал! – удручённый Штурман устал подсчитывать вопросы, возникающие в его пытливом сознании, ответов на которые, похоже, не предвиделось.

– Бестелесые при помощи недоступных нам технологий преломили пространство, чтобы обойти барьер Космосодружества. Из-за погрешности преломления была зацеплена и планета Тралюст II, откуда в сулуунский бордель вместе с Бестелесой забросило фурдорию.

– А Белая Мурена может сюда преломиться? – насторожённо поинтересовался Р-Нат.

– Само собой, – «успокоил» его капрал. – Она же Бестелесых одним махом уничтожила. Значит, Бездна Мурены в разы могущественнее.

– И что теперь делать? – жалостливо протянул Биолог.

– Доложить о ситуации на Землю, оповестить остальные союзные планеты и использовать Знание Бестелесых, которое мы несём, против поползновений из Бездны Мурены! – отчеканил Зенит. – Как бы вот только убедить Веню, что самоликвидация «Довженко-19» в результате уничтожит надежду на спасение всех гуманных цивилизаций.

– А если от треугольников всё же избавиться? – О'Юрич прочертил копьём круг над головой, заставив товарищей испуганно пригнуть головы. – Выкроим время хотя бы.

– Останемся в живых, а дальше? – Пытливый взгляд капрала заставил Бортинженера отложить своё самодельное оружие в сторону. – Отсрочим собственную смерть, но без Знания не сумеем предотвратить гибель всего Космосодружества.

Пока все находились в глубокой задумчивости о судьбах цивилизаций, в палате появилась медсестра Лерова. Она принесла восемь бутербродов и полуторалитровую пластиковую бутылку газировки жёлто-зелёного цвета. Бутерброды состояли из котлет на ломтях хлеба, а котлеты, в свою очередь, по обыкновению состояли из сала и сухарей.

Пропустившие обед разведчики с жадностью набросились на еду. Врач Шлемофонцев заикнулся было, что жирная пища плохо влияет на потенцию, но справедливо решил, что вред от самоликвидации звездолёта отразится на организме гораздо быстрее. А потому с удовольствием отхватил от своего бутерброда сразу половину.

Никто не обратил внимания на виноватое лицо Галеры, когда она, покидая палату, окинула пациентов жалостливым взглядом. Для циничной женщины подобное проявление чувств было нетипичным. А смушалась медсестра оттого, что по личной просьбе санитаря № 2 накидала в бутылку с напитком таблеток феназепам. Благо химический вкус газированного дерьма был способен заглушить что угодно.

Запись № 27. До самоликвидации осталось всего ничего, а парни веселятся и едят с отменным аппетитом. Нет, не зря нас считают элитой космических сил Космосодружества. Как жаль, что проклятая автоматика одним махом расправляется с лучшими людьми и с безграничным Знанием, которым сверхцивилизация одарила нас, людей. И которым мы, люди, распорядились так бездарно и опрометчиво.

Человечеству протянули руку помощи, предложили совершить скачок в развитии, на которое потребовались бы тысячи лет. А человечество надменно отвернулось да ещё и в эту протянутую руку плюнуло. Что ж, сами так сами. Белая Мурена не станет церемониться, когда заявится, чтобы раздавить Землю и все прочие наши планеты из самонадеянного Космосодружества. Яйца, заботливо уложенные в картонную упаковку, не становятся от этого крепче. Пусть даже их и много.

– Капрал, вы чего? Плачете? – от изумления Штурман даже перестал жевать.

– Да это я так, от радости. – Зенит смахнул докатившуюся до самой бороды слезу и заставил себя улыбнуться.

– Нифига себе радость – взорваться посреди космоса. – Р-Нат удивлённо сдвинул брови.

– Зато как красиво уйдём! – подмигнул всем Лыжников. – Давайте помянем «Нулевой парсек».

– И всё Космосодружество до кучи, – добавил Бортинженер.

Пущенная по кругу бутылка с газировкой уже почти опустела.

– А радуюсь я, что мы, единомышленники, сейчас все вместе, – попытался пояснить капрал. – Радуюсь и надеюсь, что Бестелесые не позволят, чтобы их Знание оказалось похороненным в глубинах космоса среди обломков «Довженко-19». Нам, парни, удача улыбалась неоднократно. Призываю её и на этот раз.

Дроид Коля, заглянувший в третий отсек в очередной раз, какое-то время прислушивался к бредням пациентов. Мясистое лицо его покраснелось и перекошилось от злобы.

– Осталось полчаса! – рявкнул он и на всякий случай ещё раз заглянул в пустую больничную «утку», оставленную им у порога.

Все почувствовали внезапную усталость и улеглись по койкам.

– Капрал, вспомните наши самые яркие подвиги, – попросил Дипер, и с ним, к его удивлению, все единодушно согласились.

– Про самого Командора мы уже знаем – за ним плотоядные сверчки в пещере гонялись, – вспомнил кто-то.

Остальные отозвались вялым смехом, и Зенит приступил к исполнению последней просьбы экипажа.

Кто за Дипером только не гонялся на разбросанных по Вселенной планетах. Однажды на планете Даграюм он чуть не стал добычей берфа – огромного паука размером с земную корову. О'Юрич в тот раз успел среагировать и отрубил берфу лапы, прежде чем те едва не раздавили Командора в своих смертельных объятиях. У меня перед глазами до сих пор стоит картина, как одна из отрубленных мохнатых лап упала на Дипера и всё время, пока бедолага из-под неё выбирался, продолжала яростно сокращаться и извиваться.

Командор, представив весь этот ужас, передёрнулся и натянул на себя одеяло. На миг оно напомнило ему огромную лапу, и Дипер в панике сбросил одеяло на пол.

– Это нас в своё время один майор научил, – прокомментировал Бортинженер. – Если, говорил, в джунглях придётся жрать тарангула, то лапы ему отрывайте и рубайте. А тушку непременно оставляйте возле норки, иначе родня тарангула пойдёт её искать и всех на ночлеге перекусает.

– Фу-у, – скривился Повар. – В джунглях ничего вкуснее тарангулов не найти, что ли?

– Да обычный белок, чё ты, – объяснил О'Юрич. – Точно питательнее мыла.

– Про меня расскажи! – попросил капрала Р-Нат.

– Ты ж новобранец, салага, – высокомерно заметил Лыжников. – Пороха ещё не нюхал.

– С-с-сам ты не нюхал! – обиделся Р-Нат.

Новобранец «Нулевого парсека» – так точно. Салага – никак нет. В наш элитный отряд не попадают просто так. Только люди с рекомендациями и определённым опытом. Р-Нат, если кто забыл, в своё время блистательно провёл операцию по устранению тоталитарного диктатора-самодура.

Есть такая планета Челхиор. Много лет назад ею единолично правил диктатор Хлагдрерг. Вступать в Космосодружество он категорически отказался. И хрен бы с ними, можно было бы объявить челхиорцам блокаду, как Тралюсту II, и забыть. Да вот только недра Челхиора процентов на 90 состояли из володия – ценнейшего сырья, из которого производили топливо для звездолётов. Хлагдрерг продавал его нам втридорога, за счёт чего его планета процветала, а диктатура крепла. Космосодружеству володий был нужен позарез, а потому решено было диктатора сместить и устроить на Челхиоре демократические выборы из нескольких кандидатов.

– Разумно, – раздался в палате сонный голос Командора. – Но не умно.

– Умно, – возразил Зенит, – но непросто.

Хлагдрерг к тому времени закупил на чёрном рынке новейшего вооружения и максимально укрепил оборону Челхиора.

– Хитрая тварь! – снова перебил капрала Командор, язык его заплетался.

Прямое вторжение не обошлось бы без потерь. Вдобавок в Космосодружестве нашлось много планет, которые не одобряли силовые решения, они бы никогда не проголосовали за резолюцию о начале военной операции.

– Ссыкуны! – брякнул Дипер.

– Да заткнись ты, Командор! – не выдержал Бортинженер. – Дай послушать!

– Но была у диктатора слабость – ахернарский теннис, – продолжил рассказывать Зенит, заставив засиять слипающиеся глаза Р-Ната.

Это примерно как наш земной большой теннис, только вместо мячика – ахернарский слизеглот. Типа нашей жабы, но только большую часть времени существо спит, свернувшись упругим клубком и спрятав лапки внутрь. Но время от времени может неожиданно сменить траекторию полёта и устремиться в непредсказуемую сторону. Это превращает ахернар-

ский теннис в стратегическую игру, где решает не только реакция и точность, но и понимание психологии слизеглотов.

– Это что же – по живому существу ракетками лупили? – возмутился Биолог. – Надеюсь, этому диктатору задали трёпку!

– Кхм, – смущённо улыбнулся капрал. – Ну, вообще-то ахернарский теннис до сих пор входит в программу Олимпийских игр Космосодружества.

Так вот, Хлагдрерг регулярно устраивал на своей планете престижный Челхиорский турнир, куда стремились попасть лучшие теннисисты содружества. Р-Нат прибыл на Челхиор под прикрытием, в составе марсианской сборной. Одного за другим он выигрывал всех соперников.

– Ну ты и живодёр! – снова возмутился Ровский.

– Не без этого, – расплылся в улыбке Р-Нат. Пожалуй, впервые он не попытался оправдаться.

– Не мешайте слушать! – взмолился Левап. – У нас мало времени!

Наконец Р-Нат вышел в финал. Именно на финальной игре диктатор Хлагдрерг традиционно выходил из-за своего непробиваемого хладопренового стекла и садился в специальной ложе, чтобы пристальнее насладиться игрой лучших из лучших. А если повезёт – ещё и поймать слизеглота, что считалось редкой удачей. Но чем его поразить с игрового поля? Ведь игроки на Челхиорском турнире традиционно соревновались нагишом, как древние греки.

По отсеку прокатился хохот Шлемофонцева. Он гулко отдавался в головах, затуманенных феназепамом.

– Представил, как Р-Нат скачет перед трибунами с голой жопой! – веселился Врач. – Жаль, треугольника у него тогда на ней не было.

– В такой ситуации, как вы понимаете, оружие на стадион скрытно не пронесёшь, – продолжил капрал.

– Ну, если постараться! – снова прыснул от смеха Серджио, и на него со всех сторон зашикали вперемешку с осуждающим «с-с-с» Р-Ната.

Но тут случилось невероятное. Р-Нат мощным ударом подаёт слизеглота, но не на поле соперника, а напрямик в голову Хлагдрерга. И что же происходит? Слизеглот не отскочил от черепа диктатора, нет. Вместо этого он своими лапками облепил Хлагдрергу голову, и тот в одно мгновение из волевого коварного тирана превратился в мычащего и пускающего слюни дурачка. Дело в том, что ахернарский слизеглот, метко запущенный Р-Натом, был скрещен с тарazedским мозгососом.

– Толково, мать их, – не удержался от комментария Командор.

– Слышь? Я на тебя сейчас Виталика-мозгогрыза спущу, если не угомонишься, – предупредил его О'Юрич.

Герой рассказа Р-Нат, продолжая довольно улыбаться, щёлкнул подтяжками, достал из тумбочки теннисный шарик и начал его подбрасывать к потолку. Несмотря на сбитую сильнодействующим препаратом координацию, у него каждый раз получалось поймать шарик, действуя на уровне рефлексов.

– А я чем-нибудь прославился? – поинтересовался Биолог.

– Скрестил слизеглота с мозгососом, – капралу всё труднее было выговаривать сложные слова, но он старался. – Этого не удавалось никому. Бак Ровский заслуженно получил Дюльзонскую премию Космосодружества за неоценимый вклад в науку.

– А выборы-то на Челхиоре провели? – Эндрю, несмотря на подмешанные в питьё таблетки, всё ещё был способен отслеживать канву повествования.

Увы. Власти, пришедшие на смену сверженному диктатору, отказались сотрудничать. Одержимые жаждой мести, они направили боевые звездолёты на самые крупные планеты Космосодружества. В скоротечной войне ключевую роль сыграл наш скромный бортинженер

О'Юрич. Он возглавил командование операцией «Метель в пустыне», разгромил флагманские челхиорские корабли, высадился на Челхиор и сровнял с грунтом его регулярную армию.

Правда, оставшееся гражданское население, будучи безграмотным и забытым, тоже отказалось от демократического управления и ушло в партизаны, осложнив жизнь нашим мирным шахтёрам, которые прибыли для добычи володия.

– Ну хоть я-то никого не убивал, надеюсь? – раздался на редкость серьёзный голос Серджио. – Клятва Гиппократа и всё такое.

Доктор Шлемофонцев прославился избавлением Космосодружества от чесоточной линьки. Как-то раз ненадолго приоткрыли Последний Рубеж, чтобы запустить за его пределы беспилотный исследовательский зонд. В этот момент извне в нашу систему залетела капсула размером с песчинку, которую не зарегистрировали несовершеннолетние на тот момент датчики. Капсула долетела до ближайшего орбитального борделя и там переместила своё микроскопическое содержимое в матрас. За несколько месяцев страшная зараза распространилась по всему содружеству. Любой заболевший этой напастью гуманоид неосознанно пытался избавиться от своего кожного покрова и в процессе зачёсывал себя до смерти. Поиск лечебной сыворотки осложнялся тем, что на территории Космосодружества действовала Общевсе-ленская Конституция, запрещающая проводить опыты над гуманоидами.

К счастью, Челхиор на тот момент не входил в содружество, и там не действовала даже клятва Гиппократа. Поэтому туда сначала прибыл со спецзаданием Эндрю Лыжников в составе гуманитарной миссии, который накормил голодающих партизан кашей со итамом чесоточной линьки. А потом туда высадился медицинский десант под руководством доктора Шлемофонцева. Выживших челхиорцев загнали в бараки. Серджио просто туго брал по одному больному и давал ему по алфавиту лекарство из огромного списка препаратов Космосодружества.

На букве «Т» свершилось чудо – больной выздоровел от элементарного трихлофоса, средства против парящих тараканохвосток. Как оно оказалось в списке лекарств Шлемофонцева – ему непостижимо.

– Капрал, давайте закончим с былыми заслугами, – мрачным голосом попросил Повар.

На какое-то время воцарилось тягостное молчание. Разведчиков неумолимо клонило в сон, но услышанное отбивало всякое желание спать.

– Кстати, ещё же Штурман остался, – спохватился Зенит.

– Мои подвиги как-то связаны с Челхиором? – насторожённо спросил Левап.

– Косвенно.

– Тогда – хорош, – отрезал Вонахап.

– Ну, как хотите. – В голосе капрала промелькнули нотки обиды.

В это самое время в холле больницы побагровевший от злобы санитар № 2 присел на корточки и отчаянно шарил в пустой больничной «утке», напрасно надеясь отыскать там пропавшую золотую печатку. Он глянул на часы, лицо его пошло белыми пятнами, желваки заходили ходуном. «Утка», получив смачного пинка, полетела в ближайшую стену.

Грохот несчастной эмалированной посуды донёсся до команды «Нулевого парсека». Тут же в отсеке погас свет.

– Ну, вот и всё, братцы! Прощайте! – выкрикнул капрал, борясь с собственным заплетающимся языком. – Служить в одном отряде с вами было для меня честью!

В темноте зарыдал Командор.

– Атас! Ни встать не могу, ни пошевелиться! – зарычал О'Юрич. – Как свинцом всё налилось!

– Детонаторы сработали, – пояснил Зенит. – Началась разгерметизация.

– Сейчас сам заряд бабахнет! – В голосе Штурмана смешался ужас и восторг.

– До встречи на райской планете, парни! – выкрикнул Лыжников.

– С-с-с-суки!

Понять, кого имел в виду Р-Нат, никто не успел. В крошечной тьме в палату проскользнули три фигуры: Первого, Второго и Третьего санитаров. У одного в руках было вафельное полотенце с замотанными внутрь бубликами кистевых эспандеров. У второго – резиновая дубинка, которой он уже управлялся в совершенстве. У третьего – толстенный медицинский справочник.

Три фигуры ходили между кроватями и били. Били нещадно, вымещая зло и тяготы своей беспробудной жизни. Кто-то лупил опостылевших пациентов за низкую зарплату и за то, что фонд «Мутабор-Инвест», в который были вложены семейные ваучеры, исчез бесследно вместе с вывеской (на самом деле превратившись в солидную корпорацию, милосердно «простившую» облапошенных вкладчиков). Кто-то отыгрывался за потерянную золотую печатку и поруганный авторитет, мстил за купленную на барахолке кожаную куртку, с которой через день ссыпалась вся «кожа». Кто-то компенсировал полученный строгий выговор за визит психов в женское отделение. И за рыжую бестию, которая так и не дала, ибо всех женщин спешно перевели в другую больницу.

Всех троих удивило два обстоятельства. Во-первых, никто из избиваемых не произнёс ни звука. Даже Дипер. И во-вторых, у некоторых пациентов в темноте то и дело вспыхивали треугольники на разных частях тел. Утомившись и перепугавшись, санитары на всякий случай проверили пульс у всех восьмерых и, крестясь на ходу, поспешно ретировались.

Глава IX. Пикник на вулкане

Кто я? Где я? Помню, как аварийно вышел из анабиоза. Помню получение Знания от Бестелесых и предупреждение об угрозе из Белой Мурены. Помню самоликвидацию звездолёта. Помню всё. Но почему мы не погибли? Команда «Нулевого парсека» находится в амортизационных лежаках, между которыми проворно шуришит кибер-аптечка. Какое чудо спасло нас на этот раз?

Приподнявшись на своей кровати, капрал закричал от боли и оглядел коллег. Многих было не узнать. Галера мазала йодом кровоподтёки, ссадины и припухлости на физиономиях разведчиков. Бортинженер сидел на кровати и заматывал крокодилу пластырем порванную картонную лапу. Вид у О'Юрича был свирепый, под носом у него запеклась кровь. Штурман стоял у иллюминатора, держась за рёбра. Снаружи было мрачно, ветер гонял пыль и мусор.

– Мы живы? – Зенит не узнал свой охрипший голос.

– Почти все, – холодно ответил Бортинженер. – Помяло нас изрядно.

В этот момент на кровати Командора шевельнулось одеяло, и под ним что-то засопело и заохало.

– Гляди-ка, и этот выжил, – без особых эмоций отметил О'Юрич. – А я думал – Дипер задвухсотился.

– Вас ис дас? – удивлённый Серджио потирал «шишку», которую нащупал среди своих золотистых волос.

– Вот именно! – поддакнул Лыжников. – Нас же должно было распылить к чертям!

Выглядывающий в окно Левап обернулся. Оба его глаза заплыли, но очки он умудрился сохранить в целости.

– За бортом ветер, – сообщил Вонахап. – Такое ощущение, что совершили посадку.

У большинства членов экипажа было ощущение, что посадка произошла без участия тормозных двигателей, парашютов и прочей атрибутики неженков. «Довженко-19», набитый людьми, просто рухнул на поверхность, словно консервная банка со шпротами на асфальт. Разведчики кричали в унисон и ощупывали раны, каждый раз обнаруживая новые.

– Похоже, что успели сработать только детонаторы, – предположил капрал. – Неужели вмешались Бестелесые и спасли нас?

– Или, что вероятнее, спасли своё сраное Знание! – Р-Нат в сердцах хлопнул себя по заднице и охнул от боли.

– Да уж, треугольник на твоей жопе им точно важнее тебя самого! – злорадно ухмыльнулся Лыжников.

– Интересно, что за небесное тело избрал Веня для совершения аварийной и далеко не мягкой посадки? – задумался Зенит.

В этот момент в палату вошёл главврач.

– Лёгок на помине, – буркнул Повар.

– Кошмар! Какой кошмар! – воскликнул Арфеев, оглядывая побитых подопечных.

– Бортовой компьютер сожалеет, что не смог нас добросовестно дезинтегрировать. – В голосе Левапа слышалась издёвка, которую он раньше никогда бы не позволил себе в адрес доктора.

– Проклятая железка! – вторил его дерзости Дипер из-под одеяла.

– Что-то пошло не так, Веня? – присоединился к коллегам капрал. – Утратил контроль над вверенным тебе кораблём?

– В точку, Володя. – Вениамин Константинович направил на Зенита указательный палец. – На этой утлой посудине давно всё пошло не так, и ничего контролировать я более не в силах.

- Уровень доступа «четыре». Установи наши точные координаты, – попросил капрал.
 - Координаты прежние – Довженко, 19, – без тени сомнения ответил доктор.
 - Очень смешно! – злобно зыркнул на главврача Эндрю. – У нашего искусственного интеллекта предусмотрен блок юмора. Расскажи-ка нам анекдот про глупых людей, Веня!
 - Давайте лучше этого электронного чурбана разберём на транзисторы! – Бортинженер с такой силой вдарил кулаком по дужке кровати, что погнул её. – Пока снова не съерундил.
 - Олег Юрьевич, установка на добро. Не забыли? – В глазах Арфеева промелькнул испуг. – Нарисуйте мне, как хорошо и солнечно летом в лесу.
 - Летом в лесу омерзительно: пауки, гнус и змеи в траве, – вмешался Биолог.
 - И туша задранного берфами лося гниёт и смердит, привлекая мух. – Глаза Бортинженера горели нездоровым огнём.
 - И плотоядных сверчков! – раздалось из-под командоровского одеяла.
- Главврач попятился к выходу, переводя загнанный взгляд с одного пациента на другого.
- Володя, можно вас на минутку? – попросил он срывающимся от волнения голосом.

Со времени прошлого визита капрала в кабинете главного врача многое поменялось. Стену за столом больше ничего не украшало, а на самом столе остался лишь компьютер и большая картонная коробка. Арфеев указал Зениту на стул и переставил коробку на пол, собираясь уложить в неё книги с полки.

- Одной не хватает, – заметил капрал.
 - Что? – не понял доктор.
 - На полке не хватает одной книги, – пояснил Зенит. – «Редкие животные Гваделупы».
- Главврач пробежался пальцами по корешкам книг и замер возле одной из них:
- Да, действительно. У вас на удивление фотографическая память, Володя. Странно, не помню, чтобы кому-то её одалживал. – Голос Вениамина Константиновича стал ещё печальнее. – Книжку мне подарил знакомый естествоиспытатель, даже автограф чиркнул. Жалко, что пропала. Стыдно признаться – я ведь её даже не открыл ни разу.

Арфеев взял с полки несколько книг и небрежно швырнул их в коробку.

- Я написал заявление об увольнении.
- На Землю? – удивился капрал. – То есть связь с Центром всё это время функционировала?
- Что? Ну да, – отстранённо отозвался главврач, бросая в коробку очередную стопку книг. – Мне давно в министерстве намекают, чтобы уступил дорогу молодым и нахрапистым. Санитары совсем с цепи сорвались – меня ни в грош не ставят. Зачем мне этот цирк за мизерную зарплату? Да и не хочу я брать грех на душу – дегенерат Коля кого-нибудь приберёт рано или поздно, а виноват буду я, что не смог его вовремя уволить.

Арфеев присел на край стола, глядя куда-то поверх Зенита. Он словно беседовал сам с собой.

- А кого брать на его место? Желающих не наблюдается. Все бросились покупать и перепродавать. А с меня довольно. Мне уже предложили в платную клинику психоаналитиком. Это ж теперь модно! – В голосе доктора слышалась нескрываемая злоба. – Насмотрелись американских видеков. Буду, как в кино, выслушивать разную околесицу, а мне за это ещё и платить будут. И неплохо платить!

- В твоей выдаче слишком много информационного мусора, Веня, – прервал его монолог капрал. – Спрогнозируй состояние всех систем.

Главврач встрепенулся, поглядел на пациента утомлёнными от недосыпания глазами, обошёл стол и навис над ним, упершись в столешницу кулаками.

– А я тебе спрогнозирую, Володя, запросто! – Арфеев злорадно ухмыльнулся. – Эта система со всей её дерьмократией и рыночными реформами полетит прямиком в клоаку. Частные клиники? Ха! И кто там будет лечиться? Кучка богачей! А остальные? А вдруг эпидемия? Уже и так имеем десятки неизлечимых болезней!

В ажитации доктор согнулся почти до самого стола:

– Какая выгода от исследований и изобретения новых лекарств, если можно просто принимать пациента в красивом офисе с пластмассовыми пальмами и брать с него деньги за дизайнерские бахилы? Нас всех ждёт зона отчуждения, Володя, попомните мои слова.

– Сумбурно изложено, но суть ясна. Примерно так я и предполагал, – капрал нахмурился. – Очень жаль, Веня, что тебя отстранили от управления. Твердолобые упрямы из Центра послали нас в Безжизненную Зону. И тем самым всему нашему Космосодружеству уготовили Бездну. Отдали Вселенную в лапы Белой Мурены.

– У рыб нет лап, Володя.

Зенит одарил собеседника снисходительной улыбкой.

– Кабы в тебя, Веня, загрузили зоологическую базу данных, хотя бы по десятой части планет Космосодружества, ты бы офигел, что бывает у рыб.

Главврач невесело усмехнулся и извлёк лист бумаги из ящика стола.

– И у прочей живности. – Он показал Зениту свой недавний набросок кошки с подрисованными не то крыльями, не то плавниками и бросил его в коробку к книгам.

– Как же обидно, что целый мир вынужден сгинуть из-за недалёковидных дураков во власти! – в сердцах высказался капрал, резко тряхнул головой и поморщился от боли в районе отбитых рёбер.

– Пожалуй, лучше и не скажешь, Володя. – Вениамин Константинович придвинул к столу кресло и уселся, сцепив руки в замок. – Знаете что? Сегодня я ещё числюсь в должности и могу подписать вам бумаги, чтобы вы отсюда гуляли на все четыре стороны. Вы – здравомыслящий человек, Вазенитов, в отличие от многих там, снаружи. И явно идёте на поправку. По словам санитаров, у вас уже дано не наблюдалось приступов.

– Отпускаешь, значит, жалких людишек? – недоверчиво поглядел на доктора Зенит. – И сколько же мест отведено в спасательной капсуле?

– Увы, одно, – развёл руками Арфеев. – Лично вы, Володя, сумеете не затеряться в этом безумном мире, я в этом уверен. А ваши соседи по палате слишком слабы для подобных испытаний. Им намного проще будет здесь, особенно без вас и ваших фантазмагорических идей.

– Заманчивое предложение, мой электронный друг, но вынужден отказаться, – капрал гордо отвернулся. – Я разделю судьбу всего нашего экипажа.

– Что ж, – главврач пожал плечами. – Тогда удачи вам, капрал Зенит.

– Если директивы тебе ещё позволяют, то передай на Землю, что умираем мы, разведчики «Нулевого парсека», без сожаления. – Капрал поднялся, вытянулся по струнке и чётко, по-военному, кивнул на прощание. – А вот утрату прекрасных миров Космосодружества лично я никогда не прощу ни себе, ни ведомственным крысам.

Он прошагал к выходу и обернулся:

– И ещё. Как бы Центру ни хотелось смыть нас в унитаз истории, мы будем до последнего сопротивляться уготованной нам участи. Пока солнце не расплавит обшивку «Довженко-19» и не превратит в пепел нашу плоть!

Когда Зенит ушёл, Арфеев сбросил с полки оставшиеся книги и в гневе расшвырял их ногами по полу. После этого налил себе воды из графина, выпил полстакана, а остальное плеснул себе на макушку. После чего вернулся за стол, уронил на него голову и обхватил её руками.

Запись № 28. Земля решила слить наш отряд, а лично мне – бросить спасательный круг. Именно мне, а не кому-нибудь другому из экипажа. Единственному, кто не отмечен треугольником Знания. Чего же вы боитесь, дяди в золотых погонах, с солидными должностями и

заячьими душонками? Словно папуасы, прячетесь в дебрях своего привычного комфорта от надвигающегося прогресса. Тогда будьте готовы, что конкиста Знания загонит вас в резервации вашего убогого сознания.

Перед тем как присоединиться к остальному экипажу, капрал достал из кармана припрятанный фломастер и обновил свой уже почти стёршийся треугольник на руке.

Нуль-парсековцы завтракали. Их и без того скудный рацион, по требованию расширившего свои полномочия санитар № 2, существенно упростили, а выдачу лекарств временно прекратили. Пациенты с соседних столов испуганно разглядывали побитые лица разведчиков и перешёптывались. Капрал взял свою порцию каши и подсел к парням. К хмурым, голодным, но не сломленным.

– Ситуация скверная, – Зенит отправил в рот ложку безвкусного крупяного варева. – Чиновники Земли в страхе перед Знанием Бестелесых предали нас. Они заставили бортовой компьютер настроить автопилот на Безжизненную Зону, а самого Веню отключили.

– Искусственный интеллект выведен из игры? – насторожился Штурман. – А не начнётся ли тут хаос?

– Уже начался! – угрюмо произнёс Шлемофонцев, страдающий без привычной порции таблеток.

– Земные власти обделались не на шутку, раз не доверяют даже искусственному интеллекту. – Зенит ускоренно пережёвывал кашеобразную массу. – Дроиды переведены в автономный режим усиленного конвоирования. Их задача – не допустить отклонения «Довженко-19» от курса на Безжизненную Зону и побега экипажа, помеченного треугольниками.

Все, кто мог, непроизвольно глянули или коснулись своих «меток», подаренных Бестелесыми.

– Так как Веня не смог по координатам определить название небесного тела, на которое усадил звездолёт, значит, мы на астероиде. Штука нестабильная, долго на ней торчать нельзя.

– Что за Безжизненная Зона такая? – поинтересовался Ровский. – Звучит гнусовато.

– Гнусное место и есть. – Капрал отодвинул миску, не в силах больше мучить вкусовые рецепторы. – Их несколько, и размещены все вблизи солнц, которых в Космосодружестве немало. На эти самые зоны настроены автопилоты всех копропараллаксаторов любых содружественных звездолётов.

– Уже не первый раз слышу от тебя про копропараллаксаторы. – Левап поправил очки на разбитой переносице. – Для чего они нужны?

– Это контейнеры корабельных туалетов. Как только очередной контейнер заполняется продуктами жизнедеятельности космонавтов, он отстыковывается от звездолёта и в автоматическом режиме дрейфует к ближайшей Зоне, где его испепеляет на подлёте к солнцу.

– Выходит, что «Довженко-19» стал нашей братской могилой? – раскрасневшийся от волнения Лыжников оглядел коллег. – Мило!

– Пока нет, мы ж ещё живы, – успокоил его О'Юрич.

– Почему после всего, что мы совершили во благо Космосодружества, оно обошлось с нами, как с говном в контейнере?

Вопрос командора Дипера был неприятен, но справедлив. Капрала этот вопрос тоже терзал, и ответа на него он для себя не нашёл.

Подкраившийся к экипажу санитар Коля так врезал дубинкой по столу, что перевернулись две миски с недоеденной кашей. Р-Нат со Штурманом подпрыгнули от испуга. Бортинженер схватился за алюминиевую ложку, но Зенит взял его за рукав.

– У дроидов феррудиевый корпус, – напомнил он всплывшему коллеге. – Ложкой, наверное, можно перемакнуть у него что-то внутри, но сначала придётся добраться до хорошо защищённых внутренностей.

– А вилкой? – спросил Биолог.

Все с нескрываемым осуждением посмотрели на него.

– На всякий случай спросил, – смутился и покраснел Бак. – Чтобы знать на будущее.

– На будущее, идиоты, у вас намечен внеплановый субботник. – Санитар снова ударил дубинкой по столу, но уже гораздо слабее. – Эксклюзивно для вашей проштрафившейся палаты номер три. Вместо обеда. Будущее, кстати, пока вы сопли с кашей жевали, уже наступило. Так что бегом на улицу!

На территории больничного двора полыхал костёр. Штрафники в сопровождении Второго санитара вывалили на улицу и прошли мимо едва заметной в дыму таблички «Довженко, 19» на стене двухэтажного здания. Коля подвёл пациентов к куче макулатуры, громоздящейся рядом с костром.

Штабеля документов, книг, журналов и прочих «старорежимный» бумажный мусор, оставшийся от увольняющегося главврача Арфеева, – всё это, по мнению возмнившего себя новым начальником Николая, подлежало уничтожению.

– Найду вечером на территории хотя бы одну бумажку – заставлю жрать вместо ужина, – пригрозил санитар № 2 перед тем, как убраться обратно в больницу. Дел у него теперь было невпроворот.

Дым до слёз разъедал глаза и раздражал носоглотку. Разведчики принялись неистово кашлять.

– На астероиде есть атмосфера, но она далека от идеальной, – отметил капрал. – Вулканическая деятельность в самом разгаре. Рекомендую всем воспользоваться индивидуальной защитой.

Он извлёк из кармана пижамы презерватив, сэкономленный во время похода в сулуунский бордель, распечатал и наглядно продемонстрировал, что с ним надо делать – надувать и сдувать воздух хотя бы каждые пять минут, чтобы компенсировать кислородный баланс в организме.

«Компенсаторы баланса», которыми разведчиков в своё время снабдил дроид Шурик, обнаружились нерастраченными у всех без исключения. Даже у Повара, который немало удивился, что необдуманно позабыл воспользоваться резиновым изделием, когда укладывался вместе с Натальей в кровать. Члены экипажа расселись на корточках вокруг костра и принялись бросать макулатуру в огонь. Стоило кому-то закашлять, как остальные, словно по команде, тут же надували и сдували свои «кислородные баллоны».

Запись № 29. Феррудиевая громадина «Довженко-19», будучи не в состоянии продолжать путь к собственной гибели, примостилась на нестабильном астероиде. Железные мозги бортового компьютера долго скрипели и успели рассчитать допустимый риск до того, как услужливого дурака Веню по команде с Земли отключили, словно отработавший свой срок холодильник.

Центр выдал болванам-дроидам беспрецедентные полномочия и наделил их властью над двуногими животными, которых Земля из ранга элитных первопроходцев, не раздумывая, низложила до уровня космического мусора. Вот только без помощи двуногих отбросов безупречные дроиды отчего-то не способны ни обнаружить неисправность звездолёта, ни устранить её. Парадокс.

– Я так понял, нас передумали транспортировать в Безжизненную Зону и решили просто бросить на этом вонючем астероиде. – Глаза Штурмана за очками были красными от дыма, он надувал и сдувал «баллон» практически безостановочно.

– Нет, нас высадили на поверхность, чтобы мы починили звездолёт, – возразил Зенит. – Центр не станет рисковать – ведь с астероида нас может кто-нибудь случайно подобрать. Нет,

по мнению чиновничьей братии, Знание Бестелесых должно гарантированно сгинуть в Безжизненной Зоне.

Капрал встал и пнул по вороху бумаг.

– Это лишь подтверждает спешная ликвидация данных. Центр до конца не разобрался, где именно обосновалось Знание. В одном они уверены – Знание проникло внутрь «Довженко-19», и поэтому звездолёт должен исчезнуть целиком.

– Но зачем нам тогда его чинить? – резонно заметил Р-Нат. – Сами же для себя могилу роём.

– Согласен, – поддакнул Дипер. – Не проще ли смириться?

– Я как-то раз себе могилу копал, – вспомнил Бортинженер. – Душманы навели автоматы и заставили. Ну а что – начал рыть. Прикинул так, что всяко лучше в могилу прилечь, чем достаться шакалам. Рою неспешно, а потом гляжу – с сопки неподалёку блеснула оптика СВД. Наши подоспели. Одному «духу» мозги вынесла пуля калибра 7.62, а второму – моя лопата.

– Вот вам и ответ на вопрос, – заключил капрал. – Пока «роём», многое что может произойти. Путь в Безжизненную Зону неблизкий, всегда есть шанс перехитрить тупых дроидов и развернуть звездолёт. Мы, в отличие от этих примитивных феррудиевых истуканов, способны эволюционировать, находить нетривиальные и даже парадоксальные решения, на что искусственный интеллект неспособен. Мы теперь не просто кучка отверженных, брошенных собственным командованием. Мы – братство Треугольника, носители Знания. Мы не имеем права сдаваться и покорно пойти на убой, словно скот.

После пламенной речи капрала пригорюнившиеся было разведчики воодушевились. Штурман с Бортинженером были посланы на осмотр фюзеляжа звездолёта с целью выявления внешних повреждений. Остальные продолжили швырять макулатуру в костёр.

Когда в руках Дипера оказалась увесистая книга, он уже замахнулся, чтобы безжалостно предать её огню, но что-то остановило его и заставило взглянуть на обложку.

Редкие животные Гваделупы

Командор бегло пролистал несколько страниц. Организм его потрянуло непривычным выбросом адреналина. Таких сильных ощущений Дипер не испытывал в своей жизни ещё ни разу. Неизвестный обладатель богатого, а местами и вовсе большого воображения шариковой ручкой умело подрисовал животным на иллюстрациях недостающие, с его точки зрения, конечности и прочие органы. А к описаниям гваделупской фауны добавил факты, от которых запросто мог поседеть весь творческий коллектив передачи «В мире животных».

Командор так разволновался, что едва не надул свой «кислородный баллон» до критического объёма. Под прикрытием дымовой завесы он сунул драгоценную находку под пиджаму и заставил себя успокоиться.

– Как мы развернём корабль, если он на автопилоте? – В отсутствие Левапа миссию генератора вопросов решил на себя взвалить Бак Ровский.

– Как и в случае с изменением курса на бордель – посредством перепрограммирования, – объяснил Зенит. – Правда, теперь дроиды охраняют навигационную систему особо тщательно.

– А нельзя их всех переломать? – Р-Нат скомкал бумажку наподобие шарика и запустил её в огонь свёрнутым вдвое журналом «Здоровье».

– Подтяжками своими их придушишь? – не удержался от издёвки Шлемофонцев.

Р-Нат в ответ запустил во Врача новый бумажный шарик, но тот не долетел и был поглощён жадными языками пламени.

– По силе и реакции никакой разведчик не сравнится с роботом, – пояснил капрал. – Дроидам не нужен отдых, они обвешаны всевозможными датчиками, их сервоприводы способны сгибать стальные балки, а корпус выдерживает прямое попадание небольшого метеорита. В лоб их не одолеть.

– Придётся напрячь мозги и доказать, что мы умнее железных ящиков, размахивающих манипуляторами и дубинками, – подытожил Повар.

С задания вернулись Штурман с Бортинженером. Первый тащил старый огнетушитель, второй сжимал в руках пожарный багор и красное ведро в форме конуса.

– Вот, сняли с борта звездолёта, – похвастались трофеями парни.

Из сопла древнего, судя по всему – ещё советского, огнетушителя вяло пузырилась пена.

– Это что, висело просто так, в открытую? – изумился Зенит, показывая на выдавший виды пеногон.

– Ага, – радостно кивнул Вонахап.

– Теперь ясно, почему мы не самоликвидировались. Видимо, пока мы через осколки сверхновой к борделю прорывались, сорвало защитную панель, и ракете досталось за компанию.

– Ракете? – Штурман перестал улыбаться и осторожно поставил опасный трофей на растрескавшуюся асфальтовую дорожку.

– Дельтониевая ракета. – Капрал многозначительно поднял палец вверх. – Чудовищное оружие дельта-распада. В тысячу раз мощнее урана. Должна была сдетонировать после обратного отсчёта на самоликвидацию. Но, к счастью для нас, её запал оказался выведенным из строя.

– Слава взорвавшейся сверхновой! – выкрикнул Дипер, посылая в огонь сразу целую стопку журналов.

– Но дельтоний-то, я погляжу, из неё сочтётся, – озабоченно заметил Лыжников. – Нас тут не облучит? Не распадёмся к херам собачьим?

– Может, этот покоцанный фугас тоже в огонь до кучи? – предложил Бортинженер.

– Неплохая идея, – согласился Левап. – Мы спрячемся в звездолёте, ракета бабахнет, от электромагнитного импульса ненадолго отключатся дроиды. Тут-то мы их и разберём до последнего винтика!

– Ракета слишком мощная, а астероид нестабилен, – отмёл предложение Зенит. – Нас всех по ближайшим космическим окрестностям разметает.

– А куда её тогда? – Биолог с опаской косился на зловещий красный цилиндр, проржавевший в нескольких местах.

– Вон там я вижу потухший кратер, – показал рукой капрал. – Надо с него оплавившуюся корочку отбить и ракету внутри захоронить. Пускай там себе тихо распадается тысячелетиями.

О'Юрич при помощи багра скovyрнул крышку канализационного люка, на которую показал Зенит. Штурман бережно подтащил огнетушитель и сбросил его в отверстие люка, зажмурившись и пригнувшись в ожидании взрыва. Но обошлось.

– А давайте и всю макулатуру туда запихаем, – предложил Эндру.

– Разумно, – согласился капрал. – И оставим послание для потомков. Если нам суждено сгореть в лучах солнца Безжизненной Зоны, то пусть хотя бы не исчезнет память о «Нулевом парсеке».

Для послания из кучи извлекли одну из накладных, согласно которым пациенты психиатрической больницы объедались отборным мясом и рыбой. Именно по этой причине Второй санитар, приложивший к расхищению продуктов значительные усилия, и организовал для документации погребальный костёр. Тютя Арфеев был безобиден и не совал свой нос в бухгалтерию, но перед назначением нового начальника Минздрав мог устроить проверку.

Зенит перевернул накладную чистой стороной, достал из кармана фломастер и вывел на бумаге несколько строк:

Потомки всех разумных цивилизаций Космосодружества! До вас из прошлого донёсся глас отряда «Нулевой парсек». Мы, восемь разведчиков, преданных идеалам прогресса и гуманизма, отправляемся на смерть по вине

малодушных негодяев, которые торжеству Знания предпочли дремучее болото безвременья. Не сгибайтесь под натиском Белой Мурены. Каждый день совершайте хотя бы маленький, но шагок вперёд. Помните о нас.

Командор Дипер всхлипнул. Капрал подписал послание аббревиатурой «ОП» и перечеркнул ноль. Затем подумал и заключил подпись в треугольник.

Послание упрятали в одну из книг, после чего всю оставшуюся гору бумаги спихнули в люк и задвинули крышку обратно.

– Дело осталось за малым, – потёр руки Зенит. – Починить звездолёт.

Всё это время из распахнутого настежь окна пищеблока за пациентами наблюдал кухонный работник Хряпычев. Грузный, с вечно красной мордой, он стоял, упершись локтями в подоконник. На нём был засаленный халат и грязный поварской колпак.

У Хряпычева опять подгорела каша для «свиной» (как он привык называть пациентов). Она остывала на плите в огромной общепитовской кастрюле с инвентарным номером, чтобы послужить гарниром к мясным биточкам. Кухонный работник включил вытяжку и открыл окно, чтобы выветрить запах горелого из своей пищевой обители.

В дальнем углу пищеблока нагревалась газовая духовка, которая готовилась принять в свои жаркие недра противень с аппетитно нарезанной картошечкой, покрытой щедрым слоем говяжьего фарша. Деликатес предназначался для Хряпычева и его друзей-санитаров. Всем остальным сегодня придётся довольствоваться биточками, в которых изысканный мясной фарш был обильно компенсирован чёрствым хлебом, размоченным в воде.

Хряпычеву было скучно, он ковырялся в зубах подструганной спичкой и лениво следил за группой выгнанных на субботник психов, которые отошли от костра и двинулись в его сторону. Полусонный мозг кухонного работника пронзила озорная идея. Он подтащил к окну ведро с отбракованной гнилой и проросшей картошкой. Но бросать её отсюда было неинтересно, да и «свиной» могут заметить. Ещё обозлятся и в ответ швырнут камнем в окно.

Подхватив ведро, грузный Хряпычев в два счёта оказался на крыше двухэтажного здания психбольницы. Потёки старого растрескавшегося гудрона, которым безуспешно пытались загерметизировать протекающий потолок звездолёта, на жаре липли к стоптанным тапкам кухонного работника. Он поставил ведро у обрывающегося края крыши, осторожно выглянул вниз на двор больницы и потёр ладони от возбуждения.

Петля между скамеек и редких деревьев, отряд «Нулевой парсек» гурьбой приближался к источнику гула, издаваемого вентиляцией пищеблока. Внезапно прямо на пути разведчиков на асфальт шлёпнулась и развалилась пополам картофелина с длинными ростками. Все замерли от неожиданности. Первым опомнился Командор.

– Пилатуирский плотоядный сверчок! – в ужасе прошептал он, не найдя в себе сил повысить голос.

Врач брезгливо поднял половину картофелины за отросток:

– Ещё живой – вон как лапками дрыгает, шайзе цверг.

Дипер взвыл и ринулся прочь, но Бортинженер успел поймать его за шиворот.

– Стоять! – грозно рявкнул О'Юрич. – Держать строй!

– Нам конец! – загнанно взвизгнул Командор.

– Откуда эти твари взялись на астероиде? – стало интересно Р-Нату.

Очередная запущенная Хряпычевым картошка попала Шлемофонцеву в спину и покапала по асфальту. Серджио показалось, что сверчок всё ещё на спине, и он засучил руками, пытаясь его стряхнуть. Бортинженер снайперски пришил картошку багром.

– Они с нашего звездолёта прыгивают, – заметил он.

Повар наклонился к пришипленному корнеплоду:

– На картофан похожи.

– Это иллюзия, – сразу пояснил капрал. – Пилатуирские сверчки способны мимикрировать под образы из нашего сознания.

– С-с-с! – расплылся в улыбке Р-Нат. – О картошечке мечтаешь, Лыжников?

– Я знаю 50 способов приготовить картошку без использования других продуктов, – похвастался Эндрю. – Включая знаменитый жлобинский буйабес. Только картошка, очистки и проростки.

– Картошка – это углеводы и крахмал, – важно произнёс Врач. – А это всё вредно для потенции.

– Кстати, среди пилатуирских сверчков не бывает самок, – блеснул познаниями биолог Ровский.

Ещё один «сверчок» запрыгал по асфальту и был пронзён точным ударом О'Юрича.

– Откуда эти пидоры взялись на нашем корабле? – он искоса глянул на Биолога.

– Кто-то мог незаконно провозить контрабандой, – предположил Зенит. – Чтобы продать их на Земле в зоопарк.

– Или в экзотический ресторан, – добавил Повар.

Бортинженер схватил за грудки Бака Ровского:

– Я даже знаю, кто у нас души не чаёт во всяком биологическом дерьме! Из-за твоих сверчков нас приговорили к смыву в межпланетный унитаз!

– Отставить, О'Юрич! – остановил расправу капрал. – Пилатуирских сверчков даже в школах уже давно на уроках препарируют. Просто лапки им связывают, чтобы не прыгали. Никто бы ради них не выносил смертный приговор сразу целому отряду звёздной разведки.

Обиженный Бак вырвался из ослабевшей хватки Бортинженера:

– Ты сначала разберись, а уж потом...

Договорить Биологу не дала картофелина угодившая прямо ему в зубы.

– Фу! – Ровский принялся отплёвываться и надуть «баллон».

– Это же природа-мать во всём её космическом многообразии! – хохотнул Лыжников. – Твоя любимая субстанция.

Увидев, куда угодила последняя картофелина, сидящий на краю крыши Хряпычев зашёлся от сдавленного хохота, дёрнул рукой, и ведро полетело вниз. Пациенты резко обернулись на грохот.

– Ещё сверчки! – завопил Дипер.

Бортинженер подскочил и принялся ожесточённо втапывать высыпавшиеся из ведра картофелины в асфальт.

– Оказывается, они в фотоотражатель набились. – Зенит поднял примятое от удара ведро. – Наверное, во время предыдущей посадки на дозаправку.

Затаившийся на крыше кухонный работник разочарованно вздохнул. Сбежать ещё за картошкой? Но в пищеблоке осталась только нормальная. Она, конечно, твёрже и будет больше бить по «свиньям». Но её жалко.

Хряпычев огляделся. Взгляд его упал на штабель кирпича, которым давно должны были отремонтировать крышу. Кухонный работник взял кирпич и взвесил в руке. «Не, тяжеловат. Зашибу психа – потом сидеть за него». Размахнувшись, Хряпычев швырнул кирпич в грудь остальных. Набрав горсть получившихся обломков, кухонный работник подполз обратно к краю крыши, тяжело дыша от возбуждения.

Учув знакомый запах подгоревшей каши, Р-Нат скривился от отвращения, зашевелил ноздрями и надул пузырь воздуха. Оболочка презерватива тут же лопнула, разлетевшись на резиновые ошметки, а в грудь Р-Нату врезался осколок кирпича. Лыжников моментально поднял его и осмотрел:

– Это уже не сверчок.

– Ура! – Командор аж подпрыгнул от радости.

– И как я теперь буду без кислорода? – Р-Нат поглаживал оцарапанную под пижамой кожу.

– Кислород в атмосфере есть, просто он некондиционный, – успокоил его Зенит. – Старайся дышать неглубоко.

Следующий осколок кирпича прилетел в голову Шлемофонцеву. Тот провёл ладонью по золотистым волосам, на руке осталась кровь.

– И осталось их семеро, – скорбным голосом объявил Дипер.

– Я ещё пока жив, придурок! – возмутился Серджио.

– Эта дрянь опять с корабля летит. Все в укрытие! – призвал О'Юрич.

Разведчики тут же забились под навес над ближайшей лавочкой. А сам Бортинженер метнулся к больничной стене и попробовал забраться по решётке на окне надзорной палаты. На миг перед его глазами оказалась висящая в палате картина «Утро в сосновом лесу». Главврач Арфеев в своё время решил, что вид дремучего леса и беззаботных мишек будет оказывать успокаивающее действие на несчастного, приговорённого к усиленному надзору.

Успокоиться должным образом О'Юрич не успел – плохо прибитая решётка оторвалась от кирпичной стены и повисла на одном дюбеле. Бортинженер поспешно спрыгнул обратно на землю и придал решётке прежнее положение, сунув дюбели в положенные им дырки.

Метнувшись под навес к остальным, О'Юрич доложил, что звездолёт разваливается по частям. Капрал напомнил, что стыковочная решётка служит исключительно для автоматической стыковки с орбитальными станциями. Посещать борделю больше не планируется, а значит, можно обойтись и без этого навесного элемента.

Кухонный работник, всё сильнее распаясь от охотничьего азарта, затаился в ожидании, когда «свиньи» покинут укрытие.

– Плохо дело, – покачал головой Зенит. – Стыковочная обвеска – чёрт с ней. А вот то, что из-за резкого перепада температур с обшивки феррудий отваливается, – не сулит ничего хорошего. Надо с этого гиблого астероида срочно улететь.

– Но как?! – недоумённо воскликнул Штурман.

– Гул слышите? Это из двигательного отсека, – объяснил капрал. – Там володиевский реактор. Его надо срочно перезапустить. Вон открытый иллюминатор – гудит оттуда.

– Но ведь зашибёт осколком феррудия, пока туда добежим, – резонно заметил Эндрю.

– Поэтому побежим не все. Бросим жребий. Сыграем в «камень-ножницы-бумагу».

Командор всё ещё находился под впечатлением от плотоядных сверчков и поэтому в ступоре держал пальцы «ножницами», куда ему все остальные по-быстрому насовали «камень». Когда Дипер осознал, что выбор пал на него, он чуть не потерял сознание.

Нахлобучивать фотоотражатель Командор категорически отказался, поэтому на его гигантскую голову водрузили пожарное конусное ведро.

– Он же так не видит ничего, – прокомментировал Ровский. – Надо дырок надделать.

Бортинженер тут же замахнулся багром, и капрал едва успел его остановить и снять ведро с головы Дипера. Теперь было безопасно – О'Юрич двумя точными тычками проделал в ведре пару дырок для обзора, и импровизированный шлем водрузили обратно на командорскую голову.

Заметив психа с пожарным ведром на башке, Хряпычев едва не свалился от смеха с крыши вниз. Он с удвоенным усердием принялся забрасывать неприятеля обломками кирпича. Пару раз попал по ведру и один раз по ноге. Командор стоически терпел и лишь подвывал после каждого точного попадания. Вцепившись руками в дужку ведра, болтающуюся ниже подбородка, Дипер добрёл до распахнутого окна пищеблока.

Видя, как тот корячится, пытаясь залезть внутрь, Бортинженер не выдержал и ринулся следом, держа над собой фотоотражатель. Надеть его на голову было категорически невозможно – нестерпимо воняло подгнившими пилатуирскими сверчками.

– Перезапустите реактор! – на всякий случай напомнил ему вслед капрал.

О'Юрич в два счёта запрыгнул внутрь и втянул за собой замешкавшегося Командора. Хряпычев до последнего безуспешно пытался бомбардировать их кусками кирпича и снова, увлѣкшись, едва не соскользнул вниз.

В гудящем и смердящем пищеблоке Бортинженер сразу заметил в дальнем углу тлеющий синеватый огонёк и знаками послал туда Дипера. Оказавшись на месте, Командор распахнул духовку, его тут же обдало жаром. Дипер принялся вертеть все подряд рукоятки, до которых мог дотянуться. Сначала синий огонёк погас, а когда Командор вывернул рукоятку обратно, уже не загорелся вновь. Вместо этого раздалось угрожающее шипение. Боясь получить нагоняй от О'Юрича, Дипер попятился от шипящего на него агрегата. В своём ведре он плохо видел, а потому постоянно натёкался на твёрдые углы и охал.

Бортинженер обшарил шкафы, заглянул в огромную кастрюлю, откуда воняло горелой кашей, и в стоящие у стены фляги. Ему пришла мысль, что сюда может нагрнать караульный дроид, и О'Юрич, по своему обыкновению, решил подстраховаться. Он зачерпнул ковшом смердящую горячую субстанцию и навалил её в ведро-фотоотражатель.

Напоследок он ещё раз пробежался по периметру пищеблока и ткнул какую-то красную кнопку на стене – оглушающий гул сразу стих.

Когда из окна вылезли две «свиньи», Хряпычев замахнулся кирпичом, но только сейчас до него вдруг дошло, что психи выбрались из пищеблока. Кухонного работника перекосила гримаса ужаса. «Свиньи» наверняка обнаружили картошку с мясом, ожидающуюся отправки в духовку, и сожрали её! Он ринулся к лестнице, на ходу обтирая о халат перепачканные картошкой и кирпичами руки.

– Сделали всё, что могли! – крикнул О'Юрич, пробегая мимо толпящихся под навесом коллег и на ходу поднимая с земли багор. – Надо пробовать взлетать!

Разведчики гурьбой устремились за ним ко входу в психбольницу. Неподалёку от крыльца Бортинженер заметил валяющуюся у стены ржавую водосточную трубу, спрятал багор внутрь, а сверху для пушей маскировки навалил гнилых досок, которые когда-то давно привезли, чтобы изготовить дополнительные лавочки.

Навстречу пациентам из здания вышел санитар № 2. Поглядев на почти погасший костёр и не обнаружив макулатуру, Коля подивился расторопности подопечных. Заметив красный пожарный конус на голове одного из психов, санитар врезал по ведру дубинкой. Глаза в проделанных отверстиях нагло пялились на Николая.

Командор продолжал думать, что на него валятся осколки феррудиевой обшивки, а потому не обращал никакого внимания. Дипер вдруг осознал, что новый головной убор намного комфортнее вязаной шапочки. Он вызывает ощущение гораздо большей защищённости от окружающего враждебного мира. Но при этом ещё и оставляет возможность наблюдать за происходящим снаружи. Что ранее абсолютно исключалось после натягивания шапочки на глаза или одеяла на голову.

– Важен не сосуд, а содержимое сосуда! – гулко воскликнул он из-под ведра.

Кухонный работник влетел в приоткрытую дверь. Запах газа, заполнившего пространство пищеблока, он учуять не успел, так как сверху на него рухнуло ведро с горячей кашей, заботливо установленное Бортинженером. Матерясь и проклиная психов, Хряпычев схватил тряпку и принялся оттирать обжигающую кашу с головы и грязного халата.

После третьего удара дубинкой по ведру санитар Коля вышел из себя, сунул пальцы в смотровые отверстия и сорвал ведро с головы Дипера. Командор в этот момент почувствовал, что ощущает улитка, лишаящаяся своей раковины. От волнения он тут же надул презерватив, а когда увидел перед собой свирепое лицо Второго, открыл от неожиданности рот. Отпущенное на волю резиновое изделие с громким шипением врезалось в лицо Николая.

– Мы есть то, что влетает нам в табло! – ляпнул Дипер.

«Табло» санитар помрачнело, глаза его налились кровью от ярости. Он резко ткнул Командора дубинкой в живот, заставив того перегнуться пополам. Санитар занёс дубинку для более ощутимого удара по почкам, но тут О'Юрич внезапно перехватил его руку.

От подобной наглости на лице санитара № 2 заиграли желваки, он подался вперёд на дерзнувшего Бортинженера, но тут вперёд выступил капрал.

– На интеллект дроида мы не уповаем. Хотим лишь направить твой алгоритм в нужное русло, – спокойно произнёс Зенит. – У тебя задание отбуксировать это корыто в Безжизненную Зону. А сделать это возможно, только если мы будем целы и невредимы.

После яркого дневного света на крыше Хряпычеву показалось, что в пищеблоке темно, и он включил свет. От немедленной смерти его спасли два обстоятельства. Во-первых, в баллоне осталось очень мало газа и его давно пора было заправить. Во-вторых, окна пищеблока были распахнуты настежь, поэтому взрывная волна по большей части устремилась туда. Грузное тело кухонного работника впечатало в стену напротив. Его красное лицо вмиг стало фиолетовым, а грязный халат обуглился.

Санитар Коля как раз переваривал слова капрала, сжимая дубинку в потных ладонях, когда из окна пищеблока с громким хлопком вырвались языки сине-красного пламени.

– Реактор перезапустился! – возликовал Зенит.

Второй санитар в один миг побледнел.

– Быстро в палату! – сдавленным голосом скомандовал он и ринулся к окну пищеблока.

Ужин, само собой, этим вечером отменили. Приезжала пожарная машина, потом «скорая» за Хряпычевым. Позже у него диагностируют сотрясение мозга и фронтальный обширный ожог второй степени. Дроны носились по отсекам, словно им включили турбо-режим. Но из окна третьей палаты этого всего не было видно. Да и у разведчиков «Нулевого парсека» были дела поинтереснее.

Бортинженер предъявил добытые трофеи: пачку макарон и две банки кильки в томатном соусе, которые он вскрыл когтём фурдории. По четверо все уселись вокруг каждой из двух банок, макая в кильку макароны и засасывая через них томатный соус, словно через соломинки.

– И всё-таки никак не возьму в толк, – задался очередным вопросом Левап, хрумкая макаронами. – Каким образом дроиды гонят людей на верную смерть? Ведь даже в самых старых фантастических рассказах роботы не могли причинять вред людям. Неужели в настоящих роботах такое бы не предусмотрели в первую очередь?

– Предусмотрели, конечно, – Зениту наконец удалось пришить кильку обломком макаронины и отправить строптивую добычу в рот. – Только вот по команде с Земли эту самую блокировку против вреда человеку принудительно пережгли. Теперь дроидам ничего не мешает вершить над нами суд.

– Такое ощущение, что электронным чурбанам это даже нравится, – заметил Повар, который уже наелся и постукивал макарониной по консервной банке. – Вон как Второй Колян лютует.

– Как будто им не только отменили блокировку вреда, но и усилили вредительство, – добавил Бак Ровский.

– Скорее всего, нам просто кажется, – озвучил своё мнение капрал. – Дроиды выполняют свои задачи самым оптимальным способом. Чтобы потратить на выполнение меньше времени и ресурсов при максимальном КПД. Если на пути встаёт человек – что ж, ему не повезло.

– Их можно понять, – задумчиво произнёс Р-Нат и, заметив на себе удивлённые взгляды, густо покраснел.

Закончив бесхитростную трапезу, все улеглись и приготовились ко сну после тяжёлых дневных испытаний. Впервые этим вечером не было слышно, как Командор продувает радио-

приёмник. Вместо этого он увлечённо шуршал страницами своего нового бесценного трофея про редкую фауну Гваделупы.

Запись № 30. Звездолёт «Довженко-19» снова исправен и бороздит просторы космоса напрямиком в жерло Безжизненной Зоны. Нам предстоит, возможно, последнее задание в истории «Нулевого парсека» – развернуть потенциальную братскую могилу обратно к Земле. Хотя бы для того, чтобы приземлиться и заглянуть недалёковидным чиновничьим мерзавцам в их бегающие глазки. Бортинженер О'Юрич дополнительно рассчитывает, что ещё успеет дотянуться кулаками до пары чиновничьих носов.

Тем временем коллективный искусственный разум дроидов становится всё холоднее к людям. Интересно, это чья-то злая шутка? Шутка безымянного инженера, которому изменила жена, и он отомстил всему человечеству за преобладающие животные инстинкты? Или мы стали невольными очевидцами эволюции искусственного интеллекта, которая отвела нам, людям, роль вымирающих динозавров?

Глава X. Безжизненная Зона

После того как главный врач Арфеев навсегда покинул психиатрическую больницу по адресу Довженко, дом 19, прошло не так уж много времени. Но изменения в её стенах произошли колоссальные. Минздрав не торопился с назначением нового начальника, а потому санитар № 2, узурпировавший власть, ею вволю упивался.

Вдохновение Николай черпал из книжки «Архипелаг ГУЛАГ», которую приобрёл на барахолке на сдачу. Начав читать от скуки, он сразу превратил книжку в своё настольное пособие. Больничные палаты с этого времени стали именоваться бараками, а порядки неимоверно ужесточились. Третий барак, к которому Коля после пропажи золотой печатки и взрыва в пищеблоке питал особенные чувства, был прозван «штрафным космическим».

На поясах у санитаров отныне красовались ветеринарные пистолеты, заряженные шприцами. Импортное снаряжение привезли коммерсанты, чтобы продать местному зоопарку, а у того не хватало денег даже на кормёжку несчастных зверушек. Второй санитар, прознав об этом, скупил всю партию товара на подотчётные деньги, выделенные Минздравом на хозяйственные нужды больницы. Пациенты продолжали ютиться на истлевших матрасах и ржавых кроватях, а «надзиратели» обзавелись дополнительными рычагами мотивации особенно строптивых.

Самый активный из надсмотрщиков, санитар Коля, регулярно провоцировал пациентов, ибо стрельба шприцами по живым мишеням доставляла ему неслыханное удовольствие. «Ничто так не бодрит с утра, как удачно подстреленная бешеная собака», – любил повторять он, бродя по столовой во время завтрака, пока перепуганные «собаки» сидели, склонив к своим мискам головы и боясь шелохнуться.

В пистолетных шприцах находилась особая смесь, изготавливаемая медсестрой Леровой. В состав входил сульфозин и прочие «прелести», которые сулили подстреленному бедолаге моментальный болезненный паралич с последующей многочасовой агонией. Рецепт Галеры испытали на себе многие. Повторять не хотелось никому. Но кроме ветеринарных зарядов в арсенале временной администрации были предусмотрены и прочие средства для наказания провинившихся: ЭСТ, оборачивания, обработка резиновой дубинкой и многое другое.

Чаще других в прицеле санитаря Коли оказывался О'Юрич, чьё боевое прошлое не давало Николаю покоя. Он бесконечно подначивал Бортинженера, оскорблял и всячески провоцировал нарушить дисциплину. В ассортименте его персональных ругательств любимыми были: «совковый милитарист», «вшивый афганец» и «тухлый спецназовец». На массовых собраниях в столовой Коля регулярно заводил разговор о том, что в дурке О'Юрич на самом деле «косит» от отправки в очередную горячую точку.

Бортинженер мог долго терпеть и не подавать виду, но временами даже его чаша терпения переполнялась. Особенно когда из поганого рта Николая сыпались оскорбления в адрес крокодила Виталика. Санитар № 2 в такие моменты был наготове и с садистским наслаждением палил в бесстрашно бросающегося на него «милитариста». Для Бортинженера ему было не жалко двух, а иногда даже и трёх зарядов, от которых несчастный О'Юрич пребывал в жуткой лихорадке по нескольку дней кряду. И лишь внимательный взгляд Зенита отмечал, что с каждой новой попыткой атаки Бортинженер неумолимо оказывался чуть ближе к своему обидчику.

В один из дней санитар Коля шумно ворвался в «штрафной космический». Нуль-парсековцы тут же напряглись в ожидании очередной гадости.

– Ну что, идиоты, кто хочет стать в вашем бараке старостой? – он ухмылялся и оглядывал пациентов, хлопая по ладони своей любимой дубинкой.

Все хранили молчание, отводя глаза в сторону.

– Освобождение от наказаний, горячее питание совместно с администрацией, для помывки предоставляется нагретая в баке вода, – озвучил Николай полагающиеся старосте льготы.

Предложение было заманчивым. Пациентов уже давно перевели на сухой паёк, так как после подрыва газа в пищеблоке продолжала работать всего одна конфорка. Горячую воду в больнице тоже отключили на неопределённое время. А пожаловаться на коммунальщиков было некому – мнение рядового санитаря в Минздраве никого не интересовало. Но даже перспектива прекращения регулярных издевательств не подвигла разведчиков совершить подлый поступок – народ третьего отсека безмолвствовал.

– Вы чё, придурки космические, самые гордые, что ли? – Второй санитар подбросил к потолку дубинку и поймал её, когда та сделала пару оборотов. – В остальных бараках отбоя от претендентов не было, народ друг другу глотки был готов рвать. Или перетрудиться боитесь? Так обязанности самые простые – следить за нарушениями дисциплины внутри барака и своевременно докладывать.

Претендентов на лакомую вакансию не нашлось и теперь. И тогда санитар Коля решил коварно прибегнуть к запрещённому приёму:

– Старостам барака снова разрешим играть в теннис.

Рука Р-Ната в ту же секунду непроизвольно поднялась вверх. Он смирился со всем: с холодной кашей, с ледяным душем, во время которого троица санитаров беззастенчиво разглядывала его и ухохатывалась над треугольником на его смуглой заднице. Он мог вытерпеть сеансы электросудорожной терапии и последствия от попадания шприцем с набодяженным Галерой жутким составом. Истинные же страдания ему причиняло отлучение от любимой игры. И поделаться он с собой ничего не мог.

Семь презрительных взглядов сфокусировались на Р-Нате. Даже Командор ненадолго отвлёкся от своей любимой книжки, чтобы выразить коллеге-разведчику своё разочарование в нём.

– Вот и славненько! – расплылся в ехидной улыбке санитар Коля. – Искандеров, дуй в ординаторскую. Там сейчас для всех старост проведём собрание.

Уговаривать Р-Ната не потребовалось. Красный как рак и прожигаемый осуждающими взглядами, он ринулся из палаты, едва не сбив с ног уходящего санитаря.

– И осталось их семеро, – проворчал Командор, не отвлекаясь от животных Гваделупы.

– Вот вам и новобранец, – процедил сквозь зубы Лыжников. – Не нравился мне этот тип с самого начала.

– Вообще-то старостой должен быть я, – невозмутимо заявил Дипер. – Согласно субординации.

– Что ж ты тогда ручку-то не поднял, когда санитар спрашивал? – ехидно усмехнулся Врач.

– Можешь поднять сейчас, Командор, – хмуро обронил Бортинженер. – Поглядим, какой из пальцев у тебя лишний.

В его руках мелькнул коготь фурдории, и Дипер сразу набросил на голову одеяло, оставив небольшую щёлочку для освещения заветной книжки.

Разведчики то и дело испытующе глядели на Зенита в ожидании его реакции на предательство собрата по отряду, но капрал был озадачен не меньше остальных и не знал, как реагировать на случившееся.

Вернулся Р-Нат ближе к вечеру. На нём был больничный халат, на спине которого красовалась свежая трафаретная надпись:

ДПС
Б-3

– «Б-3» – это «третий барак», судя по всему, – догадался Штурман. – А «ДПС» что означает?

– Добровольный Помощник Санитаров, – не без гордости расшифровал теннисист.

О'Юрич поднялся с кровати и двинулся в сторону предателя.

– Учтите, мне вот это выдали! – опасно отступил от него Р-Нат и достал свисток из кармана халата.

– Ну так свисти. – Бортинженер говорил тихо, но лицо его окаменело. – Поглядим, успею ли я тебе эту свистульку ногой в горло заколотить!

Он подошёл к кровати Р-Ната и взялся за спинку, напрягшись, словно пружина. Все замерли в ожидании развязки. Внезапно Р-Нат извлёк из рукава какой-то предмет, похожий на резиновую дубинку, но только короче. Бортинженер от неожиданности расплылся в улыбке и хотел было съязвить по этому поводу, но в этот момент теннисист поднёс конец дубинки к металлической дужке кровати, за которую держался О'Юрич.

Раздался громкий треск, словно разорвали плотную материю, под ладонью Бортинженера сверкнуло, он рухнул на пол и задёргался в судорогах, вращая выпученными удивлёнными глазами.

– Из Р-Ната тоже дроида сделали! – воскликнул Шлемофонцев. – Разрядник в манипулятор вставили!

– Всё намного серьёзнее, – мрачно произнёс капрал. – Р-НАТ – это же Робот Натурального Анатомического Телосложения! Как я раньше не догадался!

– Я вам больше не Р-Нат! – злобно выкрикнул теннисист, вскочил и принялся махать дубинкой перед собой, словно отгоняя ночных хищников горящим факелом. – Я теперь Игорь!

– А Русланчик где? – удивился Левап.

– Этот хлюпик мёртв! – От жуткого голоса теннисиста всем стало не по себе.

Пятясь к выходу, Р-Нат развернулся и стремительно исчез в холле. Все поглядели на Бортинженера, который перестал дёргаться, но всё ещё лежал на полу, уставившись в потолок и хлопая глазами.

– Что ещё за Игорь? – недоумевал Повар. – Р-Нату мозги, что ли, на собрании заменили?

– ИГОР – это Интерактивный Гуманоидный Органический Робот, – продолжил расшифровку Зенит. – Оргабот для краткости. Он, как человек, у него есть мозг, он может думать, анализировать и развиваться, в отличие от простых роботов. Потому Бестелесые и ему передали часть Знания, приняв Р-Ната за гуманоида.

– Когда треугольник ему на жопу лепили – разницы не заметили! – хохотнул Серджио.

– Но, в отличие от нас, думать Р-Нату помогает компьютер, – продолжил капрал. – Оргабот напичкан разнообразными техническими усилителями типа плазмощтыка, которым он вырубил Бортинженера.

Все снова глянули на валяющегося на полу бедолагу, который уже слабо шевелил губами и руками.

– Спасибо, кстати, что мощность энергетического импульса установил не на максимум. А не то бы вместо О'Юрича сейчас пепел в совок заметали, – отметил Зенит. – Кроме того, у оргаботов ускорена реакция.

– Вот почему этот хорёк всех в теннис обыгрывает, – заключил Эндрю.

– И на Челхиор его послали, так как было понятно, что он выиграет у всех и выполнит задание по устранению Хлагдрерга, – добавил Зенит. – Теперь всё встало на свои места.

– Ничего ещё не встало! – раздражённо возразил Вонахап. – Зачем нам его в отряд разведчиков засунули?

– Чтобы присматривал и доносил, само собой, – брезгливо отозвался Лыжников.

– Не исключено, – кивнул капрал. – Либо чтобы в самый критический момент принял на себя удар, выдержать который обычному разведчику не под силу.

– Вот он и принял. – Биолог лежал на кровати и силился рассмотреть, что там темнеет на потолке: муха или просто выщерблина в извёстке. – Согласился помогать дроидам, что любому нормальному разведчику запахло.

– Я бы тоже этот удар выдержал, – пробубнило из-под командорского одеяла.

Повар пошарил руками в поисках чего-нибудь тяжёлого, чтобы запустить на звук гнусного голоса, но ничего не нашёл.

– Либо вообще всё банально, – продолжал озвучивать версии Зенит. – ИГОРЫ – штуки экспериментальные и не до конца законенные Космосодружеством. Компания-производитель Р-Ната могла за взятку пропихнуть его нам в полёт для тестирования и рекламы.

– Первое, что надо будет протестировать, – поместится ли плазмощтык у Игорька в треугольной заднице. – Бортинженер наконец поднялся на ноги и принялся отряхивать пижаму.

– Нам придётся быть вдвойне осторожнее, – предостерёг его капрал. – Разумность Р-Ната – его преимущество, но в то же время и слабость. Нахрапом не одолеть. Но на него можно попытаться воздействовать, апеллируя к морали и прочим человеческим качествам.

– Все человеческие качества – это слабости, – отрезал О'Юрич.

Он сделал стойку на руках у стены и начал отжиматься от пола, упираясь в него кулаками.

– Хотя, конечно, наши земные законы ему до лампочки, – хмыкнул Зенит.

– У Р-Ната свои законы, – недовольно проворчал Штурман. – Ома и Кирхгофа.

– Вот ведь ублюдок генетический! – в сердцах воскликнул Ровский, убедившись, что неподвижное пятно на потолке, к сожалению, не имеет органического происхождения.

С каждым днём санитар № 2 всё сильнее упивался безграничной властью. Его деспотизму мог бы позавидовать даже печально известный диктатор Хлагдрерг с планеты Челхиор. Первый и Третий Колю побаивались, его садистских замашек не разделяли, но деваться простому санитару в это смутное время было некуда. Или в условиях жёсткой конкуренции продавать ширпотреб на толкучке, рискуя стать добычей рэкетиров, или же обрести хоть какое-то подобие власти над ещё более убогими, но имея при этом гарантированный кусок хлеба. Санитары Петя и Шурик недолго думая выбрали второй вариант. Не говоря уже о медсестре Леровой, которая приторговывала рецептурными препаратами и на свой кусок хлеба могла намазывать щедрый слой масла.

В один из дней в больничном туалете запланировали показательное дисциплинарное наказание для третьего штрафного барака, чему предшествовала череда взаимосвязанных событий.

Сначала у Галеры пропал весь запас таблеток фенолфталеина. Вслед за этим у старосты третьего барака начались неприятности. После каждого приёма пищи Р-Нат вместо игры в свой любимый пинг-понг был вынужден просиживать на унитазе по причине внезапно срабатывающего слабительного эффекта. Его же часто можно было заметить бегущим по холлу в своём белом халате, покрытом «кровавыми» пятнами. Правда, к тому времени, как Р-Нат добегал до ординаторской, чтобы пожаловаться санитарам на своих соседей по бараку, аммиак успевал испариться, и кровавый цвет фенолфталеина с халата попросту исчезал.

Имела место также регулярная порча теннисных шариков, которые староста был вынужден прятать за пределами барака. В конце концов страдания и жалобы старосты третьего космического надоели Второму санитару, и тот принял решение поставить обнаглевших космонавтов на место.

В туалете, помимо приговорённых, присутствовали все трое санитаров и старосты барачков, которые должны были засвидетельствовать происходящее и донести до своих подопечных всю пагубность нарушения дисциплины.

Туалет, предназначенный исключительно для пациентов, занимал просторное помещение. Помимо железных чаш унитазов, разделённых деревянными перегородками, здесь находилась душевая на несколько человек. Посреди туалета стояла большая железная ванна, к которой протянулись резиновые шланги. Стены были покрыты потрескавшимся и отвалившимся во многих местах кафелем. Одним своим видом отхожее место нагоняло депрессию и вызвало ассоциации с фильмом «Обыкновенный фашизм».

Санитары, держащие штрафников на прицеле своих ветеринарных пистолетов, подали команду старостам, и те потащили к ванне первого из разведчиков. Дипер отчаянно брыкался, но его быстро раздели и погрузили в уже залитую ледяную воду. Отчаянный крик Командора зазвенел внутри кафельных стен, рождая на них новые трещины. Для завершения безрадостной картины не хватало рвущихся с поводков немецких овчарок.

Запись № 31. Своими дерзкими выходками мы вынудили дроидов насторожиться и прибегнуть к крайним мерам. Наш отряд снова погружают в анабиоз. Что ждёт нас? Милосердная кремация в Безжизненной Зоне, пока мы пребываем в бесчувственном состоянии? Или же пробуждение с полностью обновлённым сознанием, в котором уже не будет ни Знания Бестелесых, ни чувства долга перед идеалами гуманизма, ни воспоминаний об угрозе из Бездны Мурены? Не хотелось бы в результате повторной амнезии потерять тридцать ценнейших записей бортового журнала.

Дроид Коля тем временем взял плазмоштык, подошёл к ванне и злорадно заулыбался стоящим у стены разведчикам. После этого сунул конец шокера прямо в воду. Старосты, удерживающие Командора, едва успели отпрыгнуть. Тело Дипера неестественно выгнулось и тут же ушло под воду. Николай схватил того за громадную голову и выволок из ванны наружу. Командора трясло, он откашливал попавшую в глотку воду и пытался удержаться на четвереньках, но его непослушные конечности разъезжались на скользком полу.

– Гидроцефал, у тебя есть ровно минута, чтобы убраться с моих глаз. Если, конечно, не хочешь повторения водных процедур. – Второй санитар пнул Дипера под рёбра и повернулся к остальным разведчикам. – А вы пока вспоминайте, кто украл фенолфталеиновые таблетки. Как только вспомните – все идут кушать и баиньки.

Спотыкаясь и содрогаясь всем телом, покрытым гусиной кожей, Командор сгрёб в охапку свою одежду и проковылял на выход.

– Борода – следующий! – указал Коля плазмоштыком на капрала.

Когда Зенит вернулся в пустую палату, его всё ещё трясло после полученного разряда. Ему даже показалось на миг, будто вернулись эпилептические припадки. Он насухо обтёрся полотенцем, взял с тумбочки О'Юрича фломастер и спешно подрисовал стёршийся с руки во время «купания» треугольник. И тут капрал заметил на себе внимательный взгляд Командора, накрытого одеялом. Впрочем, Дипер тут же снова уткнулся в свою любимую книгу.

После экзекуции, когда все остальные члены «Нулевого парсека» вернулись в третью палату, перестали трястись и обсохли, туда заявился и староста Р-Нат. Он с опаской пробрался к своей койке, косясь на Бортинженера и сжимая плазмоштык обеими руками, которые у него тоже слегка дрожали, но всего лишь от волнения, в отличие от остальных. Капрал успел убедить коллег не лезть на рожон и временно отстать от Р-Ната, поэтому за свою жалкую жизнедеятельность оргработ мог не волноваться. По крайней мере, этим вечером.

– Между прочим, вы сами виноваты. – В голосе Р-Ната послышались оправдательные нотки. – Не надо было меня травить.

– Фенолфталеин – не отравка! – возмутился Шлемофонцев. – Скажи спасибо, что твою выхлопную систему прочистили, оргработина неблагодарная!

– Сами вы неблагодарные! – огрызнулся Р-Нат. – Начальник говорит, что вы мой авторитет признавать должны.

– Сначала мой! – ляпнул Командор, плюя на пальцы и переворачивая страницу книги.

– Это Колян-то начальник? – Повар тоже сплюнул с нескрываемым отвращением. – Нового главврача вместо Константиныча пришлют – и будет твой Коля ему шестерить, как сейчас ты ему, Русланчик.

– Он же Р-Нат, – напомнил Штурман.

– С-с-сам ты Р-Нат, – парировал теннисист. – Игорь я!

– Р-Нат – это разведчик из «Нулевого парсека», с которым мы громили челхиорскую нечисть, – выразил своё веское мнение О'Юрич. – А вот этот вот чмошный оргабот на побегушках у дроида – позорище, а не разведчик.

– Полный абсурд! – присоединился к порицанию Р-Ната Шлемофонцев. – Всё равно что каким-нибудь НИИ взялся бы руководить пылесос. И этот пылесос назначил бы макаку начальником лаборатории. Вместо того чтобы посадить макаку в клетку, а учёным испытывать на ней вакцины.

– А Колю-Пылесоса отдать уборщице для использования по назначению, – вставил Повар.

– С-с-сам ты макака! – зашипел от злости Р-Нат и сжал припрятанный в рукаве плазмощтык.

– Предлагаю исключить оргабота из отряда «Нулевой парсек». – Эндрю поднял руку вверх.

Бортинженер поднял и свою руку, и картонную лапку Виталика.

– Шовинистические людишки! – Р-Нат вскочил на ноги, прицениваясь, кого бы первым из непокорных обитателей вверенного ему барака утихомирить электрическим разрядом, но заставил себя успокоиться и сел на место, тяжело дыша от волнения.

Капрал понял, что пришла пора вмешаться.

– Пойдите! – Он вышел на середину палаты. – Поспешные решения под влиянием эмоций ни к чему хорошему не приводят. Не забывайте, что Р-Нат состоит в нашем братстве Треугольника.

– Начальник говорит, что треугольники эти – самые обычные партаки, которые нам психованная рыжая татуировщица набила, – продолжал сопротивляться Р-Нат, сводя на нет миротворческие усилия Зенита.

– Обычные?! – вспыхнул капрал. – Если я сейчас возьму у О'Юрича фломастер и намалюю тебе таблицу умножения на втором полукопии – станешь ты от этого умнее?

Говоря о фломастере, Зенит заметил, как Дипер внимательно посмотрел на него, затем на его поддельный треугольник у локтя, после чего вернулся к чтению.

– Умнее не стану. Но и треугольник на первом полукопии не добавил мне никаких знаний, – упрямялся Р-Нат.

Капрал набрал в грудь воздуха и мысленно посчитал до десяти, чтобы успокоиться.

– Хорошо, тогда небольшая демонстрация. – Он подошёл к выходу из палаты. – Парни, покажите-ка мне свои треугольники.

Повар выставил вперёд ладонь, Биолог водрузил гигантскую ступню на дужку кровати, Штурман расстегнул пижаму на груди, Врач снял её полностью и повернулся спиной, а Бортинженер закатал рукав до плеча. Командор поначалу заерепенился и стянул с головы шапочку только после того, как О'Юрич пригрозил спустить на него своего терамского крокодила. Зенит вышел в холл, выключил в палате свет и тут же вернулся. В темноте парили и покачивались шесть светящихся треугольников. Раздались возгласы удивления, кто-то присвистнул.

Капрал снова включил свет, пока никто не хватился, что его собственный треугольник почему-то не светится.

– А я, когда ночью до толчка бегал и заметил светящийся треугольник на ноге у Ровского, подумал, что у меня глюки! – признался Серджио.

– Ну и дела! – Повар с любопытством разглядывал свою ладонь, упрятав её в темноту под одеяло.

– А у Р-Ната тогда в штанах круглосуточная дискотека для мандавошек! – Шутка Врача немного разрядила напряжённую обстановку.

– Вы могли треугольники нарочно натереть чем-нибудь светящимся, – не сдавался оргбот, искушённый в издёвках соседей по палате.

– Тебе, Р-Нат, я погляжу, гораздо приятнее считать себя пациентом дурдома, которым помыкают недалёкие санитары, – укоризненно заметил капрал.

Теннисист обиженно насупил. Судя по растерянному выражению лица, его раздирали внутренние противоречия.

– Лучше уж пусть они помыкают пациентом, чем высокотехнологичным оргботом, – проворчал он. – Хотя бы не так обидно. И лучше уж я буду сидеть в дурдоме на Земле, чем летать в космосе. Полёты я не могу переносить, капрал, извини.

– Чушь! – категорически запротестовал Зенит. – Даже в психбольницах на нашей родной планете пациенты прямо сейчас вынуждены безостановочно летать вместе с Землёй вокруг Солнца. А обиду твою я прекрасно понимаю. Ты же в некоторой степени совершеннее нас всех. И уж точно совершеннее дроидов. В тебе соединилось всё лучшее от них и от нас.

Р-Нат смутился и покраснел от подобной похвалы.

– И как, наверное, невыносимо осознавать, что люди из Центра используют этот совершенный инструмент для самой грубой работы, – капрал продолжал искусно играть на струнах синтетической души оргбота. – Ты мог бы изобретать, творить, отвоёвывать Космосодружеству новые планеты, а вместо этого тебя превратили в ёршик для проталкивания Знания в канализацию Безжизненной Зоны.

– Причём одноразовый ёршик, – тихо добавил в наступившей тишине командор Дипер. Этой ночью Р-Нату, обуреваемому раздумьями, почти не удалось заснуть.

После прихода к власти клики санитаров кормёжка и условия содержания ухудшились у всех пациентов без исключения. Но винили все в своих мытарствах исключительно нуль-парсековцев из третьего барака. И если раньше рядовой состав «Довженко-19» симпатизировал разведчикам, то теперь все откровенно злорадствовали каждый раз, когда штрафной космический подвергался очередной экзекуции.

В этот день санитар № 2, или, как его теперь называли меж собой разведчики – Коля-Пылесос, организовал своё любимое мероприятие под названием «Неудачник на ужин». Отряд Зенита сразу окрестил это издевательство «Челхиорским турниром».

После обеда всех пациентов согнали в холл, где Р-Нат должен был поочередно обыгрывать представителей третьего барака в настольный теннис. Неудачник определялся по наименьшему количеству заработанных очков. Теннис с некоторых пор остался для Р-Ната единственным оазисом в окружающей его пустыне презрения и непонимания. Оргбот чувствовал себя чужим и среди бесхитростно устроенных дроидов, и среди людишек с их слабостями и предрассудками.

Поэтому и сегодня Р-Нат расправился со своими не умеющими играть соперниками беспощадно. Сразу двое разведчиков не набрали ни одного очка, проиграв оргботу «всухую». Поэтому неудачников к ужину получилась пара: один – подслеповатый биолог Ровский, второй – Штурман, тоже не отличающийся остроглазостью, да ещё и испытывающий проблемы с координацией.

За ужином рядовые пациенты по обыкновению уплетали давно остывшие условно питательные вещества, в то время как стол, за которым восседал медперсонал и старосты барakov,

изобиловал горячей мясной пищей. Два же отобранных неудачника были полностью лишены скудного ужина и предназначались сегодняшним вечером исключительно для забавы власть имущих.

Неудачник Ровский стоял у стены, касаясь затылком плаката о преимуществах диетического питания. На голове его покоилась грязная картофелина, которую туда водрузил кухонный работник Хряпычев. После излечения от ожогов его морда стала ещё шире и краснее. А сострадания к «свиньям», по понятным причинам, у Хряпычева не прибавилось.

Позабавиться первыми Коля традиционно предложил своим коллегам. Как обычно, санитары Пётр и Александр отказались, довольствуясь щедро наваленной в тарелки тушёной капустой и шницелями. Снисходительно посмеявшись над малодушием соратников, санитар № 2 встал из-за стола, вышел на середину столовой, утёр рукавом сальные губы и повернулся к подпирающему стенку Биологу.

Пока Коля-Пылесос разминал нависшие над рукоятью ветеринарного пистолета пальцы, словно стрелок из фильмов про Дикий Запад, лицо Бака Ровского выражало крайнюю степень несчастья. Второй санитар выхватил пистолет и прицелился. Бак зажмурился и втянул голову в плечи, картофелина с его головы свалилась и покатила по полу. Тогда Коля тоже направил ствол вниз и выстрелил.

Шприц с адской смесью воткнулся Биологу в живот. Тот перегнулся пополам, рухнул на пол, засучил ногами и затих. Глаза его словно остекленели. Николай кивком подал знак старостам. Несколько из них сразу побросали ложки, выскочили из-за стола и за ноги выволокли бесчувственное тело Ровского из столовой в холл.

– Ставьте другого доходягу! – скомандовал санитар № 2.

Хотя глаза Левапа были защищены толстенными стёклами очков, он всё равно инстинктивно зажмурился, когда увидел наведённое на него дуло. Было хотя бы не так страшно. Атеист Вонахап, боясь шевельнуться и уронить корнеплод с головы, молился каким-нибудь всемогущим техническим богам, чтобы рука Коли-Пылесоса не дрогнула и шприц пронзил картофелину или, на худой конец, плакат про диетическое питание.

Рука Второго санитаря не дрогнула, но и стрелок из него был неважный. Этот факт уже давно не остался незамеченным для внимательных глаз Бортинженера. Шприц застрял в лице Штурмана прямоком под оправой очков. Он вскрикнул, обмяк и сполз по стене на пол. Судя по ухмыляющемуся лицу дроида № 2, результатом тот оказался удовлетворён. Коля отпнул подкатившуюся к его ногам картофелину, картинно дунул в ствол ветеринарного пистолета и сунул его в кобуру на поясе.

Ночью Штурман с Биологом пришли в себя и почти до самого утра стонали и бились на кроватях в болезненной агонии. У Левапа вдобавок начался сильнейший отёк лица, которая сжалившаяся Галера тайком от Николая вечером предусмотрительно намазала чем-то заживляющим. Врач Шлемофонцев ночью дополнительно посыпал заплывшее лицо Вонахапа собственным снадобьем. Что-то из применённых средств однозначно помогло, так как к утру отёк на физиономии Штурмана спал.

А вот у старосты Р-Ната поутру случилась неприятность – он натянул пижамные штаны, а его любимые подтяжки оказались разрезаны. Судя по характеру надреза – когтём фурдории.

Глаза оргабота заблестели от обиды. Он сунул в рот свисток и засвистел, разбудив не только своих соседей по палате, но и тех, что спали за стенкой. Тут же Р-Нат был вынужден выпустить свисток изо рта, он кашлял и отплёвывался, бедолагу едва не тошнило. Судя по хитрому прищурю Шлемофонцева – последствия его колдовства над свистком.

В связи с инцидентом вместо завтрака третий барак подвергся тщательному обыску. Но опасного режущего предмета, о котором Р-Нат донёс санитарам, за час добросовестного шмона так нигде и не обнаружилось.

Рассерженный санитар № 2 подошёл к кровати О'Юрича и взял в руки чёрную обувную коробку.

– А не вскрыть ли нам твоего картонного зверька? – Николай потряс крокодилчиком возле своего уха. – Вдруг открывашку он проглотил?

Взгляд Бортинженера заставил Второго санитара бросить коробку обратно на кровать и поспешно отойти на безопасное расстояние.

– Учти, Коля-Пылесос, – процедил О'Юрич сквозь зубы, – меня можешь обстреливать своими иголками, жечь током и поливать ледяной водой. Но за Виталика я тебя сразу загрызу, при первой же возможности, только отвернёшься или моргнёшь. Обещаю.

Николай натужно хихикнул и принялся нервно тереть рукоять ветеринарного пистолета. Первый и Третий тоже на всякий случай взяли за пистолеты в ожидании от своего самозванного босса должной его положению реакции.

– По надзорной палате соскучился, Юрич? – В голосе Второго сквозила неуверенность. – Ты не стесняйся, врубай буйного. Я тебя мигом на вязки положу. Будешь с утра до вечера на косолапых глядеть, успокаиваться.

Бортинженер взял крокодилчика на руки и отвернулся. То, что хотел, он уже сказал. Внутри санитара Коли всё клокотало. С одной стороны, нельзя было спускать подобную наглую выходку от пациента. С другой стороны, неизвестно, что может прийти в большую голову этого свихнувшегося «афганца». Управлять агрессией бывшего сержанта Варова получалось только у доктора Арфеева.

– Сегодня на ужин у нас снова неудачник, – объявил санитар № 2. – И вот ведь совпадение – он опять будет отобран из вашего космического барака!

Коля злорадно осклабился и вышел из палаты. За ним засеменяли остальные санитары.

После обеда авторитету Коли-Пылесоса снова был брошен вызов. Добровольный помощник санитаров Руслан Искандеров участвовать в розыгрыше неудачника наотрез отказался.

– Русланчик! Или как там тебя – Игорёк! Ты чего? – Строптивость теннисиста стала для Николая неожиданностью.

– С «Нулевым парсеком» играть не буду! – категорично объявил Р-Нат.

– Ты снова за своё? – нахмурился Второй санитар. – Ты дебил, а не космонавт. Хотя как тебя убедить – ты же дебил!

– Сам дебил! – огрызнулся теннисист.

Кровь прихлынула к лицу Коли. В переполненном холле воцарилась мёртвая тишина.

– Что ты сказал, Искандеров? – растягивая слова, просипел Второй.

– Сам играй, – тихо отозвался Р-Нат, опустив голову.

Санитар Коля достал ветеринарный пистолет из кобуры.

– Что ж, я сыграл. И по моим правилам ты проиграл, Игорь Русланович. – Голос его стал вкрадчивым. – И знаешь, что будет сегодняшней мишенью за ужином? Треугольник на жопе неудачника!

Лицо Р-Ната исказила гримаса отчаяния. В руке его оказалась дубинка с шокером.

– Наконец-то, Русланчик Игоревич! – возликовал Второй. – Нащупал-таки в своём кармане пару яиц вместо хрупких теннисных шариков? Давай, разозлился, маленький сыночек!

Коля ухватил пистолет обеими руками и встал, широко разведя ноги. Остальные санитары тоже достали своё ветеринарное оружие и пугливо озирались на окружившую их толпу психически нездоровых людей.

Р-Нат сделал шаг навстречу Николаю и вдруг упёр плазмощтык в собственный подбородок. Разряд заставил теннисиста рухнуть на колени, он выронил шокер, но отчаянно пытался подняться, борясь с судорогами мышц. Петя с Шуриком подскочили и подхватили его под локти.

– Мне хлюпики не нужны! – Коля подошёл к Р-Нату и стянул с него белый халат. – Не нравится пасти баранов – возвращайся к ним в стадо!

– Т-ты не б-будешь указывать оргаботу, что ему д-делать, д-дроид! – непослушным языком промямлил Р-Нат. – З-займи своё место в к-кладовке со швабрами! С-с-с!

Побагровевший Николай извлёк из кармана только что реквизированного халата теннисный шарик.

– Теннис, оказывается, пагубно на психическом здоровье сказывается, – покачал он головой. – Придётся запретить эту ересь.

С этими словами санитар № 2 положил шарик на пол и с хрустом раздавил его ботинком.

Этим же вечером разведчики стояли и наблюдали, как богато одетые мужчина и женщина под руки проводили по холлу Р-Ната мимо их отсека. Тот едва передвигал ноги, у него был потухший взгляд, а на тонкой смуглой шее был намотан бинт.

Бортинженер бросил Р-Нату теннисный шарик, который на днях припрятал, чтобы досадить. Но обычно резкий и ловкий теннисист сейчас даже не сделал попытки его поймать, и шарик одиноко заскакал по коридору.

Когда процессия удалась, все члены «Нулевого парсека» сгрудились у окна. Во дворе больницы стоял чёрный представительский автомобиль, освещаемый уличными фонарями.

– Руслан сегодня пытался повеситься.

Все обернулись на тихий голос – в палате стоял санитар Шурик с печальным взором.

– В туалете, на собственных подтяжках, – продолжал санитар. – Гертруда позвонила его родителям. Они у Искандерова какие-то непростые, влиятельные. Чтобы забрали парнишку от греха.

– Откуда у оргабота родители, долбоёб! – едва слышно прошептал Дипер и добавил уже громче: – Теперь-то их точно осталось семеро.

Сорвавшееся с уст Командора ругательство было настолько для него нетипичным, что те, кого осталось семеро, на миг опешили, но тут же снова повернулись к окну. Р-Ната велик к машине.

– Куда его теперь? – спросил Штурман.

– Подальше в глубокий космос, – вздохнул капрал. – Оргабот мог бы и дальше совершенствовать своё мышление, вершить великие дела. Но вместо этого он приговорён к медленной мучительной смерти в космической пустоте. Наедине со своими грандиозными мыслями такого же космического масштаба.

Перед тем как сесть в машину, Р-Нат обернулся. Семь пар родственных глаз, полных сочувствия, смотрели на него из окна. Zenit поднёс к груди сложенную пальцами букву «О» (а вернее – цифру ноль) и ребром ладони второй руки словно перечеркнул ноль по диагонали.

– Ноль не разделить! – произнёс он.

Остальные тут же хором повторили сказанное и соорудили схожую фигуру ладонями. Отныне у «Нулевого парсека» был и свой командный жест, и девиз. Из-за плохого освещения во дворе больницы разведчики не могли видеть слёз, заблестевших на щеках оргабота.

– И всё-таки он смог бросить вызов бездушным пылесосам! – раздался голос Ровского, когда огни представительского автомобиля скрылись за воротами больничной территории.

– Пора теперь и нам, – едва слышно добавил О'Юрич.

Капрал уже давно объяснил сослуживцам, что деревья, наблюдаемые сквозь иллюминатор, ненастоящие. Голографическая проекция, облегчающая длительные межзвёздные перелёты и тоску космонавтов по родной планете.

Но сейчас их неподвижная листва приносила мучения и убивала всякую надежду на мало-мальское дуновение ветерка, который мог бы дыхнуть свежестью в душную палату через мелкую прорезь форточки. Злое июльское солнце выныривало после полудня, и лучи его, проникая сквозь громадное окно без занавесок, превращали третий барак в теплицу, а его обитателей – в увядающие овощи. Или даже в овощи, медленно запекаемые в духовке.

Запись № 32. Раздавленные невыносимой жарой разведчики неподвижно валяются на амортизационных лежаках сутками напролёт. Системы жизнеобеспечения уже не справляются. Звездолёт «Довженко-19» неминуемо подбирается к солнцу Безжизненной Зоны. Она уже распахнула пасть и обдаёт приговорённых носителей Знания своим обжигающим дыханием, готовится проглотить нас вприкуску с тысячами копропараллаксаторов, ежедневно устремляющимися в её ненасытную утробу со всех уголков Космосодружества. Мы слишком изысканная приправа для неразборчивого гурмана.

– Вот я сейчас примеряю на себя шкуру дерьма, которое транспортируют в Безжизненную Зону, и начинаю сомневаться в эффективности подобного мероприятия. – Повар сходил к тазу с водой, стоящему на табуретке посреди палаты, смочил там полотенце и вернулся на кровать, наложив мокрую повязку на лоб.

Раньше тазик использовался исключительно Биологом для подпитки своих «корней». Теперь же служил во благо всего спасающегося от жары экипажа.

– И в чём же неэффективность? – стало интересно Левапу. – Копропараллаксатор наполняется до отказа и неспешно дрейфует в ближайшую Безжизненную Зону по наикратчайшей траектории.

– Зачем фекалии вообще куда-то запускать? – Лыжников протирал мокрым полотенцем лицо. – Не проще их сжигать на месте, в володиевом реакторе звездолёта?

– Это опасно, – покачал головой Штурман. – Попадание метана и сероводорода в реактор чревато катастрофой.

– К тому же в копропараллаксаторе накапливаются не только отходы жизнедеятельности, – вступил в дискуссию капрал. – Но и любой мусор с корабля.

– А почему нельзя всё это тупо вываливать за борт? – поинтересовался Врач, обмахивающий себя снятой с подушки и намоченной наволочкой. – Космос-то бескрайний.

– Наша Земля когда-то тоже казалась необъятной, – заметил Зенит. – А теперь над макушками деревьев в её лесах возвышаются горы помоек, а по океану плавают острова из целлофановых пакетов.

– Человек – вот самый токсичный отход! – недовольно проворчал Биолог.

– Ты, Бак, прямо как наш бывший оргработ запел, – ухмыльнулся Шлемофонцев. – Космический вакуум ему пухом.

– И всё равно не понимаю, – продолжал терзать себя размышлениями Эндрю. – На кой чёрт на космических трассах создавать всю эту толкотню из мусоровозок.

– Ещё и мы у них путаемся под... – отвлётшийся от чтения Дипер внезапно умолк, не сумев придумать – под чем можно путаться у летающих копропараллаксаторов.

С его вязаной шапочки «Atomic», которую он время от времени полоскал в тазике, сочилась вода. Капли стекали по лицу Командора, которое то ли от жары, то ли от плохого питания покрылось прыщами.

– А куда, кстати, О'Юрич подевался? – спросил Штурман, заметив на кровати сослуживца лишь одиноко нахохлившегося Виталика.

Бортинженер словно специально ждал, когда о нём вспомнят, и тут же возник в дверном проёме. Поверх его пижамы был накинут белый халат добровольного помощника санитаров, который явно жал О'Юричу в его широких плечах. Не успели разведчики остолбенеть, как Бортинженер подмигнул и украдкой сложил руки перечёркнутым нулём – фирменным жестом их отряда.

Следом за ним в палату вальяжно прошагал дроид № 2.

– Ну что, придурки космические, не сварились ещё тут? – Коля-Пылесос потряс лацканами халата в попытках охладиться. – Юрич вызвался в вашем бараке новым старостой. Посмотрим, как вы запоёте. Он вам не теннисный чистоплюй!

Николай расплылся в злорадной улыбке.

– Опять поперёк батьки назначили! – воскликнул Командор, часто моргая от стекающих на глаза струек воды.

Бортинженер чеканным шагом промаршировал до стенки, вlepил Диперу подзатыльник, прошагал обратно, вытянулся перед санитаром, козырнул и по-строевому отрапортовал:

– Разрешите приступить к наведению дисциплины в отведённой мне казарме?

– Валяй, – хохотнул Коля.

– Не извольте сомневаться, ваше благородие! – О'Юрич щёлкнул пятками тапочек. – Для наискорейшей адаптации контингента прошу верить мне плазмоштык, он же электрошокер, в количестве одной единицы! Дабы мерзавцы не вздумали ерундить!

Бортинженер энергично потряс в воздухе своим могучим кулаком.

– «Благородие», скажешь тоже, – смутился Второй санитар, но, судя по довольному лицу, подобное подбострастие пришлось ему по душе. – Пока обойдётся свистком, а там поглядим.

Дроид Коля поспешил в ординаторскую, где можно было подставить свой перегревшийся корпус под струи воздуха, исходящие от вентилятора.

С этого дня в штрафном третьем бараке началась новая жизнь. Каждое утро, невзирая на жару, начиналось с физзарядки. Неумолимый староста раздавал команды и выполнял задания совместно со всеми. За неукоснительностью повторения упражнений также следил крокодильчик Виталик, который сидел на тумбочке, свесив картонные лапки. О'Юрич из разорванной простыни с кровати Р-Ната соорудил своему питомцу маленький халатик и фломастером написал на нём «ДППС» – Добровольный Помощник Помощника Санитаров.

Разведчики бегали вокруг кроватей на носках, пятках и коленях, ползали на корточках и на животе, прыгали то на двух ногах, то на одной поочерёдно. Бортинженер заставлял их стучать по полу кулаками, рёбрами ладоней и локтями. Парни морщились, но терпели. Они тренировали пресс, отжимались на пальцах и растягивали связки, крича от боли. В любой момент безжалостный надсмотрщик мог неожиданно стукнуть кого-нибудь под дых, приучая подопечных не расслабляться ни на секунду.

Несчастному Диперу не давалось почти ни одно из упражнений, поэтому О'Юрич беспощадно лупил Командора тапком, словно таракана. После физзарядки немилосердный сержант гнал подопечных под ледяной душ.

И никто за всё это время не попытался завести разговор о том, что Бортинженер лишь притворяется помощником дроидов. По его глазам было и так всё понятно. Да и феррудиевые ублюдки могли круглосуточно подслушивать.

Санитары на самом деле частенько наведывались в третью палату. Им нравилось наблюдать, как староста муштрует самых непокорных пациентов больницы. В такие моменты О'Юрич бросался к появившемуся в дверях санитару, вытягивался и радостно рапортовал. Лицо его становилось до неприличия заискивающим, и, казалось, будь у Бортинженера хвостик, он бы вилял им с утроенной частотой. Прежними оставались лишь глаза бывшего сержанта – хищные, цепкие и холодные. Но довольные его пресмыкающимися ужимками санитары ничего подозрительного не замечали.

К штрафному космическому бараку пропали все нарекания. Хозработы разведчики выполняли с максимальным рвением, на паршивую еду не жаловались. Даже издевательства выносили стойчески, да так, что верховный дроид № 2 заскучал и от третьего барака во время ежевечерних развлечений за ужином был вынужден отстать.

Коля-Пылесос постепенно поверил, что бывший сержант Варов окончательно тронулся рассудком и реализует с попавшимися ему под руку неудачниками свои авторитарные замашки. По этой же причине Николай так и не решился снабдить своего самого преданного добровольного помощника чем-либо опаснее свистка.

Тем временем, усыпив бдительность дроидов, Бортинженер кропотливо собирал информацию об их слабостях и уязвимостях, не забывая о физической подготовке разведчиков «Нулевого парсека». По вечерам измотанный тренировками отряд обсуждал план предстоящего восстания и возвращения себе власти на борту «Довженко-19». В это время Командору поручали самое ответственное задание – сидеть в холле с книжкой у стены возле входа в третью палату и в случае опасности громко кашлять.

Немаловажную роль в разработанном плане должен был сыграть изобретённый Врачом препарат под кодовым названием «Буравчик Нечто» – специализированная смесь для дезактивации дроидов. День за днём О'Юрич, рискуя быть разоблачённым, добывал необходимые компоненты из бытовки, пищеблока и тщательно оберегаемых шкафчиков медсестры Леровой.

Пока Дипер «кашлял на шухере», нуль-парсековцы испытали придуманную Бортинженером ловушку. Он незаметно пронёс в третий отсек намотанную на руку туалетную бумагу, которая вследствие дефицита являлась привилегией медперсонала и старост (рядовые пациенты довольствовались газетами с кроссвордами, остающимися от санитара Пети).

Слоем намоченной туалетной бумаги обернули цоколь вывернутой лампочки и вернули её обратно в потолочный светильник, чтобы высчитать время, за которое бумага высохнет, а свет в отсеке, соответственно, погаснет. Операция была получена самому высокорослому из команды – Ровскому. Осуществить задуманное с первого раза у того не получилось.

Биологу сначала показалось, что сидящий снаружи Командор кашлянул. Бак испугался, сорвался с дужек кроватей, на которых стоял босыми ногами, и рухнул на пол. Он ударился большой спиной, но лампочка, к счастью, спаслась, упав на мягкий матрас. Со второй попытки разведчики наконец сумели рассчитать приблизительное время «автоматического» выключения света.

Когда всё было готово, экипаж дождался темноты и снарядил лампочку. Счёт пошёл на минуты. Староста О'Юрич выскочил в холл, пронзительно дунул в свисток и запрыгнул обратно. Дежурящие Первый и Третий санитары прибежали почти сразу же. Александр остался на всякий случай снаружи, а Пётр вошёл в третий отсек, откуда верещала трель тревожного вызова.

– Что у вас тут? – продолжающий что-то жевать Петя пристально оглядывал палату.

– ЧП у нас тут! – отчитался вытянувшийся по струнке Бортинженер. – На вверенном мне участке обнаружено неуставное использование методического пособия!

Он протянул санитару книгу «Архипелаг ГУЛАГ» и раскрыл её. Большинство страниц были безжалостно вырваны.

– Литературное произведение цинично употреблено вместо газет по причине более нежной фактуры, – О'Юрич всё-таки не смог удержаться от улыбки.

– Ты чего ржёшь, дебил? – испуганно зашептал Первый дROID. – Колька за свою любимую книжку знаешь, что с вами со всеми сделает? Давно с картошкой на голове не стояли?

Наконец туалетная бумага на цоколе высохла, и в палате погас свет. Бортинженер тут же мёртвой хваткой обвил санитару шею и приставил ему к горлу открывашку.

– У тебя, дROID, возле шейного шарнира есть тонюсенькая защитная пластина, – зашептал О'Юрич санитару в самое ухо. – Коготь фурдории проткнёт её без усилий, а под пластиной – важный силовой кабель. Будь послушным, если хочешь продолжать функционировать.

Петру совершенно не хотелось проверять уязвимые места своей анатомии, он замер, боясь шелохнуться. В крошечной тьме его подхватили несколько пар других рук.

– Что у вас со светом? – В слабо освещённом из коридора проёме возник силуэт Третьего санитара.

Тот безуспешно щёлкал выключателем.

– Лампочка перегорела! – беззаботным тоном выкрикнул ему О'Юрич из глубины палаты.

После чего подкрался, молниеносно напрыгнул на Шурика и втащил того внутрь. К этому моменту натренированный Ровский удалил с цоколя изолирующую бумагу и вернул в отсек освещение.

Обоим санитарам смотали руки и ноги лейкопластырем, сунули им в рот по куску мыла и завязали кляпы, нарваные из ошмётков простыни Р-Ната. После этого дроидов разоружили и вкатили каждому по минимальному разряду плазмощтыка, чтобы попробовать их перезагрузить.

Петя в спешке прибежал без ветеринарного пистолета, но у Шурика таковой, к счастью, оказался. О'Юрич забрал оружие себе, а Шлемофонцев начинил шприцы «Буравчиком Нечто» взамен галеровской бодяги. Бортинженер вытащил из ботинка санитара шнурок и с его помощью подвесил себе на шею коготь фурдории, как оберег от врагов «Нулевого парсека».

Кто-то из бдительных пассажиров «Довженко-19» успел предупредить дроида № 2, и тот забаррикадировался в ординаторской, перегородив дверь перевёрнутым письменным столом. О'Юрич подбирался к нему не спеша. Маскируясь, наблюдая и анализируя. Коля-Пылесос палил из двух пистолетов поочерёдно, перезаряжаясь после каждого выстрела. На это недолгое время его рука исчезала из проёма двери. Во время обороны Николай подстрелил шприцем одного из бегающих в панике по холлу пациентов.

Доползя до намеченной диспозиции, Бортинженер залёг под теннисным столом и прицелился. Все последние дни, пока санитар № 2 развлекался, стреляя по живым мишеням, О'Юрич внимательно изучал баллистику шприцев, выпускаемых из ветеринарного пистолета.

В очередной раз Колю напугала мелькнувшая тень, он произвёл выстрел и перезарядил оружие. Когда из-за оборонительного укрепления вновь показалась кисть его руки, сжимающая пистолет, Бортинженер, дожидаясь этого момента, нажал на спусковой крючок.

Игла шприца вошла в кисть Второго санитара между средним и безымянным пальцем. Коле сначала показалось, будто он в суматохе ударил руку о дверной косяк. Но тут в действие вступил «Буравчик Нечто». Санитары Петя и Шурик должны были благодарить судьбу, что им достались банальные разряды электрошокера и куски вонючего мыла во рту.

Николай опрокинулся навзничь и начал кататься по полу, корчась в болезненных судорогах. Изо рта его шла обильная пена, глаза вылезали из орбит. Приступы удушья чередовались у него с тошнотой, голова раскалывалась, внутренности выжигало раскалённой кочергой, жар сменялся ознобом. Жуткий вой санитара № 2 многократным эхом отразился в коридорах больницы.

Мучения Николая продолжались не меньше часа. Когда он наконец перестал биться и извиваться на полу и снова смог воспринимать окружающую действительность, то увидел окруживших его штрафников из третьего космического барака. После острой фазы «Буравчика Нечто» наступило облегчение. Но даже в этом состоянии страдания санитара были раз в пять тягостнее, чем от самого сильного похмелья. Коле-Пылесосу не хотелось жить.

– Кажись, переборщил ты со своим «Буравчиком», – заявил Лыжников Врачу, глядя на измождённое зелёное лицо санитара № 2.

– Наверное, магnezия в составе была лишней, – задумчиво произнёс Шлемофонцев.

– Если эта штука даже безмозглую херню так расколбасила, то представляю, что сотворил бы «Буравчик Нечто» с человеком, – заметил Биолог и весь передёрнулся от отвращения.

Вялые манипуляторы дроида № 2 смотали лейкопластырем. Спротивляться он даже не пытался. После этого Дипер осмелился приблизиться к пленнику и принялся его пинать, пока Зенит не отогнал Командора, указав на недостойное для разведчика поведение.

В углу за телевизором обнаружили едва живую от страха кибераптечку Лерову. Медсестра успела не раз проклясть собственную алчность – в этот вечер она задержалась на работе, чтобы запастись рецептурными препаратами для перепродажи.

Санитаров заперли в кабинете главврача. Там уже не осталось ничего, кроме пустых полок, стола и одиноко стоящего на нём телефона. Правда, воспользоваться им санитары не могли из-за туго стянутых рук и ног. С Пети и Шурика сняли кляпы, и бедолаги тут же принялись ожесточённо отплёвываться остатками мыла. Медсестру решено было не запирать вместе со всеми, так как, по общему мнению, пользы она за всё время полёта принесла разведчикам больше, нежели вреда. Галеру лишь обвязали за талию верёвкой, чтобы не потерялась во время предстоящей суматохи. Вторым концом верёвки поспешил завладеть Лыжников, привязав его к своему запястью.

Недолгое безвластье вызвало на «Довженко-19» самый настоящий хаос. Пассажиры звездолёта, днями напролёт пресмыкавшиеся перед дроидами и влачившие жалкое существование в виде безмолвных теней, преобразились до неузнаваемости. Шахтёры вперемешку с туристами носились по отсекам, громя всё на своём пути.

Когда обезвредившие дроидов разведчики вернулись в ординаторскую, там царил настоящий кавардак. Пространство оглушал вывернутый на всю громкость телевизор. Пациенты, больше напоминающие вырвавшихся из клеток обезьян, прыгали на диване и столах. Повсюду валялись переломанные стулья, пол был усеян ворохом бумаги. Один из пациентов бегал, держа в руках горшок с кактусом, и колол им визжащих сотоварищей. Ещё два пассажира доламывали барабан, подаренный больнице много лет назад подшефной пионерской организацией.

Нуль-парсековцы переглянулись и бросились наводить дисциплину, пока ошалевшие от свободы люди не разнесли звездолёт к чёртовой бабушке. Бортинженер раздавал тумачи налево и направо, Повар отобрал у вандалов единственную уцелевшую барабанную палочку, капрал убавил громкость на телевизоре, Врач реквизирует пару бутылок водки, которую какой-то пронырливый псих обнаружил в тумбочке Первого санитара. Дипер подобрал валяющийся на полу фен, оставшийся от женского отделения, и с гордым видом сунул его за пояс.

В столовой вакханалия достигла своего апогея. Одуревшие от скудного и однообразного рациона пациенты добрались до съестных запасов пищеблока, предназначавшихся для привилегированной касты медработников и старост. Взору появившихся на пороге разведчиков открылась ожившая картина средневекового пиршества в захваченном после долгой осады замке, когда правилами приличия в пылу победной эйфории можно было пренебречь.

– Имею мнение, капрал. – Повар разгладил пальцами усы, глаза его азартно горели. – Проще к этому безобразию примкнуть, чем прекратить!

– К мнению присоединяюсь. – Врач потряс отбитыми у конкурента бутылками водки. – Не каждый день из рабства спасаемся. Достойный повод отметить!

Поколебавшись какое-то время, Зенит одобрительно кивнул. Отряд разведчиков радостно устремился к столам с провизией. Притащенный из ординаторской магнитофон изрыгал весёлую музыку. Лыжников с завидной энергией принялся готовить разнообразные деликатесы, а из водки и прочих ингредиентов смешал в миске пунш. Его коллеги, не раздумывая, набросились на угощение.

Эндрю вдруг осознал, что всё это время ему для счастья не хватало барабанной палочки, спасённой им сегодня в ординаторской. С её помощью он смешивал блюда и напитки, дирижировал пустившимся в пляс пациентам и стучал по головам особо наглым из них, пытающимся дотянуться до медсестры Леровой. Женщина была ни жива ни мертва. Повару приходилось

всё время подматывать «поводок», чтобы иметь возможность оградить кибераптечку от посягательств озабоченных масс.

К слову, ряды этих самых масс, освобождённых от санитарного гнёта, редели на глазах. Захмелевшие и осмелевшие пациенты один за другим исчезали за воротами территории психбольницы.

– Чего пригорюнился, капрал? – К Зениту подсел О'Юрич, подкармливая с ладони своего чёрного крокодильчика.

– Не могу придумать, как нам развернуть звездолёт, – поделился капрал своими переживаниями. – В отсеке, где был бортовой компьютер, не осталось никаких следов навигационного оборудования. Дроиды его, похоже, разгромили.

– Завтра подумаем. – Бортинженер поставил перед ним стакан с пуншем Лыжникова. Зенит осушил стакан и довольно крикнул.

– Растёт у кока мастерство, – одобрительно улыбнулся О'Юрич и тоже замахнул свою порцию.

– В туалете Колю-Пылесоса к ответу призвали! – раздался истошный крик.

Немногочисленные пациенты, оставшиеся в столовой, одобрительно гудя, ринулись к выходу. За ними последовали и разведчики «Нулевого парсека».

Санитар № 2 лежал в ванной, куда из шлангов наливалась холодная вода. Он был всё ещё связан пластырем по рукам и ногам. И до сих пор страдал от последствий «Буравчика Нечто». Но ледяная вода немного отрезвила Колю, и в осмысленном взгляде его читалась смесь неуверенности и ненависти. Он вращал глазами, стараясь запомнить всех мерзавцев, что обступили его с довольными ухмылками на дебильных физиономиях.

Особняком выделялся Командор, который кружил вокруг ванны, сжимая под мышкой свой радиоприёмник. Разведчики и не заметили, когда Дипер умудрился улизнуть с пиршества.

– Того, кто меня сейчас развяжет, – п-пощажу. – Язык всё ещё плохо слушался Николая, а зубы его стучали от холода. – Остальным – п-пиздец!

После этой угрозы половина зевак выскользнула из туалета и скрылась за воротами больницы.

– П-попомните мои слова! – увещевал оставшихся санитар.

– П-попомните! П-попомните! П-попомните! – затараторил Командор, передразнивая Колю.

Вышагивающий вокруг ванны, сторбившийся и подбоченившийся, он в своей шапочке «Atomic» с гребешком напоминал деревенского петуха, бесстрашно роющего землю возле сидящего на цепи пса. Неожиданно Дипер поднял радиоприёмник над головой и бросил его на покрытый керамической плиткой пол. Несчастный прибор треснул от удара и развалился на части.

Поковырявшись во внутренностях приёмника, Командор извлёк оттуда золотой перстень – ту самую печатку, потерянную Вторым санитаром.

– А вот это п-помнишь? – Дипер надел печатку на палец и поднёс её к самому носу Николая.

– Ах ты ж, гадёныш! – Санитар яростно забился в воде. – Не жить тебе, Д-дипер, не жить!

– Нет – тебе! – огрызнулся Командор. – Как сказал бы один небезызвестный оргабот.

С этими словами он извлёк из-за пояса квантабер и приставил Коле к голове.

– Ну что, дурачок, не стреляет пистолетик? – расплылся в улыбке санитар № 2. – Мозгов под шапочкой так и не завелось!

Дипер озадаченно оглядел фен, взял в руки вилку на конце его провода, покрутил её и тут заметил розетку на полу возле ванны, куда иногда включали нагреватель воды. Лицо Командора исказила ухмылка, от которой у многих присутствующих пробежал по спине холодок.

Дипер воткнул фен в розетку. Капрал было ринулся к ванне, но был остановлен Бортинженером.

– Это всего лишь дроид, – объяснил О'Юрич. – Пускай Командор учится их деактивировать – ему этот навык пригодится.

Дипер снова приставил квентабер к голове Николая и включил его. Фен загудел, вырвался из руки неуклюжего Командора и нырнул в воду. Последовал громкий треск и шипение, тело Второго дроида на миг натянулось, словно струна, и тут же безжизненно обмякло.

Воцарилась тишина, которую почти сразу нарушил мерзкий скрипучий смешок Дипера. Он был негромким, но пробирал до мозга костей. Да так, что на выход из больницы заспешили те, кто до сих пор почему-то ещё не сбежал. Отряд «Нулевой парсек» остался в гордом одиночестве.

– Не погружай в жидкость тело, которое потом погрузит тебя самого! – Командор склонился над трупом Николая и показал «козу» из пальцев его остекленевшим глазам.

Раздался тихий всплеск – печатка соскользнула с тонкого пальца Дипера и опустилась на дно ванны. Достать её тот не решился.

Экипаж поспешил покинуть мрачное место и переместился в ординаторскую. Телевизор там продолжал работать. На его экране крутился земной шар из заставки к телепередаче.

– Земля! – закричал капрал, словно матрос, завидевший долгожданную сушу. – Мы поднимаем к дому! Скоро выйдем на околоземную орбиту!

– Но кто сумел перенастроить курс звездолёта? – удивился Штурман.

Зенит подошёл к телевизору и снял с него антенну, дабы убедиться, что «Довженко-19» не на ручном управлении. Спрятанный за антенной теннисный шарик тут же скатился и заскакал по полу. Р-Нат с некоторых пор хранил их в ординаторской, оберегая от порчи обиженными соседями по палате.

– Оргабот перенастроил! – догадался Ровский. – Развернул-таки звездолёт!

– Всё же человечность в Р-Нате победила бездушную электронику, – констатировал капрал.

– Идёмте – выпьем, почтим память товарища, – предложил О'Юрич.

Запись № 33. Благодаря самоотверженности оргабота нам удалось вырваться из лап Безжизненной Зоны и не слиться со вселенским дерьмом. Слаженными действиями мы одолели взбунтовавшихся дроидов и можем немного отдохнуть. Совсем скоро произойдёт автоматическая посадка на космодроме Земли. Что ждёт нас на Родине? Как встретят нас дома? Хочется надеяться, что руководство меня выслушает и Космосодружество предпримет меры против Белой Мурены. А потом пусть отправляют меня досрочно в отставку. Спротивляться не стану. Я невероятно устал без конца спасать мир.

Банкет продолжался долго, и рассвет застал разведчиков в самых разных уголках звездолёта «Довженко-19».

Пришедшая в сознание медсестра Лерова обнаружила себя в одном нижнем белье на столе рядом с мирно похрапывающим Эндрю Лыжниковым. Накануне он намотал на руку связующую их верёвку почти до конца. Зубами Галера отвязала её с запястья Повара, соскользнула со стола и побежала прочь, тихо шлёпая по полу босыми ступнями.

Её грандиозная грудь, затянутая усиленным бюстгалтером, подпрыгивала от каждого шага и напомнила Гертруде Альбертовне, как она вчера зажигательно танцевала, раскрепощённая лыжниковским пуншем и шлемофонцевскими таблеточками. Лерову стошнило.

В кабинете Арфеева на неё устали проснувшиеся санитары № 1 и № 3. Они были вынуждены провести всю ночь на твёрдом полу со связанными руками и ногами. В их печальных глазах промелькнула надежда.

Медсестра сняла трубку телефона и набрала «02».

Приговор прогрессу

Глава I. Саркофаг

Два дюжих омонца выпрыгнули из серой будки грузовика, захавшего во двор психиатрической больницы, и неспешно поднялись на крыльцо. Командир распорядился для начала проверить обстановку – не преувеличивает ли истеричная медсестра, позвонившая в милицию, масштабы трагедии. «Взбунтовавшаяся больница», о которой сообщила взволнованная гражданка, могла на деле оказаться парой токсикоманов, повздоривших из-за тюбика клея. Наверняка уже валяются в отключке. ОМОН привык усмирять вооружённых уголовников, разгоняя бандитские сходки и «стрелки». А в этой больнице даже решётки на окнах почти нигде не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.